

Три доклада к XII Международному съезду славистов

Проблемы славянского языкознания

Москва
1998

**Российская академия наук
Институт славяноведения
Национальный комитет славистов
Российской Федерации**

Проблемы славянского языкознания

Три доклада к XII Международному съезду славистов

**Москва
1998**

ISBN 5-85759-086-8

© Авторы, 1998
© Институт славяноведения РАН, 1998

В.А.Дыбо, С.Л.Николаев

Новые данные и материалы по балто-славянской акцентологии

К происхождению энклиноменов в а. п. *d* (метатония в доминантных корнях)

В.М.Иллич-Свитыч показал, что индоевропейские (и балто-славянские) существительные мужского и среднего рода с *o*-основами «баритонированной а. п.» (иными словами, балто-славянские и славянские доминантные = «плюсовые» основы) распределяются по двум славянским акцентным парадигмам в зависимости от первоначального грамматического рода [Иллич-Свитыч 1963: 109–140].

Балто-славянские существительные среднего рода, перешедшие в славянском в мужской род, имеют а. п. *b* (первоначально колонная баритонеза, в большинстве славянских диалектов преобразованная в акцентную кривую с бóльшим или меньшим числом окситонированных форм вследствие правостороннего сдвига ударения — см. [АССЯ: 18–31]): *dvōrъ, gen. *dvōra (> *dvorá) — др.-инд. *dvāra-m*, лат. *forum*; *vъnъ, gen. *vъna (> *vъná) — др.-инд. *vāna-m* и т. д.

Напротив, *o*-основы (и, как было установлено позднее, *u*- и *i*-основы) исконного мужского рода получили в славянском

особую акцентную парадигму, названную В. М. Иллич-Свитычем «смешанной». В ней ортотонические формы чередовались с формами-энклиноменами *nom.* и *acc. sg.*: слав. *zǫbъ, *gen.* *zǫba (> *zǫbá) - др.-инд. *ǰámbha-s*, греч. γόμφος; слав. *sǫkъ, *gen.* *sǫkū (> *sǫkú) - герм. *xáпхu-2 и т. п. (см. списки в [АССЯ: 91-95]). В дальнейшем этой акцентной парадигме было присвоено название а. п. *d* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988]. Главным источником реконструкции ее акцентной кривой стали чакавские говоры так называемых I и II групп (Сусак — у всех видов основ; Сень, Девинска Нова Вель — у краткосложных существительных) и кайкавские I группы (Пригорье, Озаль — также только у краткосложных) [АССЯ: 106-110, 113-114]. В этих говорах акц. кривая существительных а. п. *d* в общем сохраняет праславянский вид с противопоставлением форм-энклиноменов *nom./acc. sg.*¹ ортотоническим формам прочих падежей: чак. Сусак *bʷǫk* - *gen.* *bokǎ*, Сень *pǫs* - *gen.* *nosǎ* и т. д. Генетически тождественную акц. кривую первоначально имели и вост.-слав. говоры кривичского (см. об их акцентуации в [Николаев 1988; 1989a; 1991; 1994]) и карпатоукраинского (галицкого — см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1993:79]) ареалов, что проявляется в многосложных основах: ю.-пск., тороп., полоцк. (в большинстве говоров) *bǫrǫw* - *gen.* *bǫravá*, *kǫrǫp* - *gen.* *kǫrabá* и т. п.; закарпат. ужанск. *véǫur* - *in. adv.* *veǫ'erǫt* и т. п. (см. подробно в [Булатова, Дыбо, Николаев 1988; Николаев 1991a; АССЯ:

¹ Эти падежи совпали на всей славянской территории, кроме кривичского ареала, однако неясно, в старой форме *acc.* или *nom. sg.* твердых *o*-основ имеет особое окончание *-e* только в великорусских кривичских по происхождению говорах [Николаев 1988; 1989]; оно регулярно представлено в новгородских берестяных грамотах при *-ъ* в *acc. sg.* и *nom./acc. sg. u*-основ [Зализняк 1995: 82-85]. Происхождение окончания *-e* неясно, в других славянских ареалах оно не имеет параллелей. Нужно отметить, что в современных псковских говорах, в которых широко распространена форма с ударным окончанием *-e*, *ps'e* 'пѣс', это окончание, подобно ятю, не переходит в *-'o*, ср. материал говоров с конечным оканьем в районе Пушкинских Гор: Велье Пушкиногорск. Пск. *ps'e* (*gen./acc. psa*, *dat. psi* и т. д.) при 2 *pl.* *xǫd'it'o*, *n'es'et'o*. Однако номинативное *-e* не может считаться также и рефлексом **-ĕ*, т. к. в новгородских грамотах с отличием [e] (и [ь]) от [ĕ] оно регулярно записывается как *ĕ/ь*.

134–138a)]². Рефлексы форм-энклиноменов в пом./асс. sg. имеют и те позднеславянские диалекты, в которых слова а. п. *d* получили акц. кривую, более или менее близкую к кривой а. п. *c*. Например, в великорусских говорах с акцентным различием «двух *o*» (см. новые данные в [Николаев 1996: 220–228]) в пом./асс. sg. слов а. п. *d* представлено то же $\mathcal{J}$, что и в исконных энклиноменах у слов а. п. *c*: Пустошá Шатурск. Моск. *рж*, *пэс*, *дрэст* (при сохранении старой окситонезы: gen. *drozdá*) как *гж*, *дэм* — ср. *дущор*, *грщор*, *рщор* (слова а. п. *b*). Таким образом, формально в пом./асс. sg. существительных а. п. *d* можно восстанавливать форму-энклиномен, акцентуационно тождественную энклиноменам в а. п. *c*.

Первоначально пом. sg. на *-*os*, *-*us*, *-*is* и асс. sg. на *-*oN*, *-*uN*, *-*iN* акц. кривой существительных а. п. *d* должны были быть «ортотонами», как и все прочие падежи этой а. п., т. к. основы здесь имеют доминантный корень. «Новые энклиномены» в пом. и асс. sg. должны были признаны продуктами своеобразной метатонии, изменившей исконный высокий/восходящий тон корня на такой тон, который в большинстве систем в конечном итоге совпал с тоном форм-энклиноменов а. п. *c* (судя по всему, низким). Форма асс. sg. вряд ли сама могла стать «новым энклиноменом», имея окончание, тождественное флексии слов ср. р. а. п. *b*, в которых пом./асс. sg. является ортотоном (**dvořь*, **křьtь*). Остается думать, что предполагаемая метатония происходила в пом. sg. и была связана с фонетическими (и просодическими) преобразованиями слогов с конечным балто-славянским *-*s* после кратких гласных. Дело в том, что а. п. *d* реконструируется еще у доминантных *es*-основ ср. р., причем «новым энклиноменом» здесь является пом./асс. sg. с отпавшим *-*s*, ср. словенские рефлексы слов а. п. *d*: 1. *kolô* < **kôlo* < **k^uolos*, gen. *koléša* < **kôles[e]*; 2. *slovô* < **slôvo* < **k^leyos*, gen. *slovéša* < **slôves[e]*; 3. *uhô* < **ûxo* < **oyos*, gen. *ušéša* < **ušes[e]* (при рефлексах а. п. *c*: *drêvô*, gen. *drêvéša* < **deřvo*, **deřves[e]*; *okô*, gen. *očéša* < **ôko*, **ôčes[e]* и т. д.). Еще

² Здесь и далее славянские формы приводятся по Картотеке Акцентологического словаря славянских языков, хранящейся в Группе славянского глоттогенеза (Институт славяноведения РАН, г. Москва).

одним подтверждением метатонии как результата преобразования окончаний с конечным *-*s* служит энклиномичность gen. sg. консонантных основ а. п. с в славянском в отличие от их закономерной ортотоничности в литовском: лит. *duktė* - gen. *dukteĩs*, *vanduõ* - gen. *vandeĩs*, но слав. **dъktĭ* - gen. *dъktjere*, **dъrvo* - gen. **dъrvese*, **krĭ* - gen. **krъve* и т. д. Таким образом, можно предположить, что преобразованный ауслат³ указанных форм мог влиять на просодию корневого слога, вызывая в нем изменение тона.

Наиболее весомым аргументом в пользу признания особого просодического статуса форм ном./асс. sg. *o*-, *u*- и *i*-основ а. п. *d* еще в позднепраславянском является обнаружение в недавно открытых восточнославянских системах с противопоставлением тонов на ударных слогах рефлексов особого праслав. тона в рассматриваемых «новых энклиноменах».

Рефлексы праславянских тонов в черниговских говорах

Начиная с 1993 г. обнаружено несколько систем слоговых тонов в черниговских полесских говорах украинско-белорусского пограничья (формально — по территории бытования — их включают в украинские говоры). Ранее были опубликованы отчеты о системах говоров с. Бакланова Муравейка Куликовско-го р-на [Николаев 1995; 1996а] и с. Плехов Черниговского р-на Черниговской области [Николаев 1996: 216–219, 230–242].

Опубликованные записи из Б. Муравейки показывают, что система отражения праславянских интонаций в этом говоре по крайней мере в односложных *o*-, *u*- и *i*-основах «тривиальна»: восходящий / восходяще-нисходящий тон на месте праславянских «старого» и «нового» акутов и нисходящий на месте «циркумфлекса» (в том числе и в а. п. *d*). Последующие записи

³ К сожалению, ничего не известно о том, какие этапы прошли слоги с отпавшим в конце концов конечным *-s*. Возможно, преобразование высоко-/восходящего корневого тона происходило по схеме, «обратной» по отношению к приведенной ниже и иллюстрирующей процесс метатонии «низкий тон ⇒ восходящий тон».

из с. Плѣхов, Москалѣи и Анѣсов⁴ (все три села в Черниговском р-не) были обработаны с помощью программы WinCESIL, и расшифровка магнитофонных записей верифицировалась тонограммами.

Образцы тонограмм из Плѣхова и Б. Муравейки приведены в [Николаев 1996]. В этой же работе дается описание «нетривиальной» плѣховской системы, которая не является простым отражением праславянской (в частности, отмечается контрастная рефлексация праславянских тонов в односложных формах в зависимости от качества гласных). Полученные во время экспедиции 1997 г. данные позволили существенно улучшить наши знания о черниговских тоновых системах. В частности, в Плѣхове обнаружены два говора, между которыми, кроме акцентуационных, есть и фонетические различия⁵ (видимо, в прошлом это говоры разных «концов» большого села), ниже обозначаемых как Пл. I (система З. Г. Ярошенко, описанная в [Николаев 1996]) и Пл. II («Плѣхов II», система А. А. Третьяк). Эти говоры различаются в первую очередь не реализацией тонов, а принципами отражения праславянской тональной системы.

Ниже дается анализ отражения праславянских интонаций в ряде морфологических позиций в «нетривиальных» (Плѣхов I и Плѣхов II, Анисов) и «тривиальной» (Москалѣи) системах⁶. Далее приводятся образцы тонограмм односложных слов м. р. из говоров Анисова и Плѣхова II.

---

⁴ Информанты: с. Плѣхов — З. Г. Ярошенко (Симончук), 1967 г. р., записи 1993–1997 гг. С. Л. Николаева и М. Н. Толстой (Пл. I); А. А. Третьяк, 1922 г. р., зап. 1997 г. М. Н. Толстой (Пл. II); Москалѣи — Т. Н. Дятел, 1962 г. р., запись 1995 г. М. Н. Толстой; Анисов — В. М. Левченко (Басанец), 1962 г. р., записи 1996–1997 г. С. Л. Николаева и М. Н. Толстой.

⁵ В частности, различия имеются в трактовке ятя и удлинненного о: (*ě и *ē («новый ять») > Пл. I *ę*, Пл. II *ie*; *ō > Пл. I *o*, Пл. II *uo/uo*). Кроме того, в Пл. I *ri > *ry*, в Пл. II > *ri*.

⁶ Судя по географическому распределению, в сравнении с данными археологии, плѣховские и анисовские говоры восходят к северскому (северянскому) племенному диалекту, а москалевский — к племенному диалекту черниговских полян, см. [Седов 1982: 133–140; 106–113].

Несколько замечаний⁷. В односложных формах в говорах Плехова и Москалей в нейтральной фразовой позиции (утвердительно-предложении, состоящем из одного слова) противопоставлены две «тонемы»: восходяще-нисходящий тон и нисходящий тон. Однако реализации их в трех говорах несколько отличаются. В говоре Плехова I в основном противопоставлены именно восходяще-нисходящий и нисходящий тоны на всех гласных. В говоре Анисова восходяще-нисходящий тон обычно имеет в качестве «аллотона» восходящий тон на гласном *a* и восходяще-нисходящий на прочих гласных. В говоре Плехова II на гласном *a* изредка также отмечается восходящий тон на *a* как реализация восходяще-нисходящего тона, тогда как реализацией нисходящего тона на этом гласном примерно в трети случаев является нисходяще-восходящий или нисходяще-ровный тон. На дифтонгах во всех рассматриваемых черниговских говорах восходяще-нисходящий тон реализуется как восходящий тон на первом и нисходящий — на втором компоненте дифтонга: <*iê*> = <*i* + *ê*>.

Ниже в материале Анисова на гласном *u* в односложных словах проводится различие между *û* (с «нормальным» восходящим тоном) и *ũ*. Этим морфонологическим символом обозначается такое *u*, которое устойчиво сохраняет восходящий тон при любых условиях, тогда как для *û*, равно как для *â*, *î*, *ý* и т. д., характерна нейтрализация с нисходящим тоном в ряде фразовых позиций. Видимо, речь идет о следах противопоставления в системе говора *трех* слоговых тонов (скорее всего, восходящего, восходяще-нисходящего и нисходящего) по крайней мере в односложных формах. «Морфемы» *û* и *ũ* имеют разное праславянское происхождение.

В многосложных словах во всех используемых говорах противопоставлены восходящий / восходяще-нисходящий и нисходящий тоны на ударных слогах.

Ниже рассматриваются отдельные, наиболее изученные и представляющие исторический интерес фрагменты черниговских систем в сравнении с праславянской реконструкцией.

⁷ Подробное описание черниговских тонов, с приведением полного материала, экспериментальных и статистических данных, неуместное в настоящем докладе, будет опубликовано отдельной работой.

1. Рефлексы праславянских интонаций в односложных формах существительных с *o*-, *u*- и *i*-основами

Система соответствий тонов черниговских говоров в односложных *nom.-acc. sg.* на слав. долгих гласных⁸ в сравнении с праслав. реконструкцией представлена в табл. 1. Для установления рефлексов интонаций на праслав. *e недостаточно материала.

Обращает на себя внимание особое поведение основ а. п. *d*, у которых наблюдаются «собственные» тоновые рефлексы в «нетривиальных» системах Плехова и Анисова (в Москалях рефлекс праслав. интонации в *nom.-acc. sg.* идентичен рефлексу «циркумфлекса» в а. п. *c*)⁹. В Москалях «лишний» восходящий тон отмечен также в словах с начальным *γ*-. По-видимому, черниговские данные являются прямым доказательством особого праславянского тона в «новых энклименах» *nom.* и *acc. sg.* а. п. *d*, совпавшего с «циркумфлексом» в южнославянских языках. См. также ниже о различии форм а. п. *d* и *c* у основ с «полногласием».

В говоре Плехов II отмечается продуктивная тенденция к нейтрализации тоновых противопоставлений на узких гласных *u* (*o, *u) и *i* (*i) в сторону восходящего тона, поэтому в качестве основных выбраны формы с «реликтовым» нисходящим тоном. Во всех черниговских говорах тональные различия на *a* (по крайней мере в односложных формах), по-видимому, находятся в процессе исчезновения, нейтрализуясь в нисходящем тоне. Такая же тенденция, но более слабая, прослеживается и на других широких гласных (полностью она осуществилась в москалёвском говоре). В квадратных скобках приводятся ненадежные либо записанные в «нестандартной» фразовой позиции формы.

⁸ За недостатком места не приводится анализ акцентуации существительных с другими основами — см. материал по плеховскому говору в [Николаев 1996: 216–219].

⁹ В говоре Пл. I в долгосложных основах тональные рефлексы а. п. *c* и *d* различаются только в основах с корнями, содержащими **-ě*-. В говоре Москалей в сторону нисходящего тона почти нейтрализованы рефлексы праслав. интонаций на широких гласных (всегда на *a; восходящий тон на месте «старого» акута отмечен только на *ě и *y).

Таблица 1

Праслав.	Плѣхов I	Плѣхов II	Анисов	Москали
Акцентные парадигмы <i>a</i> , <i>b</i> ¹⁰				
*ī, *ī̄	ī* ¹¹	ī* ¹²	ы	ī* ¹³
*ū, *ū̄	ù	ù	û	û
*ǫ, *ǭ	ù	ù	û	û
*ÿ, *ÿ̄	Ы̇	Ы̇	Ы̇	Ы̇/Ы̇ ¹⁴
*ě, *ě̄	ê	iê	iê	ê/ê ¹⁵
*â, *â̄	*â	*â	â	â
Акцентная парадигма <i>d</i>				
*id	ī*	ì*	ы	ì*
*u ^d	ù	ù	û	ù
*ǫ ^d	û	û	û̄	ù
*y ^d	[Ы̇]	[Ы̇]	[Ы̇]	[Ы̇]
*ǣ ^d	ê	iê	iê	è
*a ^d	*â	*â	*â	â
Акцентная парадигма <i>c</i>				
*ī	ī*	ī*	ы	ì*
*û	û	û	û	ù
*ǫ	û	û	û	ù
*ÿ	Ы̇	Ы̇	Ы̇	Ы̇
*ě	ê	iê	iê	è
*â	â	â	â	â

¹⁰ Рефлексы праслав. «восходящих» тонов («старого» и «нового» акутов) в черниговских говорах, видимо, совпадают.

¹¹ *i** = ы после шипящих, *c* и *г*.

¹² *i** = ы после шипящих и *c*.

¹³ *i** = ы после шипящих, *c* и *г*.

¹⁴ ы только из *ÿ̄.

¹⁵ ê только из *ě̄.

До сих пор была известна фактически лишь одна модель рефлексии позднеславянских тонов, которую условно можно назвать сербохорвато-словенской. Она в первую очередь характеризуется сохранением, наряду с тонами, количественных отношений. После обнаружения черниговских систем стало ясно, что «классические» южнославянские тоновые языки, сохранив важнейшие архаизмы, в то же время утратили (вследствие нейтрализации) ряд просодических характеристик, о которых приходилось судить лишь по косвенным данным.

Отношение к западнославянским системам как к «южнославянским», всего лишь утратившим тональные различия (при сохранении количественных), следует решительно пересмотреть. В особенности это относится к полабской¹⁶ и чешской системам (см. ниже, а также [Дыбо, Замятина, Николаев 1993; АСЯ: 7–18]). Разумеется, черниговские слоговые тоны находятся в самом начале исследований, поэтому в некоторые ряды соответствий несомненно будут внесены коррективы. Уточнения, несомненно, будут внесены и в материал (в первую очередь речь идет о правильной интерпретации тонограмм).

Праслав. *i.

Основы а. п. а: 1. *klīnъ: Пл. II *kl'in* (но Пл. I *kl'in*), Ан. *klyn*, Мск. *kl'in*; 2. *zīdъ: Пл. I, II *z'id* (но Ан. *z'id*), Мск. *z'id*.

Основы а. п. б: 1. *bīčъ: Пл. I, II *bič*, Мск. *bič*; 2. *glīstъ: Пл. I, II *γ'ist* (нерегулярно Ан. *γ'ist*), Мск. *γ'ist*; 3. *līnъ: Пл. I, II *l'in*, Ан. *lyn*, Мск. *l'in*; 5. *svīščъ: Пл. II *svišč*, Ан. *swišč*, Мск. *svišč*; 6. *ščītъ: Ан. *šč'it*, Мск. *šč'it* (но Пл. I, II *šč'it*).

¹⁶ Строго говоря, полабский (древлянский) и прочие исчезнувшие языки этого ареала можно относить к западнославянским лишь по географическому признаку. Как раз в области просодии, отражающейся в вокализме, полабский резко противопоставлен лехитским, лужицким, чешскому и словацкому языкам, в которых существует в общем единая система дробления всех гласных на долгие/краткие по акцентологическому признаку. Внутренняя реконструкция полабской просодии показывает систему, никоим образом не сводимую к «общезападнославянской». В принципе именно языки «полабского» круга являются настоящими западнославянскими, тогда как традиционным западнославянским стоило бы присвоить название «центральнославянские».

Основы а. п. *d*: 1. *čipъ: Пл. I čьip, Пл. II čьip, Ан. čьip; 2. *gribъ: Пл. I γrьib, Пл. II γrьib (наряду с γrьib), Ан. γrьib, Мск. γrьib; 3. *listъ: Пл. I l'ist (нерегулярно Пл. II l'ist), Ан. tьist; 4. *nizъ: Пл. I n'iz¹⁷, Пл. II n'iz, Ан. nьiz, Мск. n'iz.

Основы а. п. *c*: 1. *krĭkъ: Пл. I kрьĭk, Пл. II kрĭk, Ан. kрьĭk, Мск. kрьĭk; 2. *mĭgъ: Пл. II mĭγ, Ан. mьĭγ, Мск. mĭγ; 3. *mĭrъ: Пл. I, II mĭr, Ан. mьĭr, Мск. mĭr; 4. *pĭskъ: Пл. I, II pĭsk, Ан. pьĭsk, Мск. pĭsk; 5. *skrĭpъ: Пл. I skrьĭp, Пл. II skrĭp, Ан. skrьĭp, Мск. skrьĭp; 6. *svĭstъ: Пл. I svĭst (но Пл. II svĭst), Ан. swьĭst, Мск. svĭst.

Праслав. *и.

Основы а. п. *a*: 1. *lŭskъ: Пл. II tŭsk, Мск. tŭsk.

Основы а. п. *b*: 1. *kljŭčъ: Пл. I, II kl'ŭč, Ан. kl'ŭč (но Мск. kl'ŭč); 2. *lŭčъ: Пл. I, II tŭč, Мск. tŭč; 3. *lŭpъ: Пл. I tŭn', Пл. II tŭn', Ан. tŭn'; 4. *trŭdъ: Пл. I, II trŭd, Ан. trŭd, нерегулярен тон в Мск. trŭd.

Основы а. п. *d*: 1. *čubъ: Пл. I čub (вторичен тон в Пл. II čub), Ан. čub, Мск. čub; 3. *mulъ 'ил': Пл. I, Ан. mŭt, Мск. mŭt; 4. *puxъ: Пл. I, Ан. П pux; 5. *sluxъ: Пл. I, II, Ан. stux, Мск. stux.

Основы а. п. *c*: 1. *drŭgъ: Пл. I, II, Ан. drŭγ, Мск. drŭγ; 2. *dŭxъ: Пл. I, II, Ан. dŭx, Мск. dŭx; 3. *gŭkъ: Пл. I, Ан. γŭk; 4. *kŭmъ: Пл. I, II kŭm, Мск. kŭm; 5. *ljŭdъ: Пл. I, Ан. l'ŭd, Мск. l'ŭd; 6. *strupъ: Пл. I strŭp (но Пл. II strŭp), Ан. strŭp, Мск. strŭp; 7. *šŭmъ: Пл. I, II, Ан. šŭm, Мск. šŭm; 8. *trŭpъ: Пл. I, II trŭp.

Праслав. *q.

Основы а. п. *a*: 1. *pŭkъ: Пл. I, II pŭk, Ан. pŭk.

Основы а. п. *b*: 1. *kŭtъ: Пл. I, II kŭt; 2. *mŭtъ: Ан. mŭt' (вторично Пл. II mŭc'), Мск. mŭt'; 3. *pŭpъ: Пл. I, II pŭp, Ан. pŭp; 4. *pŭdъ: Пл. I, II prŭd, Ан. prŭd; 5. *pŭtъ: Пл. I, II prŭt, Ан. prŭt (?); 6. *sŭdъ: Пл. I sŭd (вторично Пл. II sŭd), Ан. sŭd, при нерегулярном Мск. sŭd; 7. *strŭkъ: Пл. I [strŭk] (вторично Пл. II strŭk), Ан. strŭk, Мск. strŭk; 8. *xŭšъ: Пл. I xŭš (вторично Пл. II xŭš), Ан. xŭš, Мск. xŭš.

¹⁷ Видимо, нерегулярный нисходящий тон здесь является реликтовым (см. таблицу соответствий, из которой видно, что *i с любыми тонами регулярно отражается в Пл. I как i).

Основы а. п. *d*: 1. *blǫdъ: Пл. I *btūd*, Ан. *btūd*, Мск. *btūd*; 2. *dǫbъ: Пл. I, II *dūb*, Ан. *dūb*; 3. *drǫkъ: Пл. I, II *drūk*, Ан. *drūk*; 4. *gǫsъ: Пл. I, II *gūs'*, Ан. *γūs'* (вторично Мск. *γūs'*); 5. *gǫžъ: Пл. I, Ан. *γūž f.*, Мск. *γūž f.*; 7. *lǫgъ: Пл. I, II *tūγ*, Ан. *[tūγ]* (но Мск. *tūγ*); 8. *lǫkъ: Пл. I, II *tūk*, Ан. *tūk*; 9. *zǫbъ: Пл. I, II *zūb*, Ан. *zūb*. Следующие два слова ведут себя так, как если бы имели корневое *u: 1. *krǫgъ: Пл. I, Ан. *krūγ*, Мск. *krūγ*; 2. *sǫkъ: Пл. I *sūk*, Пл. II *[sūk]*, Ан. *sūk*, Мск. *sūk*.

Основы а. п. *c*: 1. *gǫzъ: Пл. I, Ан. *γūz*, Мск. *γūz* (с вариантом *γūz*); 2. *njǫxъ: Пл. I, II, Ан. *n'ūx*, Мск. *n'ūx*; 3. *zvǫkъ: Пл. I, II *zvūk*, Ан. *zvūk*, Мск. *zvūk*.

Праслав. *y.

Основы а. п. *a*: 1. *dǫmъ: Пл. I, II, Ан. *dīm*, Мск. *dīm*; 2. *mǫšъ: Пл. I *mīš* (но Пл. II *mīš*), Ан. *mǫš*, Мск. *mūš*; 3. *rǫsъ: Пл. II, Ан. *rīs'* (но Пл. I *rīs'*), Мск. *rīs'*; 4. *sǫgъ: Пл. I, II, Ан. *sīr*, Мск. *sīr/sīr*.

Основы а. п. *b*: 1. *bǫkъ: Пл. I, II *bīk*, Ан. *bǫk*, Мск. *būk* (?); 2. *sǫčъ: Пл. I, II, Ан. *sīč*, Мск. *sīč*.

Основы а. п. *d*: 1. *stǫdъ: Пл. I, Ан. *stīd*, Мск. *stīd*. Слово *tupъ, по ю.-слав. данным имевшее а. п. *a*, в черниговских говорах имеет рефлекс а. п. *d*: Пл. I, II, Ан. *tīn*.

Основы а. п. *c*: 1. *sǫpъ: Пл. I *sīn*, Пл. II, Ан. *sīn*, Мск. *sīn*; 2. *tǫlъ: Пл. II, Ан. *tīl*, Мск. *tīl*.

Праслав. *ě.

Основы а. п. *a*: 1. *xlǫbъ: Пл. I *xl'ēb*, Пл. II *xl'iēb* (с вариантом *xl'iēb*), Ан. *xl'iēb*, Мск. *xl'ēb*; 2. *xǫpъ: Пл. I *xrēn*, Пл. II *xrīēn*, Ан. *xr'iēn*, Мск. *xrēn*; во всех говорах восходящий тон; 3. *dǫdъ: Пл. I *z'ēd*, Пл. II *z'iēd*, Ан. *d'iēd*, Мск. *z'ēd*.

Основы а. п. *b*: 1. *gǫxъ: Пл. I *γrēx*, Пл. II *γrīēx*, Ан. *γr'iēx*, Мск. *γrēx*; 2. *xlǫvъ: Пл. I *xl'ēw*, Пл. II *xl'iēw* (с вариантом *xl'iēw*), Ан. *xl'iēw*, Мск. *xl'ēw*.

Основы а. п. *d*: 1. *cǫrъ: Пл. I *cēr*, Пл. II *ciēr*, Ан. *c'iēr*, Мск. *cēr*; 2. *květъ: Пл. I *cv'ēt*, Пл. II, Ан. *cv'iēt*, Мск. *cv'ēt* (ср. ниже квазиминимальную пару — *světъ а. п. *c*); 3. *mǫxъ¹⁸ 'мешок': Пл. I *m'ēx*, Пл. II, Ан. *m'iēx*, Мск. *m'ēx*; 4. *slǫdъ:

¹⁸ Праслав. *mǫxъ имело различные а. п. в зависимости от семантики: в значении 'мех, шкура' — а. п. *c*, в значении 'мешок, (кузнечный) мех' — а. п. *d*.

Пл. I *sl'èd*, Пл. II, Ан. *sl'ièd*, Мск. *sl'èd*; 5. *směxъ: Пл. I *sm'èx*, Пл. II *sm'ièx*, Ан. *sm'ièx* (но и *sm'ièx*), Мск. *sm'èx*; 6. *sněgъ: Пл. I, Пл. II, Ан. *sn'ièγ*, Мск. *sn'èγ*; 7. *změjъ: Пл. II *zm'ièj*, Ан. *zm'ièj*, Мск. *zm'èj*. Так же себя ведет *klěščь, у которого по данным других языков реконструируется а. п. b: Пл. I *kl'èšč* (наряду с *kl'èšč*), Пл. II *kl'èšč*¹⁹, Ан. *kl'ièšč*, Мск. *kl'èšč*.

Основы а. п. с: 1. *iēsъ: Пл. I *l'ès*, Пл. II, Ан. *l'iēs*, Мск. *l'ès*; 2. *svētъ: Пл. I *sv'èt*, Пл. II, Ан. *sv'iēt*, Мск. *sv'èt*; 3. *trěskъ: Пл. I *tr'èsk*, Пл. II *trièsk*, Ан. *tr'ièsk*, Мск. *tr'èsk*; 4. *věkъ²⁰: Пл. I *v'èk*, Пл. II, Ан. *v'ièk*, Мск. *v'èk*; 5. *vēsъ: Пл. II, Ан. *v'iēs*; 6. *zvēgъ: Пл. I, II, Ан. *zv'iēr*, Мск. *zv'ēr*.

Праслав. *а.

Основы а. п. а: 1. *brātъ: Пл. I [*bràt*], Пл. II, Ан. *brāt*, Мск. *bràt*; 2. *čāsъ: Пл. I, Пл. II, Ан. *čas*; 3. *gādъ: Пл. I, Пл. II, Ан. *γād*, Мск. *γād*; 4. *grādъ: Пл. I, II *γrād*, Ан. *γrād*, Мск. *γrād*; 5. *krājъ: Пл. I *krāj*, Пл. II *krāj*, Ан. *krāj*, Мск. *krāj*; 6. *mākъ: Пл. I *māk*, Пл. II *māk*, Ан. *māk*, Мск. *māk*; 7. *māxъ: Пл. I *māx*, Пл. II, Ан. *māx*; 8. *plāčъ: Пл. I [*ptāč*], Пл. II *ptāč*, Ан. *ptāč*, Мск. *ptāč*; 9. *rājъ: Пл. I, II *rāj*, Ан. *rāj*, Мск. *rāj*; 10. *rākъ: Пл. I, II *rāk*, Ан. *rāk*, Мск. *rāk*; 11. *svātъ: Пл. I *svāt*, Пл. II *svāt*, Ан. [*swāt*], Мск. *svāt*; 12. *žālъ: Пл. I *žāl'*, Пл. II *žāl'*, Ан. *žāl'*, Мск. *žāl'*.

Основы а. п. b: 1. *plāščъ: Пл. I *ptāšč*, Пл. II *ptāšč*, Ан. *ptāšč*, Мск. *ptāšč*; 2. *tvārъ: Пл. I *tvār*, Пл. II *tvār*, Ан. *twār*, Мск. *tvār*.

Основы а. п. d: 1. *ladъ: Пл. I, II *tād*, Мск. *tād*; 2. *plastъ: Пл. I, II, Ан. *ptàst*, Мск. *ptàst*; 3. *sadъ: Пл. I, II, Ан. *sàd*, Мск. *sàd*; 4. *stavъ: Ан. *stāv*, Мск. *stāv*; 5. *страхъ: Пл. I, II, Ан. *strāx*, Мск. *strāx*; 6. *zadъ: Пл. I, II *zād*, Ан. *zād*, Мск. *zād*; 7. *znakъ: Пл. I, II, Ан. *znāk*, Мск. *znāk*; в следующих примерах засвидетельствован восходящий тон в Пл. и Ан.: 8. *vaľъ: Пл. I, II *vāt*, Ан. *wāt*, Мск. *vāt*; 9. *žagъ: Пл. I *žār*, но Ан. *žar*.

Основы а. п. с: 1. *čādъ: Пл. I, II, Ан. *čād*, Мск. *čād*; 2. *klādъ: Пл. I *klād* (однако Ан. *klād*), Мск. *klād*; 3. *kvāsъ: Пл. I [*kvàs*], Пл. I *kvàs*, Ан. *kwàs*, Мск. *kvàs*; 4. *rāzъ: Пл. I, II *rāz* (в Пл. II наряду с неясным *rāz*), Ан. *rāz*, Мск. *rāz*.

¹⁹ В Пл. II нерегулярен вокализм: ожидалось бы **kl'ièšč*.

²⁰ Показывает по слав. языкам колебания между а. п. с и d.

Неслучайность появления того или иного тона в формах черниговских говоров (несмотря на нерегулярности и выравнивания, о части которых сказано выше), подтверждается данными других восточнославянских систем, в которых, при потенциальном «фонетическом» различении тонов, в частности в односложных формах, никаких регулярных соответствий с другими славянскими языками и праславянской реконструкцией не обнаруживается. Например, в материале по рефлексам *и и *q, записанном в д. Дудкино Западнодвинского р-на Тверской обл.²¹, в односложных существительных м. р. различаются четыре тона: восходящий, восходяще-нисходящий, нисходящий и нисходяще-восходящий. Все эти тоны случайным образом распределяются по праславянским акцентным парадигмам независимо от вокализма:

Основы а. п. а: *tūk* (*tūkъ), *γūt* (*grūdъ) - *pūk* (*pōkъ) — *wnūk* (*wbnūkъ).

Основы а. п. б: *trūt* (*trūdъ), *xrūs'* (*xrōšъ) - *prūt* (*prōdъ), *pūc'* (*pōtъ), *sūt* (*sōdъ) - *kūst* (*kūstъ), *pūp* (*pōpъ), *strūk* (*strōkъ) - *kl'ūč* (*kljūčъ), *kūt* (*kōtъ), *tūč* 'горящая лучина (для ловли рыбы)' (*lōčъ).

Основы а. п. д: *brūs* (*brusъ), *čup* (*čupъ), *krūx* (*krōgъ) - *prūt* (*prōtъ), *pūx* (*puxъ), *sūk* (*sokъ) - *γūs'* (*gōsъ), *γūs* (*gōzъ), *tūx* (*lōgъ), *stūx* (*sluxъ), *wūs* (*qōsъ) - *zūp* (*zōbъ).

Основы а. п. с: *šum* (*šūmъ), *strūp* (*strūpъ) - *drūx* (*drūgъ), *trūp* (*trūpъ), *zvūk* (*zvōkъ) - *kūm* (*kūmъ), *mūs* (*mōzъ).

Такое же «безразличное интонирование» наблюдается и на рефлексах *ĕ. В других восточнославянских системах чаще встречается единообразный тон в каждой из фразовых позиций. Не исключено, что по крайней мере в области диссимлятивного аканья и географически близких к ней в.-слав. говорах силлаботональные оппозиции распространены гораздо шире, чем это представляется сейчас, и дудкинская ситуация является примером разрушения старых тональных противопоставлений при сохранении «фонетических» тонов (к сожалению, ввиду того, что вышеприведенные формы записаны по одному разу, ничего нельзя сказать о возможностях тонального варьирования).

2. Рефлексы праславянских интонаций в баритонированных основах с «полногласием»

Отчетливое противопоставление рефлексов праславянских интонаций в пом./асс. sg. а. п. d («новых энклиноменов») и с («старые энклиномены», «славянский циркумфлекс») наблюдается и в начальнударных o-, u- и i-основах с «полногласием». Рассмотрим соответствия между говорами Анисова и Плехова (Пл. I).

²¹ Магнитофонная запись О. А. Абраменко (1996 г.), информант Мария Игнатьевна Москалёва, 1922 г. р.

О различии в рефлексации *и и *q в этом говоре см. [Николаев 1998].

А. Основы а. п. d.

Контрастный выбор тонов: нисходящий тон в Плехове, восходящий в Анисове.

1. *borvъ: Ан. *bôraw*; 2. *goldъ: Пл. I *γòtad* (с вариантом *γòtad*), Ан. *γòtad*; 3. *gordъ: Пл. I *γòrad*, Ан. *γòrad*; 4. *kolsъ: Пл. I *kòtas*, Ан. *kòtas*; 5. *moltъ: Пл. I *mòtat*; 6. *norvъ: Пл. I *nòraw*, Ан. *nôraw*; 7. *polzъ: Ан. *pòtaz*; 8. *porxъ: Пл. I *pòrax*, Ан. *pòrax*; 9. *tolъ: Ан. *tòtač*; 10. *vorgъ: Пл. I *vòray*, Ан. *wòray*; 11. *xoldъ: Пл. I *xòtad* (с вариантом *xòtad*), Ан. *xòtad*; 12. *želъ: Пл. I *žòtab*, Ан. *žòtab*.

Б. Основы а. п. с.

Единообразные рефлексy: в обеих системах нисходящий тон после глухих и восходящий после звонких шумных и сонантов.

1. *golsъ: Пл. I, Ан. *γòtas*; 2. *korъ 'карп': Пл. I, Ан. *kòrap*; 3. *smordъ: Пл. I, Ан. *smòrad*; 4. *soldъ: Пл. I, Ан. *sòtad*; 5. *sormъ: Пл. I, Ан. *sòram*; 6. *storъ: Пл. I, Ан. *stòraž*; 7. *vorъ: Пл. I *vòran*. Так же ведут себя две основы а. п. d (переход в а. п. с?): 8. *volsъ: Пл. I *vòtas*, Ан. *wòtas*; 9. *xvorъ: Пл. I *xvòrast*, Ан. *xwòrast*.

3. Рефлексy «старого акута» в $\bar{a}$ -основах

В «нетривиальных» черниговских говорах (Плехов и Анисов)²² двусложные баритонированные $\bar{a}$ -основы распределяются по двум акцентным типам. Акцентная кривая 1-го типа характеризуется чередованием нисходящего тона в ном. sg. (иногда она по аналогии появляется в асс. sg.) и восходящего в косвенных падежах ед. ч. и во мн. ч. Акцентная кривая 2-го типа является контрастной по отношению к 1-му типу: восходящий тон в ном. sg. при нисходящем в косвенных падежах и мн. ч. В собранном материале немало примеров переноса интонации косвенных падежей на ном. sg., в таких случаях ниже форма ном. sg. дана под звездочкой. В говоре Анисова наблюдается продуктивная тенденция к унификации

²² В говоре Москалей материал по $\bar{a}$ -основам не собран.

обоих типов акц. кривых в производной от 2-го типа акц. кривой с нечередующимся восходящим тоном²³.

С праславянской точки зрения дробление $\bar{a}$ -основ со «старым» акутом (= а. п. а) загадочно. Однако обращает на себя внимание то, что черниговское распределение находится в связи с не более понятным распределением долготных ~ краткостных рефлексов $\bar{a}$ -основ а. п. а в среднечешских говорах, в том числе и литературном («пражском») языке. Обычно краткость в таких формах считается либо диалектной (восточночешской/моравской), либо проникшей из косвенных трехсложных форм, однако устойчивость набора краткосложных vs. долгосложных рефлексов «старого» акута во всех ср.-чешских говорах заставляет усомниться в таком «простом» объяснении и по крайней мере указывает на значительную древность этого дробления. В южночешских говорах «старый» акут в $\bar{a}$ -основах, как правило, отражается в виде долготы гласного. Устанавливаются три ряда соответствий между черниговскими говорами и чешским.

А. Черниговский тип 1 (*bāba*, pl. *bāby*) - чешская долгота

1. *bāba: Пл. II *bāba, pl. *bābi*, Ан. *bāba*, pl. *bāby* - чеш. *bāba*; 2. *čāša: Пл. I *čāša, pl. *čāšy*, Пл. II *čāša, pl. *čāšy*, Ан. *čāša, pl. *čāšy* - чеш. *číše*; 3. *grūda: Пл. I *γrūda*, асс. *γrūdu* - чеш. *hrouda*; 4. *kārja: Пл. I **kāpl'a*, pl. *kāpl'i*, Пл. II **kāpl'a*, pl. *kāpl'i*, Ан. pl. *kāpl'i* - чеш. *kápě*; 5. *mĕta: Пл. I *mĭata, асс. *mĭatu*, Пл. II *mĭata*, асс. *mĭatu* (вторично Ан. *mĭata*, gen. *mĭaty*) - чеш. *māta*; 6. *rāna: Пл. II *rāna, асс. *rānu* (вторично Ан. *rāna*, pl. *rāny*) - чеш. *rāna*; 7. *sādja: Пл. II *sāža, gen. *sāžy* (вторично Ан. *sāža, gen. *sāžy*) - чеш. *sāze*; 8. *stāja: Пл. I *stāja, pl. *stāji*, Ан. *stāja*, pl. *stāji* - чеш. *stāje*; 9. *šĭja: Пл. I *šĭja, pl. *šĭji*, Пл. II *šĭja, pl. *šĭji* (вторично в Ан. *šĭja*, pl. *šĭji*) - чеш. *šĭje*; 10. *vĕra: Пл. II *v'ĭera*, асс. *v'ĭeru*, Ан. **w'ĭera*, асс. *w'ĭeru* (но рефлекс типа 2 в Пл. I *v'ĕra*, асс. *v'ĕru*) - чеш. *vĭra* (также слвц. *viera*); 11. *xmāra: Пл. I *xmāra*, pl. *xmāry* - чеш. (диал.) *chmāra*; 12. *žāba: Пл. II *žāba, асс. *žāby*,

²³ Напротив, в говоре Пл. I, видимо, осуществляется перевод $\bar{a}$ -основ в 1-й тип. Таким образом, наиболее архаичной представляется система Пл. II.

Ан. *žába*, pl. *žáby* (но рефлекс типа 2 в Пл. I *žába*, pl. *žáby*) - чеш. *žába*.

В. Черниговский тип 2 (*kùpa*, pl. *kùry*) - чешская долгота

1. *dŷnja: Пл. I *dŷn'a*, pl. *dŷn'i*, Пл. II **dŷn'a*, pl. *dŷn'i*, Ан. **dŷn'a*, pl. *dŷn'i* - чеш. *dŷňe*; 2. *glīna: Пл. II *γl'ina*, gen. *γl'iny*, Ан. *γlyna*, gen. *γtyny* (но рефлекс типа 1 в Пл. I *γl'ina*, gen. *γl'iny*) - чеш. *hlína*; 3. *grīva: Пл. I *γriva, pl. *γrivy*, Пл. II *γriva*, pl. *γrivi*, Ан. *γriva, pl. *γrivy* - чеш. *hřiva*; 4. *jāma: Пл. I *jāma, gen. *jāmy*, Ан. *jāma*, pl. *jāmy* - чеш. *jāma*; 5. *īva: Пл. I *iva*, pl. *ivy*, Пл. II *iva*, pl. *ivi (старая интонация сохраняется в gen. pl. *iw*), Ан. *īva, pl. *īvy* - чеш. *iva*; 6. *līpa: Пл. I *l'ipa*, pl. *l'ipy*, Пл. II **l'ipa*, pl. *l'ipi*, Ан. *tīpa, pl. *tīpy* - чеш. *lípa*; 7. *mēra: Пл. II *mi'era*, асс. *m'iēru*, Ан. *m'iēra*, асс. *m'iēru* (но рефлекс типа 1 в Пл. I *m'ēra*, gen. *m'ēry*) - чеш. *míra*; 8. *mūxa: Пл. I *mūxa, pl. *mūxi*, Пл. II *mūxa, pl. *mūxi*, Ан. *mūxa, pl. *mūxy* - чеш. *moucha*; 9. *njīva: Пл. I *n'iva*, pl. *n'ivy*, Пл. II **n'iva*, pl. *n'ivi*, Ан. *nīva, pl. *nīvy* - чеш. *níva*; 10. *sīla: Пл. I **s'īla*, Пл. II **s'īla*, pl. *s'ity*, Ан. *sīla, pl. *sīty* - чеш. *síla*; 11. *slāva: Пл. I *stāva*, gen. *stāvy*, Пл. II *stāva*, асс. *stāvu*, Ан. *stāwa*, асс. *stāwu* - чеш. *sláva* (также слвц. *sláva*); 12. *slīva: Пл. II *sl'iva*, pl. *sl'ivi*, Ан. *stīva, pl. *stīvy* - чеш. *slíva*; 13. *stōpa: Пл. II *stūpa*, pl. *stūpi*, Ан. *stūpa, pl. *stūpy* (при рефлексе типа 1 в Пл. I *stūpa*, pl. *stūpy*) - чеш. *stoupa*.

С. Черниговский тип 2 (*kùpa*, pl. *kùry*) - чешская краткость

1. *gnīda: Пл. I **γn'ida*, pl. *γn'idy*, Пл. II *γn'ida*, pl. *γn'idy*, Ан. *γnīda*, pl. *γnīdy* - чеш. *hnida*; 2. *grūša: Пл. I *γrūša*, pl. *γrūšy*, Ан. *γrūša, pl. *γrūšy* - чеш. *hruše*; 3. *jāzva: Пл. I *jāzva*, pl. *jāzvy*, Ан. *jāzwa*, pl. *jāzwy* (но рефлекс типа 1 в Пл. II *jāzva, pl. *jāzvi*) - чеш. *jizva* (наряду с *jízva*); 4. *kāša: Пл. I *kāša, gen. *kāšy*, Ан. *kāša*, асс. *kāšu* - чеш. *kaše*; 5. *kūpa: Пл. I *kūpa*, pl. *kūry*, Пл. II *kūpa, pl. *kūpi*, Ан. *kūpa*, pl. *kūry* - чеш. *kupa*; 6. *kūpa: Пл. II pl. *kūpy*, Ан. pl. *kūpy* - чеш. *kupa* (наряду с *koupa*); 7. *(t)lāpa: Пл. II *tāpa*, pl. *tāpi* (при рефлексе типа 1 в Пл. I *tāpa*, pl. *tāpy*, Ан. *tāpa, pl. *tāpy*) - чеш. *tlapa*; 8. *rēna: Пл. II **r'iēna*, gen. *r'iēny*, Ан. **r'iēna*, gen. *r'iēny*

(но Пл. I **p'ěna*, gen. *p'ěny*) ~ чеш. *pěna*; 9. *rŭba: Пл. II *rŭiba, pl. *rŭibi*, Ан. *rŭiba, pl. *rŭiby* ~ чеш. *ryba*; 10. *slīna/*slīnja: Пл. I *sl'ŭn'a*, gen. *sl'ŭn'i*, Пл. II *sl'ŭn'a*, acc. *sl'ŭn'u*, Ан. *sl'ŭn'a*, acc. *sl'ŭn'u* ~ чеш. *slina*; 11. *ščŭka: Пл. I *ščŭka*, pl. *ščŭk'i*, Пл. II *ščŭka*, pl. *ščŭki*, Ан. *ščŭka*, pl. *ščŭky* ~ чеш. *štika*; 12. *vŭdra: Пл. I **v'ŭdra*, pl. *v'ŭdry*, Ан. *wiŭdra, pl. *wiŭdry* ~ чеш. *vydra*. Возможно, сюда же 13. *glŭba: Пл. I *γŭiba, pl. *γŭiby*, Ан. *γŭiba, pl. *γŭiby* ~ чеш. *hlyba* (термин горного дела; обычно считается русизмом, но основания для этого неясны).

Неясный случай с колебаниями как в черниговских говорах, так и в чешском — *mŭka: Пл. I *mŭka*, pl. *mŭk'i* при рефлексах типа 1 в Пл. II *mŭka*, acc. *mŭku*, pl. *mŭki*, Ан. *mŭka*, gen. *mŭky* ~ чеш. варианты *moŭka*/*muŭka*.

Необходимо отметить, что только 2-му черниговскому типу соответствует нерегулярная «баритонеза» (выражающаяся в редукции конечных гласных — при регулярном рефлексе nom. sg. а. п. *a* в виде «окситонированных» форм на *-ŏ*: *cosŏ*, *ŭtŏb* и т. д.) полабских *a*-основ праслав. а. п. *a* (ср. [Амбросиани 1996], где автор предполагает вторичность подобных форм):

1. полаб. *gnáidǎ* TLD 328 - Пл. I **γn'ida*, pl. *γn'idy*, Пл. II *γn'ida*, pl. *γn'idy*, Ан. *γn'ida*, pl. *γn'idy* ~ чеш. *hnida*; 2. полаб. *gráivǎ* TLD 344 - Пл. I *γrŭša*, pl. *γrŭšy*, Ан. *γrŭša, pl. *γrŭšy* ~ чеш. *hruše*; 3. полаб. *slájinǎ* TLD 953 - Пл. I *sl'ŭn'a*, gen. *sl'ŭn'i*, Пл. II *sl'ŭn'a*, acc. *sl'ŭn'u*, Ан. *sl'ŭn'a*, acc. *sl'ŭn'u* ~ чеш. *slina*; ср. также 4. полаб. *taŭxŏ*/*táŭxǎ* TLD 556 - Пл. I *mŭxa, pl. *mŭx'i*, Пл. II *mŭxa, pl. *mŭxi*, Ан. *mŭxa, pl. *mŭxy* (при долготе в чеш. *moŭcha*).

Отсюда следует, что утверждение о вторичности полабских «баритонез», равно как (средне)чешских краткостей на месте «старого акута», нуждается по крайней мере в основательной ревизии. Объяснение дробления «старого акута», скорее всего, лежит на балто-славянском или даже индоевропейском уровне.

Деление основ со «старым акутом» наблюдается в черниговских говорах и в среднем роде, ср. Пл. I: тип 1 — *čŭdo > *čŭda*, *krěslo > *krěsla*, *pŏto > *pŭta*, *právo > *práva*, *sádlo > *sàta*, *sŭto > *s'ŭta*, *žŭto > *ž'ŭta*; тип 2 — *bljŭdo > *bl'ŭda*, *dělo > *z'ěta*, *lěto > *l'ěta*, *lŭko > *tŭka*, *město > *m'ěsta*, *ŭtro > *ŭtra*.

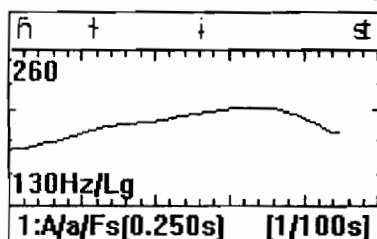
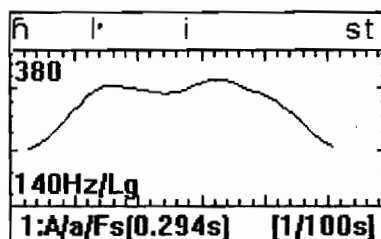
Образцы тонограмм

Ниже приводятся образцы тонограмм односложных существительных из Анисова и Плёхова (Плёхов II). Тonoграммы выполнены с помощью компьютерной программы WinCECIL (Computerized extraction of components of intonations of language for Windows // Summer Institute of Linguistic, 1994). Транскрипционные знаки гласных в шапках тонограмм поставлены в начале звучания гласных. Приводятся как регулярные, так и нерегулярные с точки зрения установленных соответствий формы (см. комментарии выше).

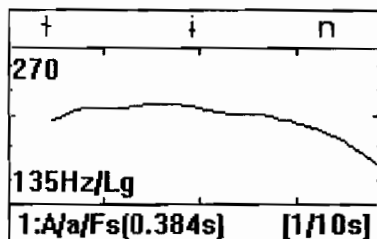
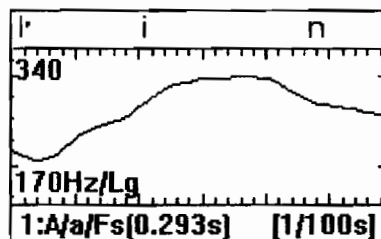
Анисов

Плёхов II

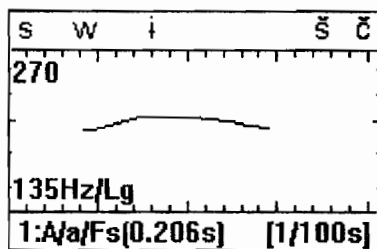
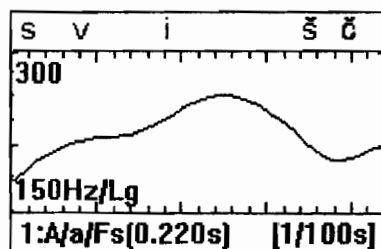
*glĩstʹ B

1. *glĩst*2. *gl'ist*

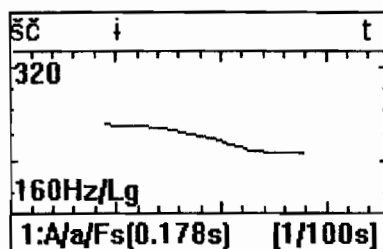
*lĩnʹ B

3. *lĩn*4. *l'in*

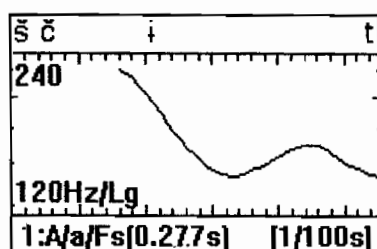
*svĩščʹ B

5. *svĩšč*6. *svišč*

*ščitъ B

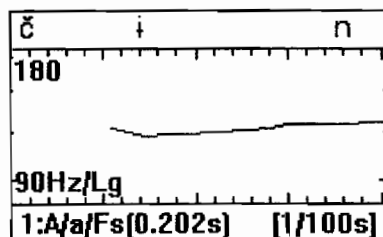

7. ščit

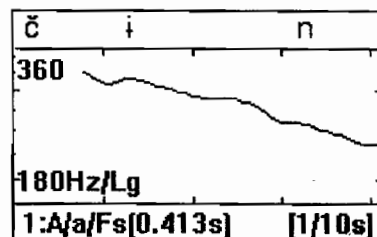

8. ščit

*činъ D

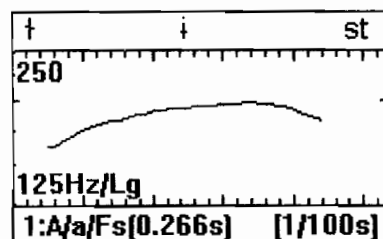

9. čin

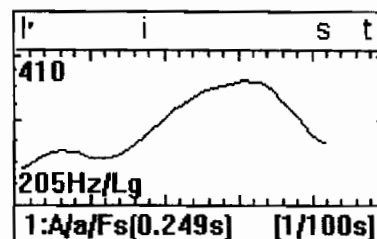

10. čin

*listъ D

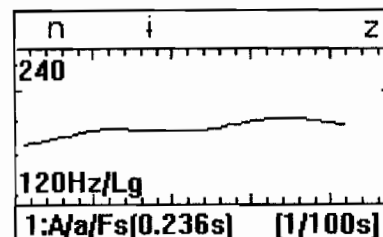

11. list

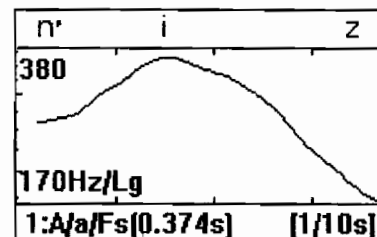

12. l'ist

*nizъ D

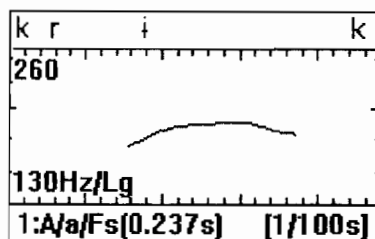
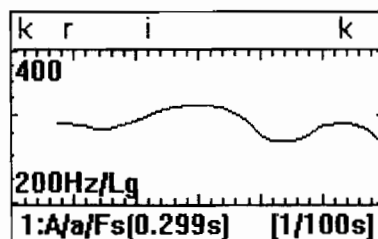

13. niz

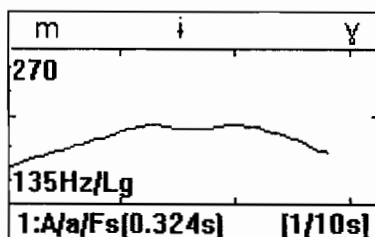
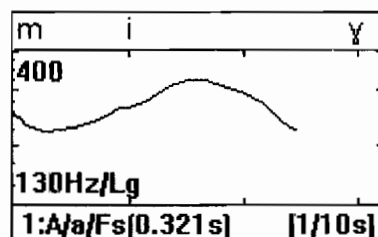

14. n'iz

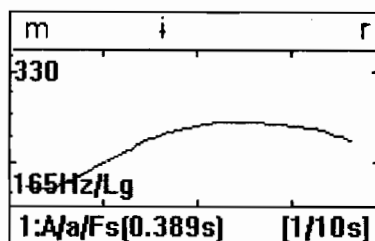
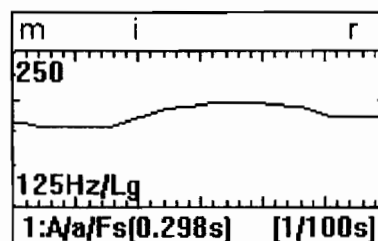
*kríkъ C

15. *krík*16. *krík*

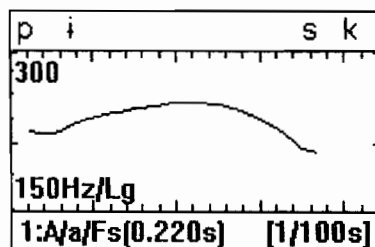
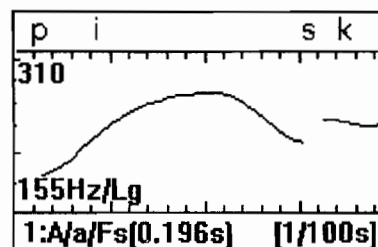
*mīgъ C

17. *mīg*18. *mīg*

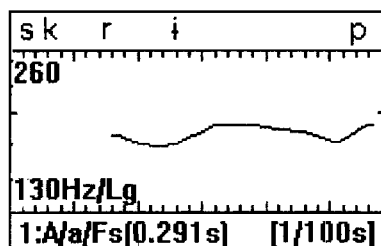
*mīrъ C

19. *mīr*20. *mīr*

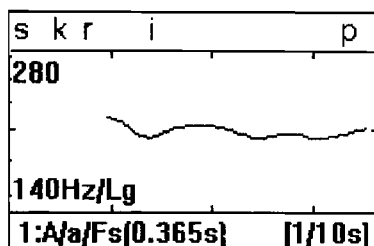
*pīskъ C

21. *pīsk*22. *pīsk*

*skrípъ C

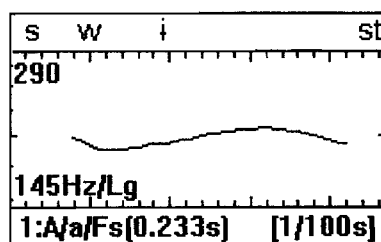

23. skrípъ

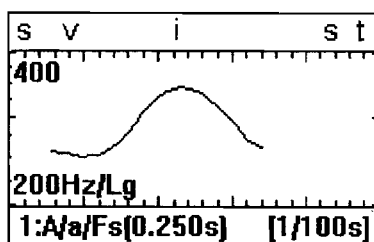

24. skrípъ

*svístъ C

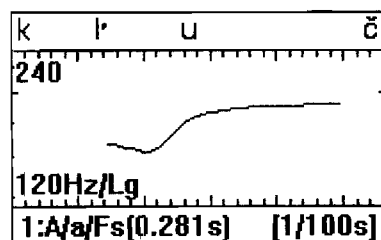

25. svístъ

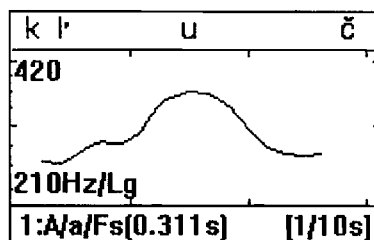

26. svístъ

*kl'ũčъ B

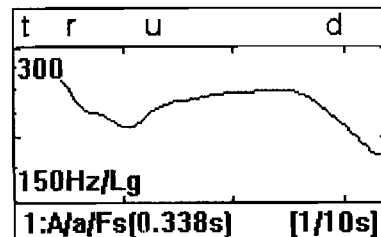

27. kl'ũčъ

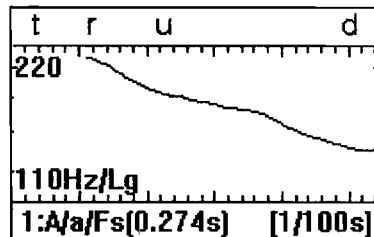

28. kl'ũčъ

*trũdъ B

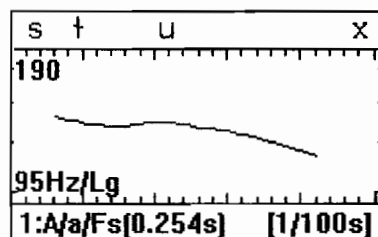
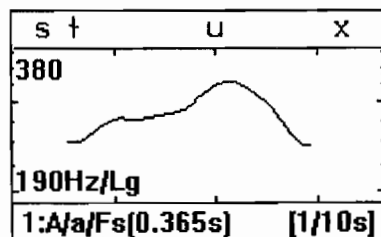
29. trũdъ

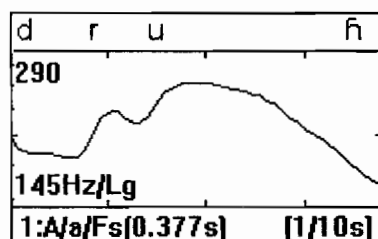
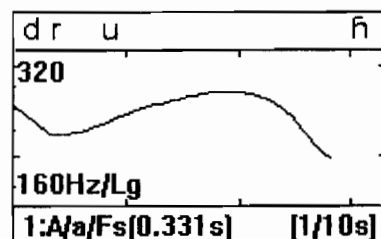
30. trũdъ

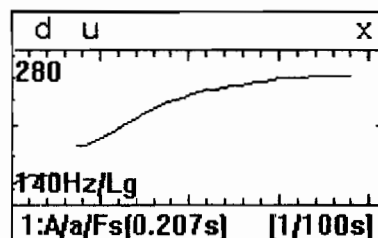
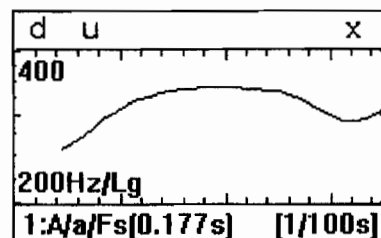
*sluxъ D

31. *stux*32. *stux*

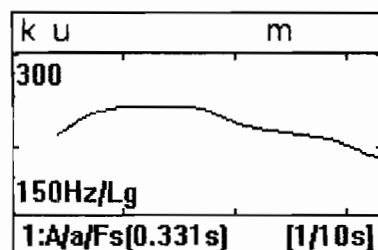
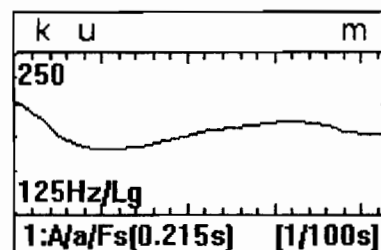
*drûγъ C

33. *drûγ*34. *drûγ*

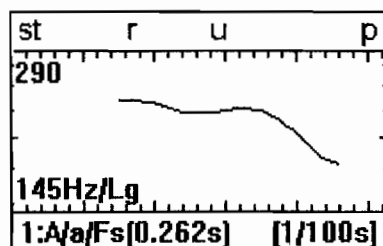
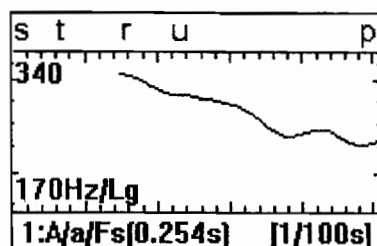
*dûxъ C

35. *dûx*36. *dûx*

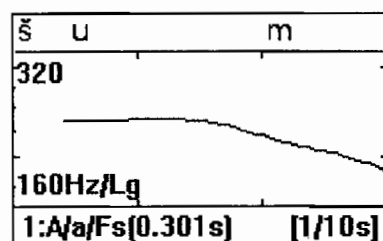
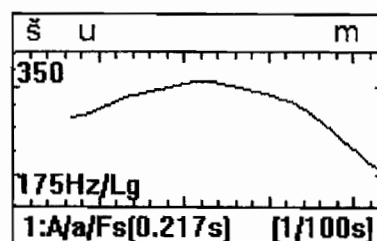
*kûmъ C

37. *kûm*38. *kûm*

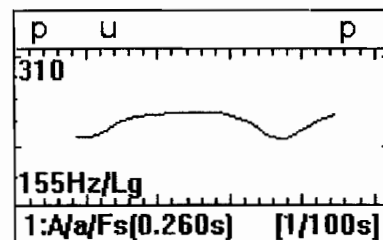
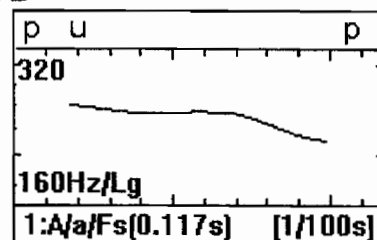
*strǫpъ C

39. *strǫp*40. *strǫp*

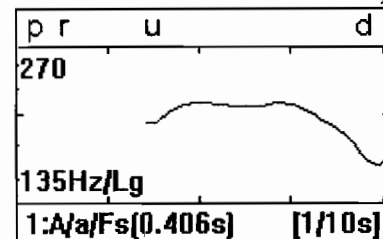
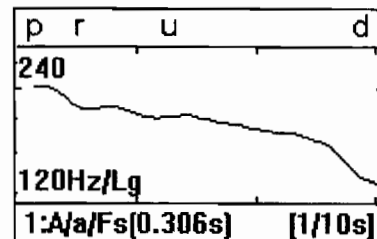
*šǫmъ C

41. *šǫm* (?)42. *šǫm*

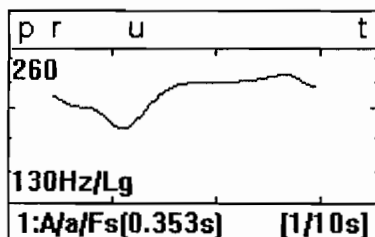
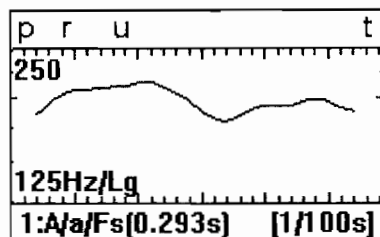
*pǫpъ B

43. *pǫp*44. *pǫp*

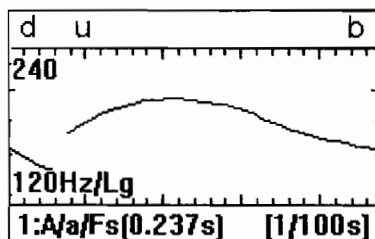
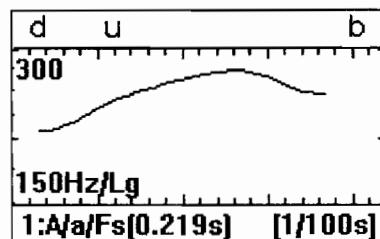
*prǫdъ B

45. *prǫd*46. *prǫd*

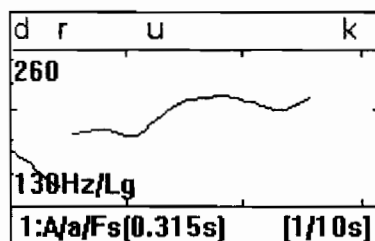
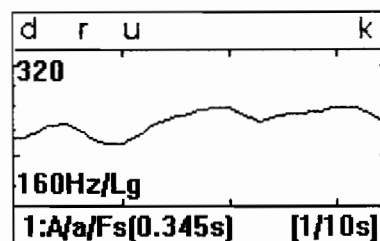
*prōtъ B

47. *prūt*48. *prūt*

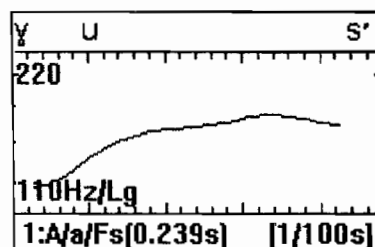
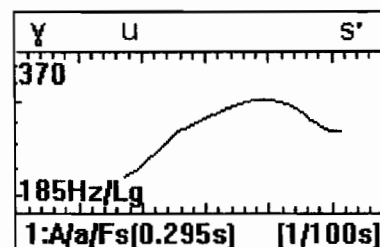
*dōbъ D

49. *dūb*50. *dūb*

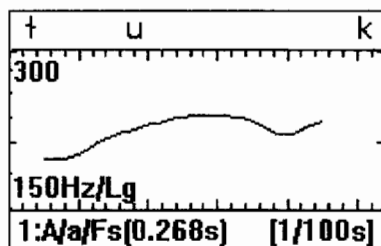
*drōkъ D

51. *drūk*52. *drūk*

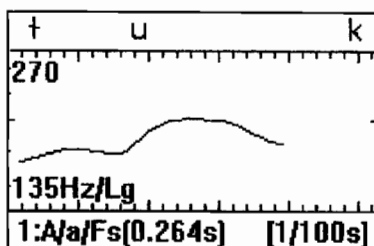
*gōsъ D

53. *gūs'*54. *gūs'*

*lǫkъ D

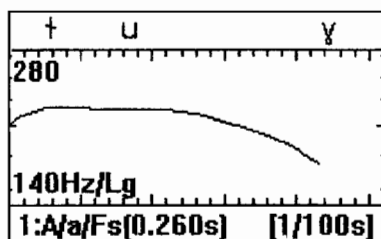

55. tûk

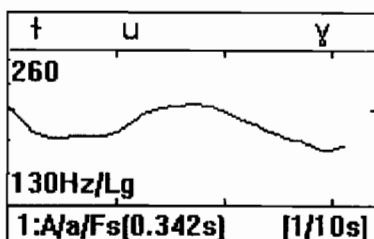

56. tûk

*lǫγъ D

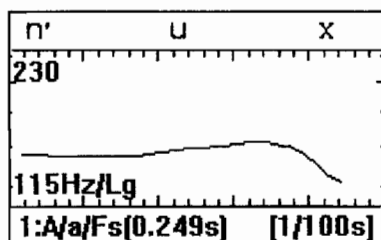

57. tûγ

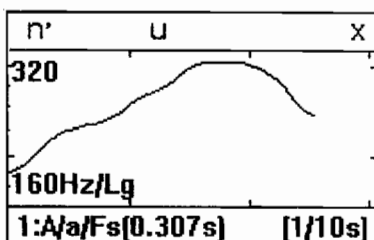

58. tûγ

*n'ǫxъ C

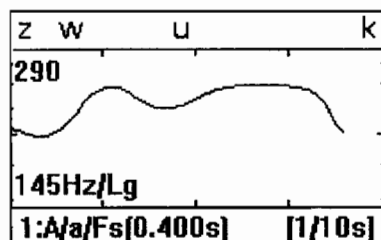

59. n'ûx

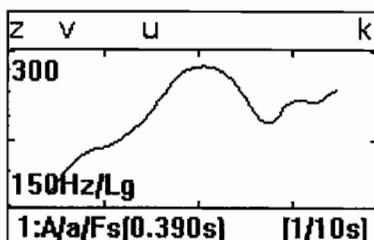

60. n'ûx

*zvǫkъ C

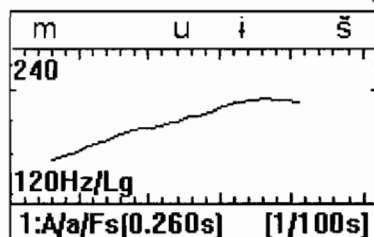
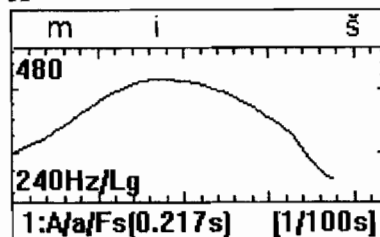

61. zwûk

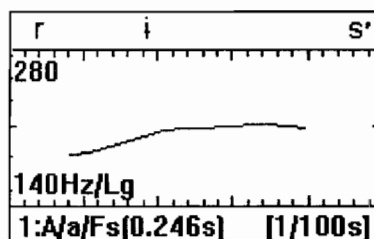
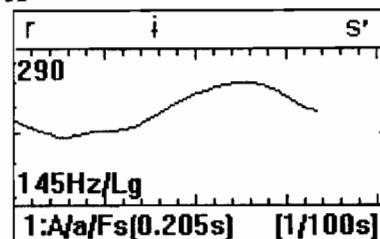

62. zvûk

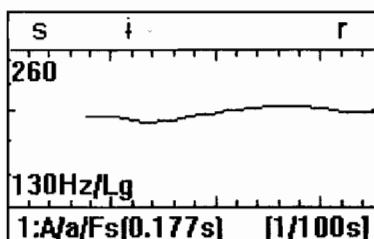
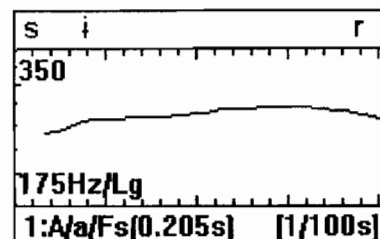
*mŷśь A

63. *mušiš*64. *miš*

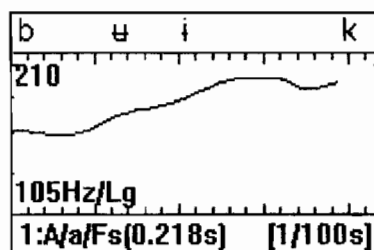
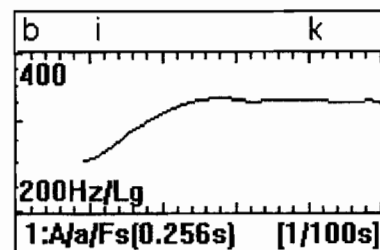
*rŷśь A

65. *ršis'*66. *ršis'*

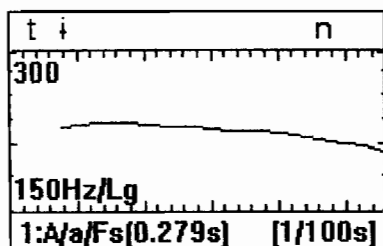
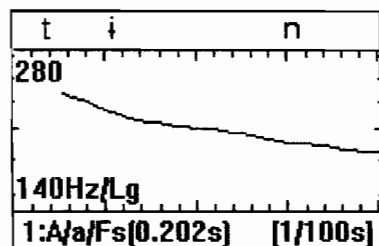
*sŷrь A

67. *sšir*68. *sšir*

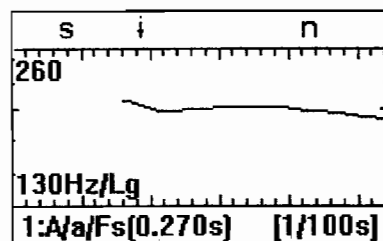
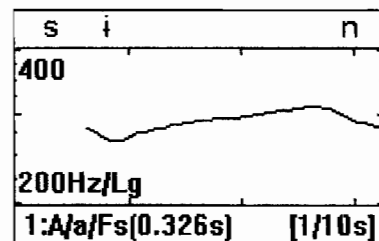
*bŷkь B

69. *bušik*70. *bišik*

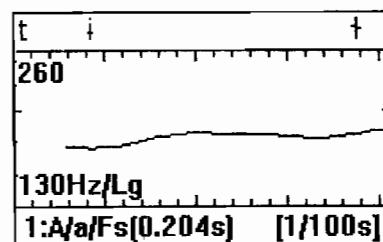
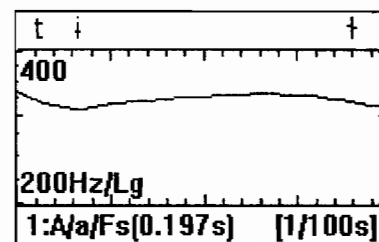
*типъ D?

71. *tîn*72. *tîn*

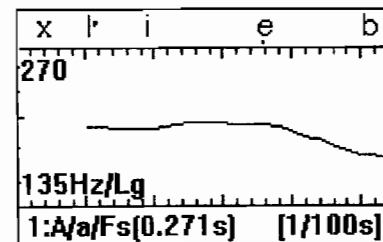
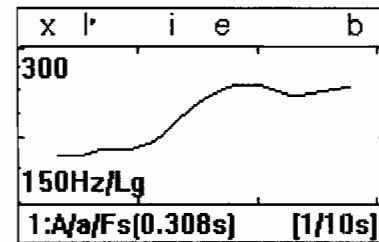
*sŷnъ C

73. *sîn*74. *sîn*

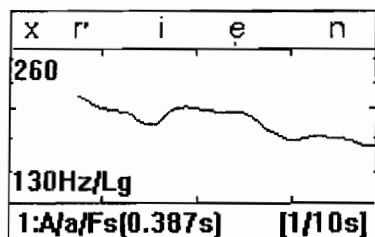
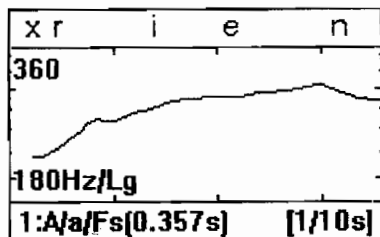
*tŷlъ C

75. *tît*76. *tît*

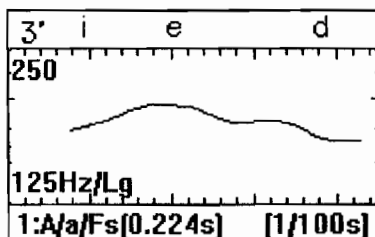
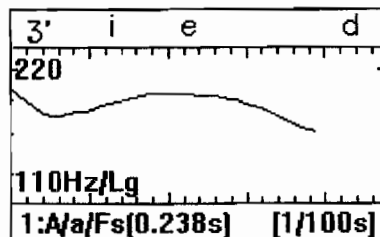
*xlěbъ A

77. *xl'ieb*78. *xl'ieb*

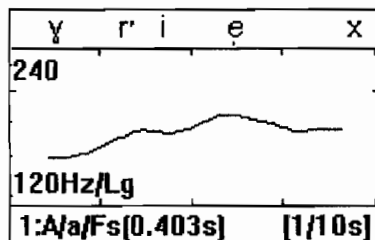
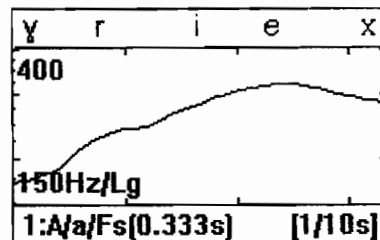
*xrěпъ A

79. *xr'iěn*80. *xriěn*

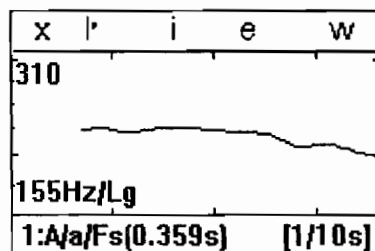
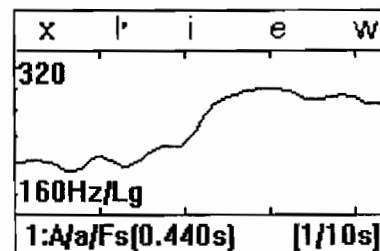
*dědъ A

81. *d'iéd*82. *z'iéd*

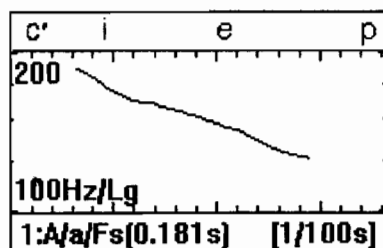
*grěxъ B

83. *γr'iêx*84. *γriêx*

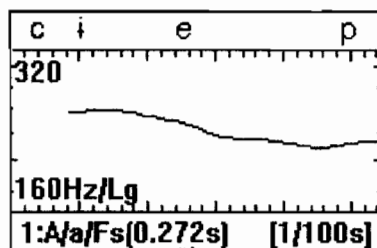
*xlěvъ B

85. *xl'iêw*86. *xl'iêw*

*сѣръ D

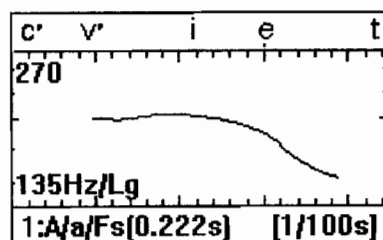

87. с'ієр

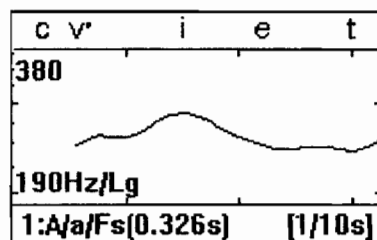

88. сѣєр

*квѣтъ D

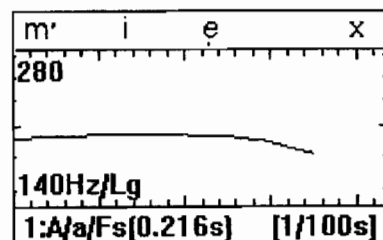

89. с'v'ієт

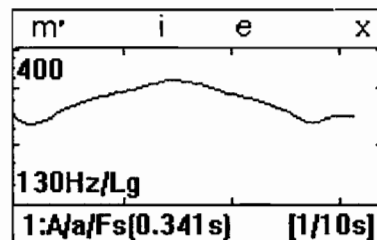

90. сѣv'ієт

*мѣхъ D

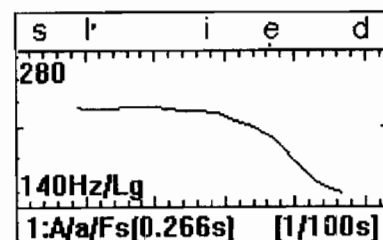

91. m'ієx

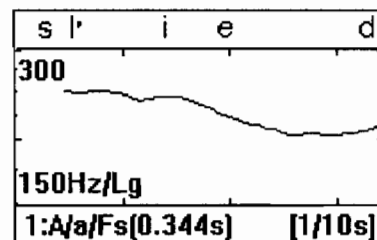

92. m'ієx

*слѣдъ D

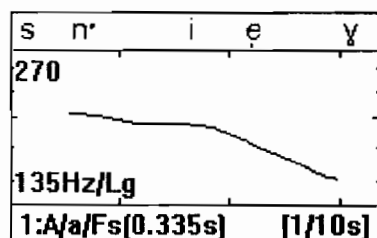
93. sl'ієd

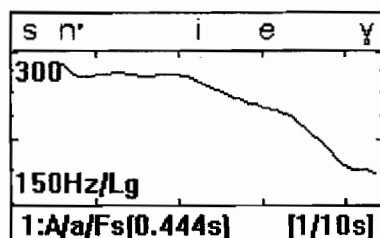
94. sl'ієd

*sněgъ D

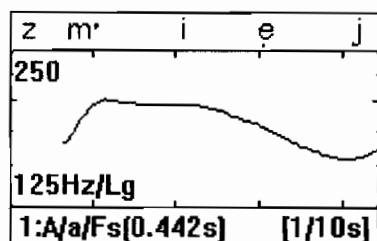

95. sn'ieγ

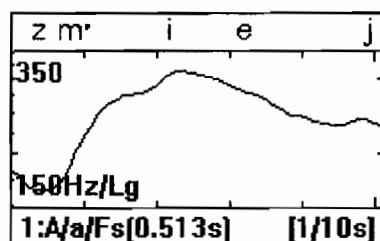

96. sn'ieγ

*změjъ D

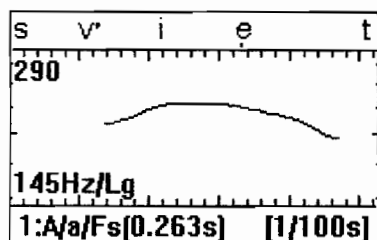

97. zm'iej

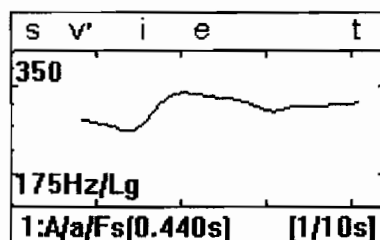

98. zm'iej

*světъ C

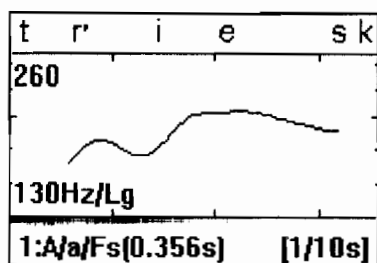

99. sv'iet

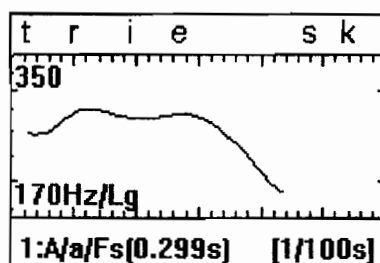

100. sv'iet

*trěskъ C

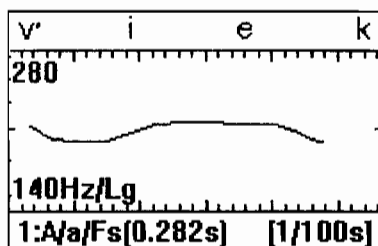
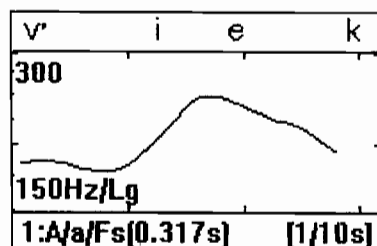

101. tr'iesk

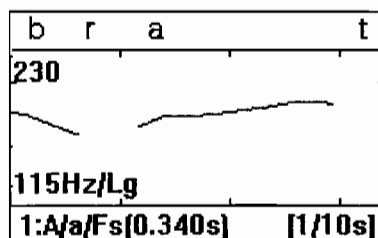
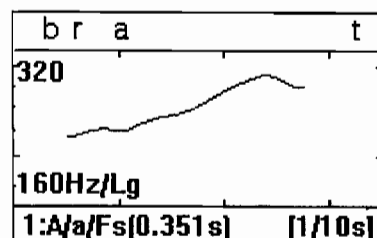

102. triesk

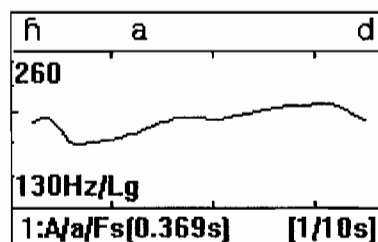
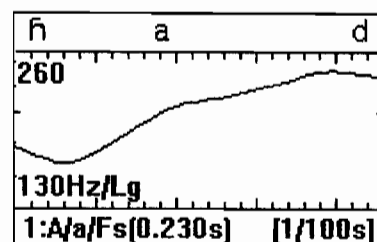
*věkъ C

103. *v'iek*104. *v'iek*

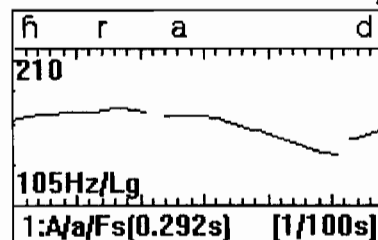
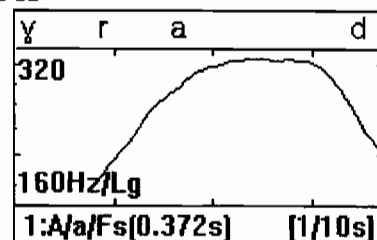
*brātъ A

105. *brât*106. *brât*

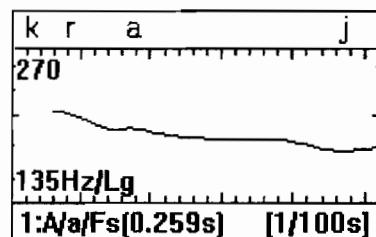
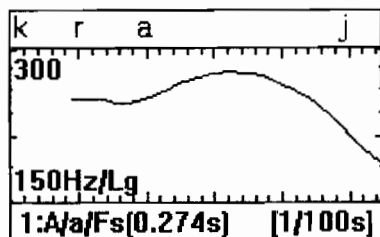
*gādъ A

107. *γād*108. *γād*

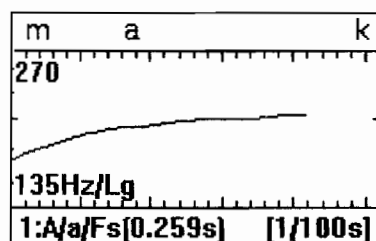
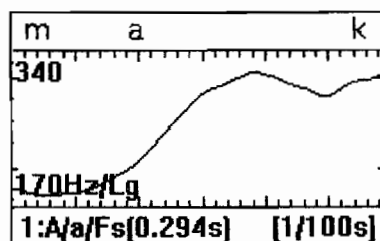
*grādъ A

109. *γrād*110. *γrād*

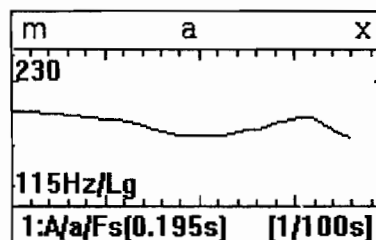
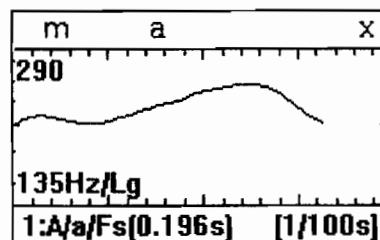
*krǎjъ A

111. *kràj*112. *krâj*

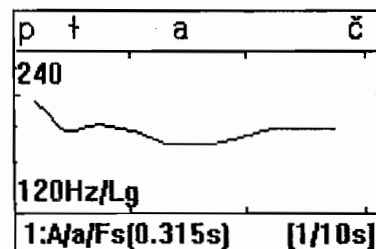
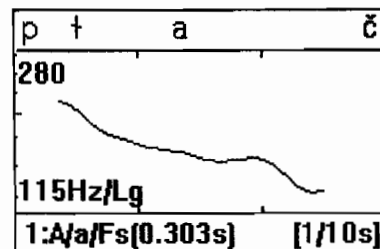
*mǎkъ A

113. *mǎk*114. *mâk*

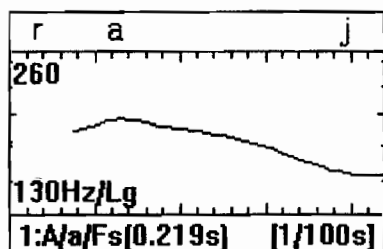
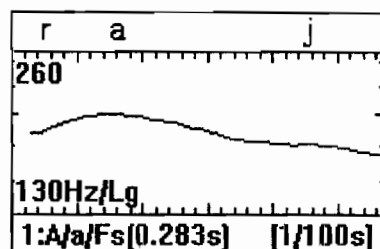
*mǎxъ A?

115. *mǎx*116. *mâx*

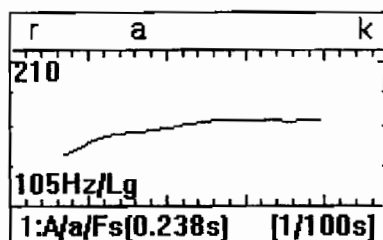
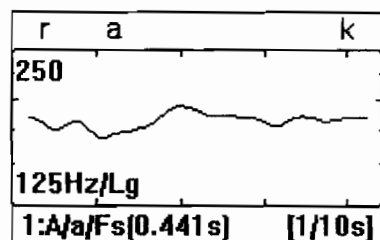
*plǎčъ A

117. *pláč*118. *pláč*

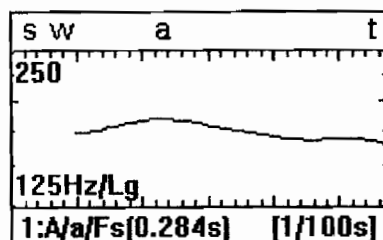
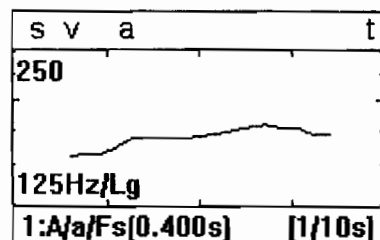
*gájь A

119. *ràj*120. *ràj*

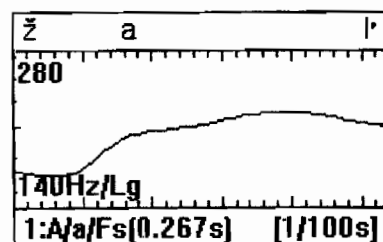
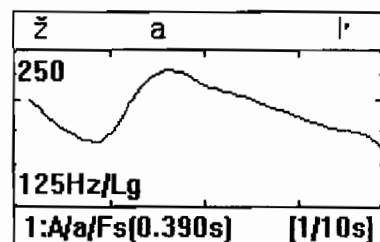
*rākъ A

121. *rāk*122. *rāk*

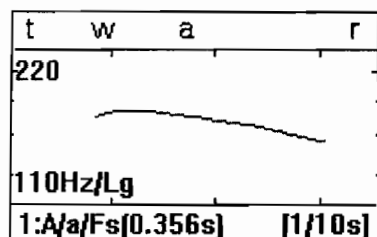
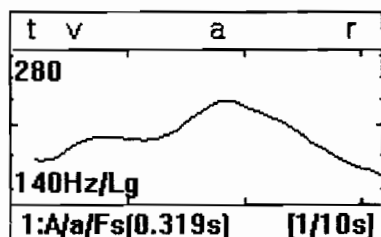
*svātъ A

123. *swāt*124. *swāt*

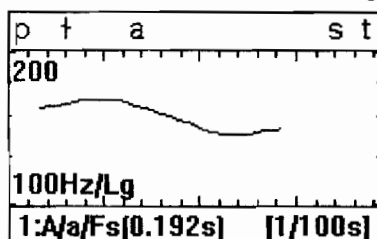
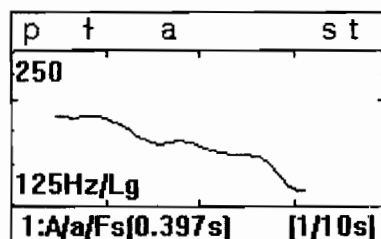
*žálъ A

125. *žál'*126. *žàl'*

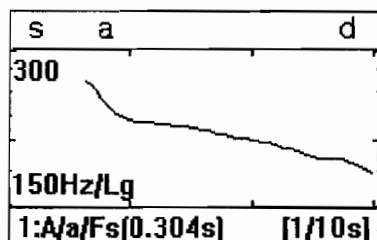
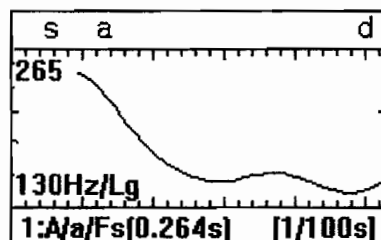
*tvaryь D

127. *tvàr*128. *tvàr*

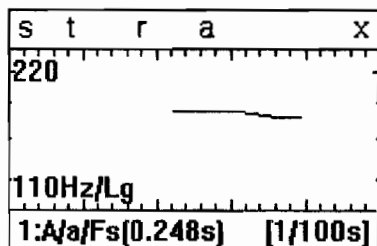
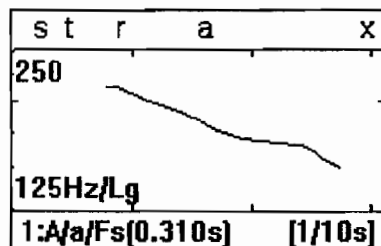
*plastъ D

129. *plàst*130. *plàst*

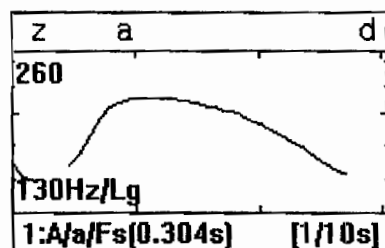
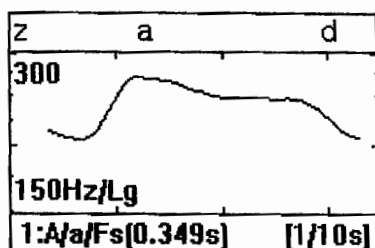
*sadъ D

131. *sàd*132. *sàd*

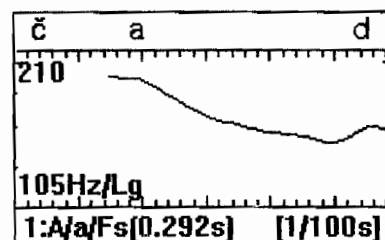
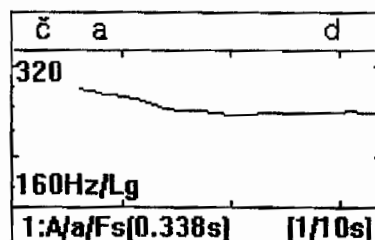
*straxъ D

133. *stràx*134. *stràx*

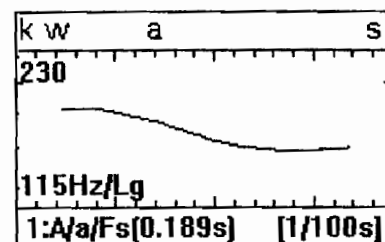
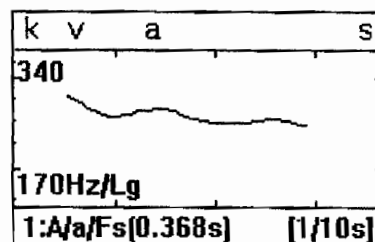
*zadъ D

135. *zàd*136. *zàd*

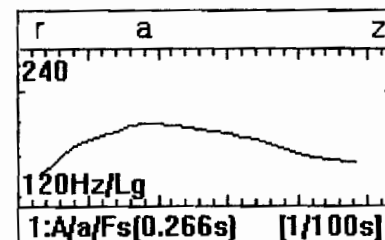
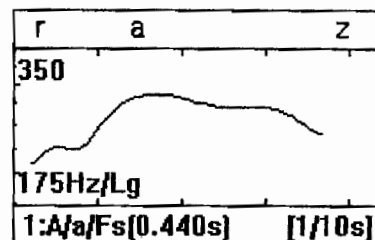
*čadъ C

137. *čàd*138. *čàd*

*kvàsъ C

139. *kwàs*140. *kwàs*

*râzъ C

141. *ràz*142. *ràz*

**Метатония акут $\Rightarrow$ циркумфлекс
в рецессивных корнях
и новые данные
о различении заударных интонаций**

Введение понятия *морфонологической акцентуационной валентности* и рассмотрение явления, отраженного этим понятием, как характеристики праславянской и балто-славянской просодии привело к ряду нетривиальных результатов.

Славянские и балтийские прикорневые суффиксы, как и прочие морфемы, делятся на два класса: I класс — балто-славянские суффиксы, которые считаются доминантными, т.е. (+)-суффиксами, а II класс — класс балто-славянских рецессивных суффиксов, т.е. (-)-суффиксов [Николаев 1989; об аналогичном распределении корней см. Николаев, Старостин 1982; Николаев 1986].

Словоформы, содержащие доминантные («плюсовые») морфемы, являются оротоническими (оротонами); словоформы, содержащие только рецессивные («минусовые») морфемы, являются энклиномическими (энклиноменами). Согласно общему правилу балто-славянской акцентологии производные с рецессивными суффиксами сохраняют акцентную парадигму производящих, тогда как производные с доминантными суффиксами получают неподвижный акцентный тип независимо от а. п. производящего [Дыбо 1981].

Наряду с этим предсказываемым теорией результатом был получен также результат, который непосредственно теорией не предсказывался: оказалось, что в производных с доминантными первичными (простыми, несоставными) суффиксами от акутированных корней рецессивного, т.е. (-)-класса, происходит метатония «акут $\Rightarrow$ циркумфлекс», тогда как в производных от акутированных корней доминантного, т.е. (+)-класса, метатония отсутствует²⁴.

---

²⁴ Ниже приводятся лишь отдельные иллюстрации, полный материал см. в [Николаев 1989: 77–97]; ср. также [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 88–108], [Дыбо 1997: 166–178].

I. Балто-славянская метатония в производных с суффиксами «доминантного» класса (-to-, -sto-, -Tlo- и др.)

Акутированные корни балто-славянских глаголов подвижного акцента с (-)-маркировкой (рецессивные) меняют интонацию на циркумфлекс.

Литовский (2-я а. п.)

а) суфф. -ta-s:

1. лит. *graũžtas* (2) ~ лит. *gráužti*, лтш. *graũzt*, слав. *grŭzq, *gryzěť (а. п. с);

2. лит. *dõtas* (2) ~ лит. *dúoti*, лтш. *duõt*, слав. *dâjq, *dajěť (а. п. с);

3. лит. *naĩtas* (2) ~ лит. *nér̃ti*, слав. **ñbrq*, **ñbrěť* (а. п. с) и т. п.;

б) суфф. -sta-s:

1. лит. *klõstas* (2), pl. *klõstai* ~ лит. *klóti*, лтш. *klât*, слав. *klâdq, *kladěť (а. п. с);

2. лит. *mõstas* (2) ~ лит. *móti*, лтш. *mât*, слав. *mâjq, *majěť (а. п. с);

3. лит. *aũkštas* (2) ~ лит. *áugti*, лтш. *aũgt* и т. п.;

в) суфф. -kla-s:

1. лит. *dė̃klas* (2) ~ лит. *dė̃ti*, лтш. *dêt*, *dė̃tiês*, слав. **dễjq*, *dějěť (а. п. с);

2. лит. *pa-bũ̃klas* (2) ~ лит. *bũ̃ti*, лтш. *bût*, слав. (l-part.) *bŭlъ, *bylâ, *bŭlo (а. п. с);

3. лит. *spĩ̃rklas* (2) ~ лит. *spĩ̃rti*, лтш. *spẽr̃t*, слав. **p̃erq*, *perěť (а. п. с) и т. д.

Славянский (а. п. б)

Суфф. -dlo:

1. слав. **dě̃dlo* (> **dě̃dlò*) ~ слав. **dễjq*, *dějěť (а. п. с), лтш. *dêt*, *dė̃tiês*;

2. слав. **žer̃dlo*, **žbr̃dlo* (> *žerdlò, *žbrdlò) ~ слав. *žerq, *žerěť; *žbrq, *žbrěť (а. п. с), лтш. *dzẽr̃t*;

3. слав. *zīdlo (> *zīdlò) - слав. *živŭq, *živěť (а. п. с), лтш. *dzīt* 'заживать' и т. п.

II. Отсутствие балто-славянской метатонии в производных с суффиксами «доминантного» класса (-to-, -sto-, -Tlo- и т. п.)

Акутированные корни балто-славянских глаголов неподвижного акцента с (+)-маркировкой (доминантные) не меняют интонации.

Литовский (1-я а. п.)

а) суфф. -ta-s:

1. лит. *káltas* (1) ~ лит. *kálti*, лтш. *kaĩt*, *kuĩt*, слав. *kōljŭ, *kōljety (а. п. b/a);

2. лит. *būrtas* (1) ~ лит. *būrti*, лтш. *buĩrt*;

3. лит. *gniáužtas* (1) ~ лит. *gniáužti*, лтш. *gnaũzt* и т. п.;

4. лит. *váistas* (1) ~ слав. *věděti (а. п. a);

б) суфф. -sta-s:

1. лит. *žióstas* ~ лит. *žióti*, слав. *zějŭq, *zějety (а. п. a);

в) суфф. -kla-s, -klā:

1. лит. *dūrklas* (1) ~ лит. *dūrti*, лтш. *duĩrt*;

2. лит. *irklas* (1 > 3) ~ лит. *irti*, лтш. *ĩrt*, *ĩrtiēš*;

3. лит. *sėkla* (1; f.) 'семья' ~ лит. *sėti*, лтш. *sēt*, слав. *sějŭq, *sějety (а. п. a) и т. п.

Славянский (а. п. a)

Суфф. -dlo:

1. слав. *ryjŭdlo ~ слав. *ryjŭq, *ryjety (а. п. a);

2. слав. *šīdlo ~ слав. *šījŭq, *šījety (а. п. a), лит. *siūti*, лтш. *sūt*;

3. слав. *mědlo ~ слав. *mьnŭq, *mьnety (а. п. a/b); лит. *minti*, лтш. *mīt* и т. п.

Исключения из данного соотношения единичны и легко объясняются либо наличием древних акцентуационных вариантов у некоторых глаголов, либо сменой акцентных характеристик у них в более поздний период.

Вторичная доминантность и метатония

Структура вторичных суффиксов.

В праславянском (и в балто-славянском) реконструируется большое число доминантных суффиксов, не изменяющих интонации корня. Собственно, само наличие таких суффиксов позволило создать непротиворечивую теорию акцентуационных валентностей (анализу образований с суффиксами этого типа посвящена основная часть работы [Дыбо 1981], см. также [Дыбо 1994]). Рассматривая структуру вторичных суффиксов, мы видим, что они состоят, минимум, из двух частей: $\bar{a}ko-$ (в **durakъ*; **inakъ*) = $-\bar{a}+ko-$; $iko-$ (в **kopъsь*) = $-i+ko-$; $uko-$ (в **stълbъkъ*) = $-u+ko-$; $\bar{i}ko-$ = $-\bar{i}+ko-$; $\bar{i}ka-$ (в **sestrica*) = $-\bar{i}+k\bar{a}-$; $ovo-$ = $-o+vo-$; $\bar{a}vo-$ (в **lqkavъ*) = $-\bar{a}+vo-$; $\bar{i}vo-$ (в **krasivъ*) = $-\bar{i}+vo-$; $\bar{i}to-$ (в **jъmenitъ*) = $-\bar{i}+to-$; $\bar{a}to-$ (в **volsatъ*) = $-\bar{a}+to-$; $\bar{a}jo-$ (в **ortajъ*) = $-\bar{a}+jo-$ и т. п.

Морфонологические характеристики составляющих и просодическое поведение вторичных суффиксов.

Анализ материала показывает, что первая часть этих суффиксов, как правило, либо тематический гласный $-o-$, извлеченный из тематических основ, либо иной основообразующий формант, сросшийся с первичным суффиксом ($-i-$, $-u-$, $\bar{a}-$, $\bar{i}-$, $\bar{u}-$), а вторая — первичный суффикс. Тематический гласный (как правило) и другие основообразующие форманты при самостоятельном функционировании являются рецессивными морфемами, что неоспоримо вытекает из наличия у всех этих видов основ подвижного акцентного типа.

Естественно предположить, что доминантность такого рода суффиксов обусловлена доминантностью их второй части. Иначе говоря, доминантная вторая часть суффикса изменяет морфонологический статус первой его части, делая ее (вторично) доминантной так же, как первичный доминантный суффикс изменяет морфонологический статус первично рецессивного корня, делая его (вторично) доминантным.

Если первая часть вторичного суффикса представляет собой изначальный долгий монофтонг или рефлекс сочетания

«сонант + ə» и должна быть по правилам де Соссюра и Бецценбергера акутированной, в ней происходит метатония и акут заменяется на циркумфлекс.

Примеры метатонии в суффиксах:

1. Ярким примером метатонии во вторичных (составных) суффиксах служит поведение акцента в балто-славянском суффиксе *-āko-s*. В славянском этот суффикс в адъективном употреблении сохранился лишь у местоименных прилагательных и показывает в них отчетливо рецессивный характер, ср.: 1. *jākz, *jakā, *jāko (от *jǃ, *jǃ, *jē — а. п. с); 2. *tākz, *takā, *tāko (от *tǃ, *tǃ, *tē — а. п. с); 3. *kākz, *kakā, *kāko (ср. *kǃto, *čǃto — а. п. с); но от местоимений неподвижного акцентного типа: 1. *īnakz, *īnaka, *īnako (от *īnz, *īna, *īno — а. п. а); 2. **uvs'ākz*, **uvs'āka*, **uvs'āko* (от **uvs'ǃ*, **uvs'ǃ*, **uvs'e* — а. п. б). В литовском прилагательные с суффиксом *-ōka-s* (< *-āko-s*) относятся к неподвижному акцентному типу с постоянным акутовым ударением на суффиксе: *ilgōkas* (ср. лтш. *ilgs*), *plonōkas* (ср. лтш. *plāns*), *sunhōkas* (ср. ст.-лит. *suñkus*, 2-я а. п. у Даукши), *platōkas* (ср. *platus*, 4-я а. п. у Даукши). Это явно перестроенная акцентовка с генерализацией акцентных типов, возникших в результате действия законов де Соссюра и Хирта. Для балто-славянского, таким образом, следует восстанавливать рецессивный статус этого адъективного суффикса.

Этот же суффикс в субстантивном употреблении показывает циркумфлектированный характер гласного *-ā-* и акцентный тип с постоянным насуффиксальным ударением: лит. *paujōkas* (2-я а. п.), *bērōkas* (2-я а. п.), *kaulōkas* (2-я а. п.) и т. п., ср. генетически тождественную а. п. б в подобных образованиях в славянском: *durākz, *prostākz, *rybākz, *mōdrakz и т. п. Очевидно, что и в этом словообразовательном типе мы встречаемся с генерализацией акцентного типа с насуффиксальным ударением и устранением акцентного типа с первично накоренным ударением. Например, два последних славянских примера первоначально должны были иметь следующую акцентовку: *rybākz и *mōdrākz > *mōdrākz*.

2. Более близкое к первоначальному состояние мы имеем в литовском в словообразовательном типе с вторичным суффиксом *-ykla-s*: *gydyklas* 'лекарство' (от *gydyti* 'лечить'), *vjstyklas*

(3 < *1) 'пеленка' (от *výstyti* 'пеленать, свивать'), но *kabŷklas* (2) 'вешалка' (от *kabŷti > *kabinti* 'вешать'), *kibŷklas* (2) 'крюк, зацеп' (от *kibŷti* 'вешать, зацеплять'), *kratŷklas* (2) 'labai slidus ŷpnelis rakuoloms kratyti' (от *kratŷti* 'трясти'). Суффикс *-ykla-s*, очевидно, состоит из доминантного первичного суффикса *kla-s* и основообразующего форманта каузативных глаголов *-y-* (< *-i-*), морфонологическим статусом которого, как показывают славянские данные, была рецессивность (ср. наличие в каузативах а. п. с и тип ее акцентной кривой: inf. *gubiti* - sup. *gŷbitŷ*, l-prtc. *gŷbilŷ, *gŷbil, *gubilŷ, pl. *gŷbili* и т. д.). По двум первым примерам видно, что суффикс *-ykla-s* не наводит метатонию на корень, однако сама первая его часть (*-y-*), как показывает рассмотрение следующих трех примеров, подвергается метатонии и получает морфонологический статус доминантности. Подвижность акцента у второго производного, очевидно, вторична (а. п. первого слова неизвестна), ср. подобное же вторичное развитие подвижности у производных с суффиксами *-tuva-s* и под. (см. [Николаев 1989]).

Морфонологическое представление поведения вторичных суффиксов.

Такое различие в морфонологическом поведении вторичных и первичных суффиксов, а равно и составляющих вторичных суффиксов, свидетельствует о сложном характере статуса доминантности.

Можно отразить установленные нами различия в типе доминантности соответствующей маркировкой. Для обозначения первичной доминантности корней, первичных суффиксов и соответствующих частей вторичных суффиксов оставим знак (+), для обозначения вторичной доминантности корней и соответствующих частей вторичных суффиксов введем знак (±). В этом случае различие между соответствующими адъективными и субстантивными суффиксами выразится так: 1. adj. *-ā-kō-s* - subst. *-ā-kō-s*; 2. adj. *-u-kō-s* - subst. *-u-kō-s*; 3. adj. *-ā-vo-s* - subst. *-ā-vo-s*; 4. adj. *-ī-kō-s* - subst. *-ī-kō-s* и т. д.

Приведем еще некоторые характерные морфонологические представления вторичных суффиксов: 1. adj. *-in-o-s* - adj. *-in-jo-s*; 2. adj. *-išk-o-s* - adj. *-išk-jo-s*; 3. subst. *-ib-ā-* - subst. *-ib-jā-*; 3. subst. *-in-ī-kō-s*, *-ov-ī-kō-s* и т. д.

Уже из этого перечня видны некоторые особенности внутренней структуры вторично доминантных суффиксов.

Во-первых, *вторично доминантные составляющие не наводят вторичную доминантность на корни, они ведут себя так же, как вторично доминантный суффикс в целом по отношению к корневой морфеме.*

Во-вторых, бросается в глаза *нарочитая произвольность членения, связанная с наличием «чередующихся» пар и их структурой.*

Если представлены пары, состоящие из рецессивных адъективных суффиксов и как бы омонимичных им доминантных субстантивных суффиксов (adj. *-u-k₀-s* ~ subst. *-u-k₀-s*), мы предпочитаем вычленять первично рецессивный основообразующий формант, а различие статусов парных суффиксов сводить к различию статусов первичных суффиксов adj. *-k₀* и subst. *-k₀*, следуя за аналогичным рассмотрением первичных суффиксов adj. *-t₀* и subst. *-t₀*. В тех же случаях, когда в наших парах наведение вторичной доминантности осуществляется заменой тематического гласного или другого основообразующего форманта каким-либо иным формантом (adj. *-in-o-s* ~ adj. *-in-j₀-s*), мы выделяем в качестве носителя акцентуационной валентности этот тематический гласный. Форманты *-k-* и *-t-* соответственно субстантивов и адъективов генетически тождественны, и следует, по-видимому, предполагать для индоевропейского существование двух тематических гласных, различавшихся какими-то просодическими качествами, которые отобразились в балто-славянском в виде двух различных морфонологических статусов (акцентуационных валентностей). ...

Дистрибуционные признаки процесса (-) ⇒ (±):

1. Он происходит на любом слоговом отрезке, маркированном знаком (-), количество или качество этого слога, по-видимому, какой-либо существенной роли не играет;

2. Он происходит в непосредственной близости (смежности) к следующему за ним звуковому отрезку, в надежно установленных случаях слоговому, маркированному знаком (+), каких-либо ограничений процесса количеством или качеством данного слогового отрезка не обнаружено.

3. На краткостных и циркумфлектированных слогах фонетически данный процесс никак не проявляется, в первоначально акутированных слогах он переводит акутовую интонацию в циркумфлекс ($' \Rightarrow -$). Такие дистрибуционные особенности этого процесса указывают на его ассимиляционный характер, т.е. мы имеем скорее всего дело с результатом тоновой ассимиляции.

Интерпретация.

Можно попытаться более точно определить фонетический характер как самого этого процесса, так и элементов, участвующих в нем:

1. Очевидно, что мы имеем дело лишь с частичной ассимиляцией, т.е. (ɤ) не равняется (+), так как в слоге с маркировкой (ɤ) $' \Rightarrow -$, тогда как в слогах с маркировкой (+) акут не изменяется.

2. Можно думать, что характер самого процесса $' \Rightarrow -$ как-то связан с фонетическим характером элементов, принимавших в нем участие, т.е. (-) и (+); при частичных просодических ассимиляциях обычно просодическая характеристика первой части слога (первой моры) сохраняет близость к первоначальной просодической характеристике данного слога, тогда как просодическая характеристика второй части слога (второй моры) уподобляется просодической характеристике слога, который стимулирует ассимиляцию, т.е. слога, смежного с тем, в котором произошла (в данном случае) метатония.

3. Циркумфлекс в литовском представляет собой восходящую интонацию, и нет серьезных оснований считать, что он был качественно иным в балто-славянском.

Всё это дает основание полагать, что просодические характеристики, принимавшие участие в рассматриваемом процессе, были, скорее всего, регистровыми тонами: маркировке (-) соответствовал низкий тон, маркировке (+) — высокий тон. В этом случае при регрессивной частичной ассимиляции в порядке (-+) на первом слоге должен был возникнуть восходящий тон:

| _ _ | ^ | $\Rightarrow$ | _ ^ | ^ | $\Rightarrow$ | / ^ | ^ |.

Этот ассимиляционный восходящий тон как бы взломал возникающий по правилам де Соссюра и Беценбергера акут

и создал на этом (первом) слоге интонацию, достаточно близкую фонетически к балто-славянскому циркумфлексу, в дальнейшем совпавшую с ним. Интерпретация акцентуационных валентностей (-) и (+) как отображений праязыковых низкого и высокого регистровых тонов хорошо поддерживаются также и типологическими сопоставлениями: ср. контурные правила, тождественные балто-славянским, в восточносахарских языках (группа теда-канури, см. [Дыбо 1987; 1995]).

Севернолитовское отражение ассимиляции «валентностей»

В ряде публикаций А. Гирдениса и Г. Й. Качюшкене [Гирденис, Качюшкене 1987; Качюшкене 1984] были приведены факты, свидетельствующие о наличии в северножемайтском (можейкинский говор) и в севернопонежежском (аукштайтском) диалектах противопоставления двух видов акута и, соответственно, двух видов циркумфлекса неретракционного типа. Противопоставление это представлено в ряде минимальных пар и отмечено в трех категориях форм: 1. сущ. с суфф. *-ta-s* - прилаг. (причастия) с суфф. *-ta-s*; 2. презенсы 3 л. глаголов *j-graesentia* - буд. вр. 3 л. тех же глаголов; 3. претериты на *-é* от первичных глаголов *j-graesentia* - претериты на *-é* от парных к ним итеративов.

Исследователи провели большую экспериментальную работу, установив факт хорошего различия информантами указанного противопоставления и изучив его основные фонетические параметры, однако для серьезного сравнительно-исторического исследования этого феномена необходимо полное описание просодических систем данных говоров, т.е. установление типа интонации, по возможности, у каждой словоформы всего корпуса лексем этих диалектов. Поэтому сейчас относительно данной проблемы можно высказать лишь самые предварительные соображения. Авторы связывают указанное различие с противопоставлением прабалтийских (и праиндоевропейских) баритонированной и подвижной акцентных парадигм.

Однако самым примечательным в рассматриваемой ситуации является то, что ни одна из изученных ими лексем не относилась

в пралитовском (и в прабалтийском) к подвижному акцентному типу. Все они имели неподвижную акцентную парадигму, т.е. были баритонированными, так как их корневые морфемы относятся к классу (+)-морфем. Важным, однако, представляется тот факт, что во всех случаях, когда мы можем установить маркировку их суффиксов, оказывается, что акут и циркумфлекс, относимые авторами к первой разновидности, появляются перед (+)-суффиксами, а акут и циркумфлекс, относимые ими ко второй разновидности, — перед (-)-суффиксами.

I. Сущ. с суфф. *-ta-s* ~ прилаг. (прич.)
с суфф. *-ta-s*

A. Акут 1 - акут 2

Северножемайтский

1. *kā·tt̃s*₍₁₎ 'долото' (*kālt̃as*) - *kā·tt̃s*₍₂₎ 'битый' (*kālt̃as*);
2. *svē·ists*₍₁₎ 'масло' (*sviēst̃as*) - *svē·ists*₍₂₎ 'кинутый' (*sviēst̃as*).

Севернопонежежский

1. *kā·tt̃s*₁ 'долото' (*kālt̃as*) - *kā·tt̃s*₂ 'битый' (*kālt̃as*);
2. *kæ·tt̃s*₁ 'паром' (*kēlt̃as*) - *kæ·tt̃s*₂ 'поднятый' (*kēlt̃as*).

В последней паре корень *kél-*, вопреки лтш. *ceîl̃t*, следует относить к доминантному классу, во всяком случае в пралитовском, что отражается как в отсутствии метатонии в образованиях с доминантными суффиксами, так и непосредственно в производных с вторичными суффиксами сохранением неподвижного акцентного типа с накоренным ударением: *kéltuvas*, *kéltuva* (1 ⇒ 3).

B. Циркумфлекс 1 - циркумфлекс 2

В опубликованных материалах по северножемайтскому эта категория отсутствует.

Севернопонежежский

1. *āū·t̃s*₁ 'портянка' (*aūt̃as*) - *āū·t̃s*₂ 'обутый' (*aūt̃as*);
2. *pör·št̃s*₁ 'палец' (*piřst̃as*) - *pör·št̃s*₂ 'сосватанный' (*piřst̃as*).

Очевидно, что здесь мы имеем дело в левой части пар с тем же словообразовательным типом, что и представленный выше тип, в котором первично акутированные корни дают метатонию «акут $\Rightarrow$ циркумфлекс», его суффикс *-ta-s*, как было показано выше, относится к первичным (+)-морфемам. Лишь в последней паре в слове *piřštas* 'палец' морфонологический, так же как и морфологический, статус элемента *-ta-s* неясен, однако субстантивный характер этого элемента свидетельствует скорее в пользу его доминантности. В правой части пар во всех примерах представлены формы страдательных причастий прошедшего времени, в которых и в балтийском и в славянском присутствует подвижная акцентная парадигма. Следовательно, суффикс *-ta-s* этих форм относится к первичным (-)-морфемам.

II. Презенсы 3 л.
глаголов *j-praesentia* ~
буд. вр. 3 л. тех же глаголов

A. Акут 1 - акут 2

Северножемайтский

1. наст. вр. *kā.iš̃₍₁₎* 'чистит (-ят)' - буд. вр. *ka.iš̃₍₂₎* 'будет (-ут) чистить'; 2. наст. вр. *kūoš̃₍₁₎* 'цедит (-ят)' - буд. вр. *kiōš̃₍₂₎* 'будет (-ут) цедить'.

B. Циркумфлекс 1 - циркумфлекс 2

Северножемайтский

1. наст. вр. *mē̃.iš̃₍₁₎* 'смешивает (-ют)' - буд. вр. *mē̃.i.š̃₍₂₎* 'будет (-ут) смешивать'; 2. наст. вр. *gā̃.us₍₁₎* 'роет (-ют)' - буд. вр. *gā̃.u.s₍₂₎* 'будет (-ут) рыть'.

Суффикс *-je-* первичных *j-praesentia* относится к доминантным суффиксам, морфонологический статус суффикса сигматического буд. неизвестен, но ничто не препятствует предположению о его рецессивном характере.

III. Претериты на -é от первичных глаголов j-praesentia ~ претериты на -é от парных к ним итеративов

А. Акут 1 - акут 2

Северножемайтский

trâ·ukę₍₁₎ 'тянул(а)' (inf. *trâ·ukte*) - *trâ·ukę*₍₂₎ 'дергал(а)' (inf. *tra·ukî·tę*).

Севернопонежежский

1. *tá·uže*₍₁₎ 'ломал(а)' (inf. *tá·uštъ*) - *ta·úže*₍₂₎ 'разламывал(а)' (inf. *ta·úžętъ*). 2. *gńá·uže*₍₁₎ 'щебил(а)' - *gńa·uže*₍₂₎ 'мял(а)'. 3. *trá·uke*₍₁₎ 'тянул(а)' (inf. *trá·uktъ*) - *tra·úke*₍₂₎ 'дерга-л(а)' (inf. *tra·úkeťb*).

Б. Циркумфлекс 1 - циркумфлекс 2

Северножемайтский

brā·ukę₍₁₎ 'перечеркнул(а)' (inf. *brā·uktę*) - *brā·u·ke*₍₂₎ 'перечеркивал(а)' (inf. *braukî·tę*).

Севернопонежежский

1. *brāū·ke*₍₁₎ 'перечеркнул(а)' (inf. *brāū·ktъ*) - *brāū·ke*₍₂₎ 'перечеркивал(а)' (inf. *brauki·tъ*); 2. *plāū·ke*₍₁₎ 'плыл(а)' (inf. *plāū·ktъ*) - *plāū·ke*₍₂₎ 'плавал(а)' (inf. *plauki·tъ*); 3. *rāū·ke*₍₁₎ 'хмурил(а)' - *rāū·ke*₍₂₎ 'нахмуривал(а)'.

В левой группе форм мы имеем, по-видимому, отражение первично доминантного суффикса йотированных глаголов, в правой, скорее всего, вторично доминантный суффикс, возникший в результате стяжения рецессивного и доминантного суффиксов.

Для интерпретации обсуждаемого феномена важнейшее значение имеет первая группа форм. Как мы видели, она состоит из имен неподвижного акцентного типа, различающихся лишь морфонологическим статусом их суффикса²⁵. Достаточно надеж-

²⁵ Подвижность акцента у соответствующих причастий в современном литовском является результатом генерализации подвижной акцентной парадигмы, происшедшей в позднее время (неподвижная а. п. в причастиях на -*ta-s* от акутированных глаголов неподвижного акцентного типа сохранялась еще у Н. Даукши).

но устанавливается и доминантный характер корней у данной группы имен. Таким образом, *есть все основания объяснять представленное в этой группе различие между двумя акутами геср. циркумфлексами в корне ассимиляторомным влиянием некоей просодической характеристики суффиксального слога (отразившейся в его морфонологическом статусе) на корневой слог. Эта ассимиляция подобна той, которая привела к балто-славянской метатонии у соответствующих основ от рецессивных акутированных корней.*

Этому объяснению не противоречит и вторая группа форм.

Что касается третьей группы, то она в определенной степени даже поддерживает предложенную гипотезу. Так как в последней группе форм, независимо от морфонологического статуса корней, вообще отсутствует подвижный тип акцента, то здесь мы имеем, скорее всего, дело с противопоставлением первично и вторично доминантных формантов. Первые, как было показано выше, индуцировали метатонию в образованиях от рецессивных акутированных корней, вторые такой способностью не обладали.

Сама метатония являлась результатом ассимиляции «низкого акута» высокому регистру первично доминантного суффикса; при вторично доминантных суффиксах этой ассимиляции не происходило, так как начальный слог их имел не высокий, а восходящий контур, который сам являлся результатом ассимиляции первично низкого регистра высокому регистру следующего слога или результатом стяжения низкотонального слога с высокотональным. В обсуждаемой группе форм мы обнаруживаем тот же вид «просодического поведения». Первично доминантный формант преобразует балтийский акут и, соответственно, циркумфлекс доминантного корня в разновидности «акут 1» и «циркумфлекс 1», тогда как вторично доминантный формант такой способностью не обладает, и при нем сохраняется старое состояние, которое обозначается авторами как «акут 2» и «циркумфлекс 2».

Таким образом, во всех группах форм обнаруживаются, по-видимому, следы процесса, приведшего к метатонии в образованиях с первично доминантными суффиксами от акутированных рецессивных корней.

Диалектные данные, обнаруженные А. Гирденисом и Г. Качюшкене, по-видимому, свидетельствуют о том, что этот ассимиляторный процесс проходил во всех просодических типах корней, специфика акутированных рецессивных морфем лишь та, что в них произошло совпадение разновидности «акут 1 в рецессивном (низкотональном) корне (морфеме)» с одной из разновидностей циркумфлекса, тогда как в других случаях такого совпадения интонационных различий, возникших в силу действия правил де Соссюра и Беценбергера, не произошло, а варианты, возникшие из-за указанной ассимиляции, после падения интонаций неударных слогов подверглись тенденции к унификации и сохранились лишь в отдельных литовских диалектах. Впрочем, обнаружение их в говорах разных диалектных групп ставит под сомнение их уникальность и настоятельно требует тщательного обследования литовских диалектов для установления их ареала.

Столь явное отражение такого чисто умозрительного конструкта, как акцентуационная валентность, в современной фонологической системе литовских говоров, по-видимому, свидетельствует о ее сравнительно недавней фонологической реальности. Это подтверждается еще и тем, что ее введение позволяет объяснить и некоторые аномалии в действии одного из важнейших просодических законов литовского языка.

Закон Ф. де Соссюра в прабалтийском и праславянском

Закон Ф. де Соссюра для литовского формулируется следующим образом: *ударение переносится с краткостных и циркумфлектированных слогов на последующие акутированные.* Например, от слова *vadōvas* образуются gen. pl. *vadōvų* (с циркумфлектированным *-ĩ*, ср. *veidũ*) и instr. *vadovù* (с акутированным *-i < -iò*). На конечные слоги ударение по закону де Соссюра переносится регулярно, независимо от морфонологического класса корня и суффикса.

Ниже речь пойдет об *отсутствии переноса акцента по закону де Соссюра в литовской 2-й а. п. на внутренние долгие*

*монофтонги, восходящие к индоевропейским долгим монофтонгам, которые должны были иметь акутовую интонацию*²⁶. Эта особенность всегда была камнем преткновения для принятия действия закона де Соссюра во внутренних слогах, хотя сам де Соссюр, опираясь на закономерности выбора акцентных типов в словообразовании, категорически настаивал на этой его особенности (см. [Соссюр 1977: 623, 625 и, особенно, 631–632]). В последнее время на нерешенность этой проблемы обратил внимание В. Хок [Hock].

Уточняя реконструкцию акцентуации $\bar{a}$ -основ в прабалтийском, введем некоторые изменения в интерпретацию внутренних долгот (ср. [Дыбо 1981: 13]): распространим правило де Соссюра на все неконечные долгие монофтонги, т.е. будем считать их акутированными. Предконечное ударение формы *dat. pl.* и *du.* будем считать результатом вторичной оттяжки акцента по «закону Хирта» (в применении его к балто-славянскому)²⁷, отметим эту позицию знаком $\pm$, считая гласный первично минусовым, и проведем обычную маркировку. Ударные акутовые долготы маркируются знаком $'$, ударные циркумфлексовые — знаком $\sim$. Безударные акутовые долготы маркируются знаком $\hat{}$, циркумфлексовые — знаком $\bar{}$, безударные краткости в корне не маркируются.

По-видимому, такое рассмотрение позволяет в пределах представленного материала модифицировать закон де Соссюра следующим образом: *ударение с краткостного или циркумфлексированного слога переносилось на следующий внутренний акутированный слог, если оба слога имели одинаковую акцентуационную валентность, и на следующий конечный акутированный слог независимо от его валентности.*

²⁶ Эта закономерность также была установлена Ф. де Соссюром и носит название *правила де Соссюра*.

²⁷ «Закон Хирта», действовавший в балто-славянском закон метатонии рецессивный акут $\Rightarrow$ доминантный акут, вступает в противоречие с законом метатонии рецессивный акут $\Rightarrow$ циркумфлекс, т.к. действует вроде бы в тех же условиях — при нахождении рецессивной морфемы (рецессивного слога) перед доминантной морфемой (доминантным слогом морфемы). Однако, судя по некоторым данным, действие закона Хирта ограничивается позицией перед долгосложными морфемами, возникшими в результате морфемной фузии еще на и.-е. уровне.

Таблица 2

	а. п. 1	а. п. 2	а. п. 3	а. п. 4
Sg. nom.	vǎrnǎ	raŋkǎ	galvǎ	mergǎ
gen.	vǎrnās	raŋkās	galvās	mergās
dat.	vǎrnāi	raŋkāi	galvāi	mergāi
acc.	vǎrnǎ	raŋkǎ	galvǎ	mergǎ
instr.	vǎrnǎ	raŋkǎ	galvǎ	mergǎ
loc.	vǎrnǎjě	raŋkǎjě	galvǎjě	mergǎjě
Pl. nom.	vǎrnās	raŋkās	galvās	mergās
gen.	vǎrnŭ	raŋkŭ	galvŭ	mergŭ
dat.	vǎrnāmŭs	raŋkāmŭs	galvāmŭs	mergāmŭs
acc.	vǎrnǎs	raŋkǎs	galvǎs	mergǎs
instr.	vǎrnāmŭs	raŋkāmŭs	galvāmŭs	mergāmŭs
loc.	vǎrnās(ŭ)	raŋkās(ŭ)	galvās(ŭ)	mergās(ŭ)
Du. nom.-acc.	vǎrniē	raŋkie	galviē	mergie
gen.	vǎrnŭ	raŋkŭ	galvŭ	mergŭ
dat.	vǎrnāmŭ	raŋkāmŭ	galvāmŭ	mergāmŭ
instr.	vǎrnāmŭ	raŋkāmŭ	galvāmŭ	mergāmŭ

Сравнительно-исторический комментарий

Наблюдается поразительное согласование акцентных кривых *i*-глаголов а. п. *b* в ст.-центральнoболгарских системах, отраженных в ст.-болгарских памятниках, акцентуационно близких к описанной в [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 229–252] ст.-тырновской, но сохраняющих ударение на «теме» *-i-* в инфинитиве, и «кривой» западнославянских количественных отношений. Такими ст.-болгарскими памятниками являются рукописи Зогр. 151, О письм., памятник юсового письма НБКМ № 93. Близкую и во многом более архаичную систему отражает акцентуация ст.-сербской рукописи «Книги Царств» XV в., отражающей близкую к центр.-болгарской акцентуацию торлакского диалекта тимокско-лужницкого (пиротского) типа²⁸. Чередование

²⁸ Ниже эта система будет условно называться «архаической староболгарской», хотя, разумеется, имеются другие старо- и новоболгарские системы, отличные от рассматриваемой здесь.

количеств, которое можно назвать «кривой количеств», восстанавливается для зап.-славянских долгосложных *i*-глаголов а. п. *b* на основе показаний др.-чешских и др.-польских памятников, а также современных поморских диалектов (см., например, [Lorentz Gr. Rom. III: 1032]).

Праславянская парадигма *i*-глаголов включала два варианта основ: (1) презентную, в которой «полутематическое» *-i* имело балто-славянский циркумфлекс (эта основа в праславянском, видимо, была представлена только в личных формах презенса), и (2) аористо-инфинитивную, в которой «полутематическое» *-i* имело балто-славянский акут. «Полутематическое» *-i* было доминантным у итеративных и рецессивным у каузативных и деноминативных глаголов (см. подробно в [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 111–120]).

Акцентная кривая а. п. с *i*-глаголов (с рецессивным суффиксом) характеризовалась чередованием: а) форм-энклиноменов, в которых «тема» *-i* имела балто-славянский рецессивный акут; б) окситонированных форм с рефлексом «нового акута»; в) форм с доминантным («старым») акутом на *-i*-, возникшим в основном вследствие действия закона Хирта (см. табл. 3)²⁹.

Стандартная реконструкция парадигмы соответствующих глаголов а. п. *b*₂ включает в себя: а) формы с «новым акутом» на циркумфлексированном суффиксе *-i*; б) формы со «старым акутом» на суффиксе *-i*-. Однако архаическая ст.-болгарская система, имея баритонезу на корне, регулярно соответствующую формам с «новоакутированным» ударением на «теме» в стандартной реконструкции, показывает не объясняемое этой реконструкцией разделение форм с акутированным суффиксом:

²⁹ О балто-славянском рецессивном и доминантном акуте см. Николаев 1989, с. 96–97. Отношение это аналогично чередованию интонаций в корневых глаголах типа **dāl̃* (f. *dalā) ~ inf. *dāti, см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 58–84].

Позиции действия закона Хирта — Иллич-Свитыча (иными словами, метатонии *рецессивный акут* > *доминантный акут*) находятся в дополнительном распределении с позициями метатонии *акут* > *циркумфлекс* (см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 85–108]). По всей видимости, метатония «по Хирту» происходила: а) перед формантами, ставшими односложными в результате стяжения гласных; б) в 1-х слогах трехсложных основ, если конечный слог доминантен (отсюда возникают чередования типа *bērmeq ~ *bērmene, ср. *iēlesè).

одни из них «регулярно» окситонированы (т. е. имеют ударение на *-i-*, напр., инфинитив), другие же — «нерегулярно» баритонированы (*l*-причастия, формы аориста и т. д.):

Таблица 3

	Акцентная кривая <i>i</i> -глаголов а. п. <i>b</i> в архаичных староболг. системах		Западносла- вянская «кривая» количеств. <i>l</i> -глаголов а. п. <i>b</i>	Праславян- ская рекон- струкция акц. кривой <i>l</i> -глаголов а. п. <i>c</i>	
	краткосл.	долгосл.			
inf.		твѡрѣти	сѣдѣти	<i>sǫditi</i>	* <i>saditi</i>
sup.		твѡритѣ	сѣдѣтѣ	<i>sǫdīt (?)</i>	* <i>sādīt</i>
praes. sg.	2	твѡриши	сѣдиши	<i>sǫdīš</i>	* <i>sadišī</i>
	3	твѡритѣ	сѣдѣтѣ	<i>sǫdī</i>	* <i>sadīt</i>
pl.	1	твѡримъ	сѣдимъ	<i>sǫdīme</i>	* <i>sadīm</i>
	2	твѡрите	сѣдѣте	<i>sǫdīte</i>	* <i>sadīte</i>
	3	твѡратѣ	сѣдатѣ	<i>sǫdē</i>	* <i>sadēt</i>
imper. sg.	2	твѡри	сѣди	<i>sǫdī</i>	* <i>sadī</i>
	pl. 2	твѡрите	сѣдѣте	<i>sǫdīte</i>	* <i>sadīte</i>
ptc. praes. act. masc.					
sg. nom.		[твѡрѣ]	[сѣдѣ]	<i>sǫdē (?)</i>	* <i>sadē</i>
	acc.	твѡрѣць	сѣдѣць	<i>sǫdēč</i>	* <i>sādētj</i>
pl. nom.		твѡрѣще	сѣдѣще	<i>sǫdēce</i>	* <i>sadētjē</i>
aor. sg.	1	твѡрихъ	сѣдихъ		* <i>sadīx</i>
	2-3	твѡри	сѣди		* <i>sādī</i>
pl.	1	твѡрихомъ	сѣдихомъ		* <i>sadīxòm</i>
	2	[твѡристе]	[сѣдѣсте]		* <i>sadīste</i>
	3	твѡриша	сѣдиша		* <i>sadīšē</i>
<i>l</i> -ptc. sg.	m	твѡрилъ	сѣдилъ	<i>sǫdil</i>	* <i>sādil</i>
	f	твѡрила	сѣдила	<i>sǫdilā</i>	* <i>sadilā</i>
	n	твѡрило	сѣдило	<i>sǫdilo</i>	* <i>sādilo</i>
	pl. m	твѡрили	сѣдили	<i>sǫdili</i>	* <i>sādili</i>
pl. f		твѡрили	сѣдили	<i>sǫdily</i>	* <i>sādily</i>
	n	твѡрила	сѣдила	<i>sǫdilā</i>	* <i>sadilā</i>

Комментарии к таблице

1. В квадратные скобки заключены формы, акцентовка которых, видимо, является вторичной, возникшей по аналогии с другими формами парадигмы.

2. Супин слабо засвидетельствован в ст.-болгарских текстах. О противопоставлении ударения супина *i*-глаголов а. п. *b* инфинитивному, видимо, свидетельствует баритонированная форма поглѣтитѣ в НБКМ № 93, л. 39 б (инфинитивы *i*-глаголов а. п. *b* в этой рукописи имеют насуффиксальное ударение).

3. В а. п. *c* формант *-i-* в инфинитиве доминантен, но тот же формант в супине или *l*-причастии рецессивен. Проблематичен характер этого форманта в аористе. В нашей реконструкции принято, что в формах 2–3 sg. *-i-* рецессивно, а во всех остальных формах доминантно. Это соответствует характеру акц. кривой в штокавском, где, однако, эта акц. кривая принадлежит глаголам как праслав. а. п. *c*, так и а. п. *b*, которые совпали в едином классе. Показания центр.-болгарских текстов, напротив, указывают на сплошную рецессивность форм аориста *i*-глаголов а. п. *b*.

Это противоречие может быть разрешено допущением чередующегося характера данного *-i-* в ортотонических формах аориста, что, видимо, поддерживается реликтами чередования в так наз. «имперфекте в форме аориста» от глагола *быти*: вѣхѣмъ Ев.-апр. 7364, л. 216б и (с двумя знаками ударения) ѿ вѣхѣмъ НБКМ № 93, л. 95б при последовательно накоренном ударении во всех остальных ортотонических формах этой категории (формы 2–3 sg., как и у обычного аориста от данного глагола, — энклиномены, ср. нѣ вѣ Ев.-апр. 7364, л. 2а, нѣ вѣ НБКМ № 889, л. 33а). Подобная же акцентовка спорадически отмечается в форме 1 pl. аог. и у глаголов на *-i-*: насладихѣмъ сѣ Служ. Евф. 70а. К такому решению, по-видимому, подталкивает и акцентовка «Книг Царств», где, при строго накоренном ударении в *l*-причастии *i*-глаголов а. п. *b*, в формах инфинитива, 1 sg. и 3 pl. аориста наблюдаются варианты с ударением на «теме» *-i-*.

Объяснить архаическую ст.-болгарскую акц. кривую, исходя из зап.-славянского чередования количеств, т. е. как вторичную по отношению к последнему, очевидно, невозможно, так как староболгарская акцентная кривая присуща не только долготным, но и краткостным *i*-глаголам а. п. *b*.

Наиболее естественным было бы объяснить зап.-славянское чередование количеств, приняв, что оно возникло, когда зап.-славянские языки имели в данных формах акцентовку, тождественную архаической ст.-болгарской. В этом случае сокращение долгот в инфинитиве, повелительном наклонении, 1 sg. praes. и пом. sg. ptc. praes. act. м./п. объяснялось бы положением долготного слога перед ударным акутированным слогом, а сохранение долгот в остальных словоформах — тем, что ударение находилось на них и имело вид «нового акута».

Однако это решение не предполагает констатации исторической «зап.-славянско-болгарской» общности. Дело в том, что как и сокращение долгот перед внутренним ударным акутированным слогом, так и противоречащее этой закономерности сохранение долготы в формах *l*-причастия и аориста долгосложных *i*-глаголов а. п. *b* характерны фактически для всей территории южнославянской языковой области, на которой сохранились количественные противопоставления и соответствующие позиции.

Правда, во всех известных южнославянских системах такого рода долготы проведена по всей парадигме долгосложных *i*-глаголов а. п. *b*, но процесс устранения сокращенных рефлексов в парадигме этих глаголов характерен и для зап.-славянской области (так в современных чешском, словацком и польском). Принятие предложенного решения должно означать, что в таких формах, как ст.-хорв. (Крижанич) стѣпна (= стѣпна), стѣпна, сѣдн (= сѣдн), потрѣбн, слѣжила, славон. *povrātīl*, *rozavlācīl*, *svr̄šīl* и т. п., сохранение долготы обязано ее первичной ударности, и эта система акцентных кривых, таким образом, максимально близка архаической ст.-болгарской.

А это означает, что акц. система *i*-глаголов а. п. *b*₂ архаического ст.-болгарского типа не является результатом ретракции ударения с «темы» *-i-*, а непосредственно отражает состояние, предшествующее принятому в нашей реконструкции в качестве (поздне)праславянского. Для данных систем мы должны предполагать дрейф раннепраславянского ударения с корневого слога на внутренний доминантный акут³⁰ и от-

³⁰ Дрейфа ударения не происходит лишь со слогов с доминантным акутом, напр., в а. п. *a* *slāvnti*, *silami* и т. д.).

существование такого дрейфа как на рецессивный акут, так и на долготные слоги, имевшие циркумфлексивную интонацию (т.е. в формах презенса).

По-видимому, правосторонний дрейф ударения осуществлялся в праславянском только с начальных слогов, тогда как дрейф ударения с внутренних слогов, скорее всего, отсутствовал, на что указывают факты болгарской «полуотметности» типа ново-болг. аор. *писá* - *написá*, ранне-ново-болг. (в Дамаскинах) инф. *писáти* - *написáти* (т.е. *pisá < *pīsā - *napīsa, *pisáti < *pīsāti - *napīsati*). Таким же образом объясняются праславянское ударение таких приставочных форм, как *zaslūga при бесприставочном *slugá, чередования типа русск. *куда* - *откуда* и т.д. В дальнейшем в большинстве славянских диалектов действовала тенденция к устранению подобных чередований, а если они и сохранялись, то лишь в отдельных морфо(но)логических категориях.

На большей части славянского ареала (видимо, за исключением крайнего юга, см. [АССЯ: 12]) правосторонний дрейф ударения происходил с анлаутных слогов (за исключением слогов с доминантным акутом) на первоначально только средние краткие гласные, благодаря чему возникла «полуотметность» в презентных формах глаголов а. п. *b*₂ (типа карпатоукр. *nesé* - *prnése*, сербохорв. диал. *něse* - *dōnese*). На эту систему чередований в дальнейшем «накладывались» новые системы акцентного дрейфа (см. подробно [АССЯ: 31-53]).

Можно было бы думать, что последним добавлением литовский закон де Соссюра отличался от славянского³¹, если бы не определенные следы его действия при конечных акцентированных слогах и в славянских языках, обнаруживаемые, в основном, в материале акцентуированных славянских памятников. Речь идет о так называемых «новых оротонах» (см. [АССЯ: 28-29], где не дается их исторической интерпретации). «Новые оротоны» обнаруживаются в некоторых системах в

³¹ О новых данных, требующих восстановления закона де Соссюра для праславянского, и о позициях его действия в праславянском см. [Дыбо 1996], ср. [АССЯ: 7-18]; более подробно проблема закона де Соссюра обсуждается в статье [Дыбо 1998].

двусложных формах имен а. п. с с окончаниями, имеющими интонацию «рецессивного акута». Эти формы остаются энклиноменами в сочетании с проклитиками, а в абсолютном употреблении имеют конечное ударение:

1. Асс. pl. *l'ûdî в центр.-болг. Сборнике XV в., видимо, принадлежащем руке Константина Костенечского (Сб. 151): оротоны без проклитик: лѡдѣ 226, 23а bis, 236, 25а, 296, 32а, 336, 356, 36а, 49а, 696, 82а, 836 bis, 846, 926, 93а, 936, 946, 956, 122а, 135а bis, 1656, 201а bis, 229 bis, 2736 bis, лѡдѣ 26а, 82а, 146а; энклиномены с проклитиками: на лѡдѣ 236, на люди 44а, за лѡдѣ 71а, 278а, въ лѡдѣ 1146, ѣ лѡдѣ 106, 466, 75а, 1266, ѣ лѡдѣ 466, ѣ лѡдѣ 466; оротоны с проклитиками (видимо, по аналогии с формами без проклитик): на лѡдѣ 85а, ѣ лѡдѣ 71а, ѣ лѡдѣ 125а, 1996, а также с двумя удар.: въ лѡдѣ 1056.

2. Лос. sg. fem. *zěml'î в зап.-болг. рукописях НБКМ № 38 и Рильск. 1/26 (1-й почерк): энклиномены в сочетании с проклитиками: на зємлѣ 26b, 39b, 50а bis, 55а bis, 69а, 71а, 102b, 103b, 112b, 116b, 120а, 216b, 299b, 300а, Р. 1а, Р. 3а, Р. 3б, Р. 12а, Р. 14а, Р. 15а, Р. 15b, Р. 27а, Р. 199b, Р. 200а, Р. 202а, Р. 205b, Р. 210а, Р. 210b, Р. 220b bis, на зємлѣ 31b, 121b, 228а, 269b, Р. 67а, Р. 67а, на зє|млѣ 40b, 98а, на зємлѣ| 180а, въ зємлѣ 77а, ѣ на зємлѣ 19b, 90b, 159а, 193b, ѣ на зємлѣ 228а, но оротоны без проклитик: въ ... зє|млѣ 145а, на ... зємлѣ 180b, Р. 63а, по ... зємлѣ 28b bis, 87b, 237а, 166b, Р. 14а, Р. 214b. Есть 2 исключения: на зємлѣ| 48b, въ зє|млѣ 104b.

3. Видимо, «новым оротоном» является ст.-тырн. асс. du. ѡжкà E129а при въ ѡжкà ibid., см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 176].

«Новые оротоны», кроме болг. диалектов, известны из сербохорватского (схрв. *врѣме* - *на врѣме*) и восточнославянских языков — в частности, из систем «восточно(велико)русской группы». Видимо, именно так должно интерпретироваться соотношение энклиномических и конечноударных форм асс. pl. и-основ а. п. с *synъ в ст.-русск. памятнике Новг.³²: сынѣ 64а, 127а, 186а, 246а, 269а, сынѣ 69а, 160а, 175b, сынѣ 10а, 39b, 40а,

³² Ст.-русская рукопись «Псалтырь лицевая» / ГИМ, Увар. 592. Расписал А. А. Зализняк.

сны 145b, 218b, но с проклитиками: *ná sny* 99b, 198a, *ná syny* 41a, 146b³³.

«Новые оротоны» могут рассматриваться как остаток системы, вызванной к жизни действием закона де Соссюра, которая была затем перекрыта процессом унификации форм-энклиноменов. В литовском процесс пошел в противоположном направлении: сохранение «новых оротонов» и ликвидация системы переносов ударения на проклитики в системе имени. Такая трактовка восстанавливает для балто-славянского закон де Соссюра, правда, лишь в следующем виде: *ударение с краткостного или циркумфлектированного слога переносилось на непосредственно следующий акутированный слог, если оба слога имели одинаковую акцентуационную валентность.*

Наличие акцентной кривой а. п. *b* ном. sg. *ženā - pl. dat. **žēnātm̃*, ip. *žēnātmī, loc. **žēnāx̃*, с известной степенью надежности реконструируемой как на рукописном южнославянском, так и на современном зап.-славянском материале, также поддерживает эту формулировку. По-видимому, чешские и словацкие формы восходят к следующей промежуточной системе чередования долгот и ударений (акут в dat. и loc. pl. в а. п. с возник по «закону Хирта», см. выше):

Таблица 4

	а. п. с	а. п. b	а. п. a
Sg. nom.	<i>nogā</i>	<i>ženā</i>	<i>bābā</i>
Pl. dat.	<i>nogātm̃</i>	<i>žēnātm̃</i>	<i>bābātm̃</i>
instr.	<i>nogātmī</i>	<i>žēnātmī</i>	<i>bābātmī</i>
loc.	<i>nogāx̃</i>	<i>žēnāx̃</i>	<i>bābāx̃</i>
Du. dat.-			
instr.	<i>nogātmǎ</i>	<i>žēnātmǎ</i>	<i>bābātmǎ</i>
	и <i>nogātmǎ</i>	и <i>žēnātmǎ</i>	и <i>bābātmǎ</i>

³³ Такое же поведение gen. sg. некоторых о- и и-основ а. п. *d* в Новг., по-видимому, следует связывать с процессом перевода имен этой а. п. в а. п. с — см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 132] и [АССЯ 30-31].

В дальнейшем произошло обобщение старой «кривой количеств» флексии а. п. *a* и *b* в большинстве словацких и чешских диалектов, но в некоторых чешских говорах в морфологически преобразованном виде различие между кривыми а. п. *a/b* и *c* сохранилось.

1. Системы с обобщением кривой а. п. *b* и *a*

Словацк.: оравск. *žena, duša - ženám, dušám; ženách, dušách - ženami, dušami* [Habovštiak 1965: 219].

С сокращением конечной долготы в instr. pl.: словацк. литер. *žena, duša - ženám, dušiam; ženách, dušiach - ženami, dušami*; чешск. литер. *žena, duše - ženám, duším; ženách, dušich - ženami, dušemi*.

С обобщением долготы на *-a-*: словацк. комарн., веспремск. ном. sg. *žena, duša - pl. dat. ženám, dušám, loc. ženách, dušách, instr. ženami, dušami* [Štolc 1949: 110]; кепер. *žena, duša - ženám, dušám; ženách, dušách; ženáma, dušáma* [Štolc 1949: 253]; пивн. *žena, duša - ženám, dušám; ženách, dušách; ženami, dušami* [Dudok 1972: 87].

2. Системы с рефлексамии различий кривых а. п. *a/b* и *c*

В среднечешском кудовском говоре старая «кривая количеств» флексии неподвижных а. п. (*a* и *b*) обобщена для твердых основ, а старая «кривая количеств» подвижной а. п. (*c*) — для мягких основ: *kráva - kravám, kravama, kravách* и, с другой стороны, *duše - duším, dušeta, dušich* [Siatkowski 1962, I: 21] (конечные долготы сократились во всех чешских говорах).

Таким образом, остается неясным, переносилось ли в праславянском ударение с доминантного циркумфлектированного или краткостного слога на рецессивный конечный акут, эти позиции во всех изученных славянских системах перекрыты более поздним сдвигом ударения на конечный слог в а. п. *b*. Однако уже на данном этапе изучения славянский и литовский законы оказываются столь близки, что можно ставить вопрос о восстановлении закона де Соссюра (и его фортуноватовского славянского варианта) для балто-славянского периода.

Новое изучение материалов Н. Даукши позволило ввести уточнение в реконструкцию выбора акцентных типов производных с рецессивным акутированным суффиксом *-ing-* (см. [Дыбо 1980]). Материалы Н. Даукши позволяют утверждать, что в именах с этим суффиксом, образованных от имен 2-й а. п., передвижка акцента на этот суффикс не происходила, тогда как в именах с этим суффиксом, образованных от имен 4-й а. п., передвижка акцента на суффикс в формах с исконно начальным ударением произошла³⁴.

1. Производные от односложных основ (2-я а. п.) и многосложных основ с ударением на последнем слове основы

1. *lōbingas*, f. -a (1) / *lobingas*, f. -à (3) 'очень богатый': *tōbinga* nom. sg. f. DP 625₁₅; отмечен также вариант 3-й а. п. (?): *tōbingą* acc. sg. m. DP 190₂₁, *tōbigų* instr. sg. m. DP 291₂₈³⁵ - *lōbis* (2) 'богатство, сокровище';

2. *valsingas*, f. -a (1) / *vaisingas*, f. -à (3) 'плодоносный, плодovitый; продуктивный': о существовании варианта 1-й а. п., по-видимому, говорит акцентовка производного: *wái|in|gumas* nom. sg. PD 624₁₀₋₁₁, *wái|ingumas* nom. sg. PD 627₁₈; 3-я а. п.: *ne wai|ingá* nom. sg. f. 599₄₉ (так по [Skardžius 1935] и по тексту, у Кудзиновского [Kudz.] эта форма пропущена) - *valsius* (2) 'плод; результат';

3. *gālingas*, f. -a (1) / *galingas*, f. -à (3) 'могущественный, могучий; мощный': вариант 1-й а. п.: *gālīgūsiųs* acc. pl. m. чл. ф. DP 475₂₈; *gālīgėsnis* DP 267₄₉; 3-я а. п.: *galingós* gen. sg. f. DP 582₁₉, *galingu* instr. sg. m. DP 333₆, *galigūių* gen. pl. m. чл. ф. DP 57₇, *galigais* instr. pl. m. DP 202₅ (колебание между 3-й и 1-й а. п. с насуффиксальным акутовым ударением) - *galia* (2) 'сила, мощь';

³⁴ Приводится лишь материал по производным от имен 2. а. п. и 4. а. п. с односложной основой, полный материал см. в [Дыбо 1998].

³⁵ Так, по Скарджюсу, если второй знак ударения ошибочный, а это вытекает из акутовости суффикса, следует принять 3-ю, а не 1-ю а. п. из-за показаний других аналогичных основ.

4. *godingas*, f. -à (3) 'алчный, жадный': *godīgiéii* ном. pl. m. чл. ф. DP 165₃₁ - *gōdas*, pl. -ai (2/4) 'жадность; жадный человек';

5. *čiūdingas* (1) 'чудесный': *czyūdingą* acc. sg. f. DP 599₄₄ - *čiūdas* (2) 'чудо';

6. *stebūklingas*, f. -a (1) 'чудесный, чудотворный': *stebūklīgas* ном. sg. m. DP 46₃₇, 396₃₉, *stebūklīngas* ном. sg. m. DP 424₁₅, 617₃₈, *stebūklīngos* gen. sg. f. DP 144₂₄, *stebūklīgą* acc. sg. m. DP 59₄₀, *stebūklīngu* instr. sg. m. DP 39₅₂, *stebūklīgu* instr. sg. m. DP 101₉, *stebūklīngos* ном. pl. f. DP 7₂₀, *stebūklīgų* gen. pl. m. DP 125₈, *stebūklīngus* acc. pl. m. DP 200₂₅, *stebūklīnga* ном. sg. n. DP 34₅₀ (ср. также наречия: *stebūklīngai* DP 12₁₀, 27₃₉, DK 60₈, *stebūklīgai* DP 84₁₄) - *stebūklas* (2) 'чудо'.

Характерной особенностью этой группы является наличие двух акцентных типов: 3-я а. п. с ударением, перетянутым с начального слога на акутированный суффикс, в одних формах и с конечным ударением в других (этот тип, по-видимому, объясняется влиянием большинства образований с этим суффиксом от циркумфлектированных основ 4-й а. п.) и 1-я а. п. с краткостным и циркумфлектированным ударением на корне, не оттянутым на акутированный слог суффикса. Наличие этого типа не может быть объяснено какими-то вторичными причинами и является дополнительным аргументом в пользу той поправки к закону де Соссюра, которую мы предложили выше.

II. Производные от циркумфлектированных и краткостных основ подвижной (4-й) акцентной парадигмы. Односложные основы

1. *žalingas*, f. -à (3 / ?1) 'вредный, вредоносный': *žalīngų* gen. pl. m. DK 45₂₄ (ср. также: *žalīngēuses* superl. ном. sg. m. DP 518₃₂, *žalīgēsniō* compar. gen. sg. m. DP 104₁₆) - *žalà*, gen. sg. -ōs (4) 'вред, ущерб';

2. *uolingas*, f. -a (1?, или 3) 'скалистый, утёсистый': *ūlīnga* ном. sg. f. DP 100₃, *ūlīnų* instr. sg. m. (по Скарджюсу, gen. pl.) DP 468₇, *ū[l]īnų* instr. sg. m. DP 468₈ - *uolà*, gen. sg. -ōs (4) 'скала, утёс'.

Восстановление в этой группе основ 3-й а. п. с ударением на суффиксе *-ing-* в одних формах и на окончании в других поддерживается указанным уже де Соссюром типом *septyni - septynius*; в славянском аналогичном подтверждении переноса ударения с начального рецессивного краткостного слога на внутренний рецессивный акут служит, по-видимому, подобное акцентное чередование: *четыре ~ четырьмя, четырёх*.

В целом зафиксированное у Н. Даукши распределение акцентных типов производных с этим суффиксом может быть интерпретировано как результат аналогических выравниваний в системе выбора, отличающейся от первоначальной деформациями акцентных кривых по закону де Соссюра:

Таблица 5

А. п. производящих			Неподвижная		Подвижная	
			Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
До закона де Соссюра	одно- сложные	m	<i>kŭnĭngas</i>	<i>gàlĭngas</i>	<i>nàudĭngas</i>	<i>zàlĭngas</i>
		f	<i>kŭnĭngâ</i>	<i>gàlĭngâ</i>	<i>nâudĭngâ</i>	<i>zâlĭngâ</i>
	дву- сложные	m	—	<i>àkmenĭngas</i>	—	<i>ĭšmintĭngas</i>
		f	—	<i>àkmenĭngâ</i>	—	<i>ĭšmintĭngâ</i>
После закона де Соссюра	одно- сложные	m	<i>kŭnĭngas</i>	<i>gàlĭngas</i>	<i>nàudĭngas</i>	<i>zàlĭngas</i>
		f	<i>kŭnĭngâ</i>	<i>gàlĭngâ</i>	<i>nâudĭngâ</i>	<i>zâlĭngâ</i>
	дву- сложные	m	—	<i>àkmenĭngas</i>	—	<i>ĭšmintĭngas</i>
		f	—	<i>àkmenĭngâ</i>	—	<i>ĭšmintĭngâ</i>

Дальнейший процесс выравнивания с генерализацией типа *žalingas*, *žalingà* (у южных аукштайтов) и с дальнейшей заменой этого редкого акцентного типа типом с постоянным насуффиксальным ударением (у жемайтов, северных аукштайтов и в литературной норме) и с почти полным устранением типов с ударением на корне создал современный категориальный акцент в этом словообразовательном типе³⁶.

Сокращения

Амбросиани 1996 — П. Амбросиани. К вопросу о полабских отражениях праславянских просодических отношений // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.

АССЯ — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Вып. 1. М., 1993.

Булатова, Дыбо, Николаев 1988 — Р. В. Булатова, В. А. Дыбо, С. Л. Николаев. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.). Доклады советской делегации. М., 1988.

Гирденис, Качюшкене 1987 — А. Гирденис, Г. Качюшкене. Вторичные типы слоговых интонаций в литовских диалектах // Proceedings XIth ICPhS. The Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. V. 5. Tallinn, 1987.

³⁶ В качестве примера современной диалектной системы выбора акцентных типов этих прилагательных, близкой к системе, зафиксированной у Н. Даукиши, и являющейся результатом дальнейшего развития процессов, отмечаемых в последней, можно указать систему говора Тверечюс [Otrębski 1934: 167–168]: I. От имен акутированной неподвижной (1) а. п.: *pieniŕga* f. 'молочная': *pienas* (1) 'молоко'. II. От имен циркумфлектированной неподвижной (2) а. п.: 1. *persiŕa* f. 'супоросая': *pařsas* (2); 2. *t'el'ingas*, f. -à 'стельная': *t'ēal'ū* (gen. pl.; 2); 3. *nesveikacingas* 'нездоровый': *sveikatà* (2) 'здоровье'. III. От имен акутированной подвижной (3) а. п.: а) односложные основы — *geringas*, f. -à 'сукотная, суягная': *ėras* (3) 'ягненок'; б) двусложные основы — *kàsuliŕgas* 'кашляющий, страдающий кашлем': *kosulỹs*, acc. sg. *kòsul-* (3) 'кашель'. IV. От имен циркумфлектированной подвижной а. п.: а) односложные основы (а. п. 4) — *pakeliŕgas* 'дорожный, путевой; путник': *kėlias* (4) 'дорога, путь'; б) двусложные основы (а. п. 3) *piŕinigas* 'имеющий много денег, богат': *piŕnigas* (3) 'монета, деньга', pl. 'деньги'.

- Дыбо 1980 — В.А.Дыбо. К вопросу о системе порождения акцентных типов прогизводных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования. М., 1980.
- Дыбо 1981 — В.А.Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм. М., 1981.
- Дыбо 1994 — В.А.Дыбо. Морфонологический анализ, внешнее сравнение и споставление в лингвистической реконструкции // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994.
- Дыбо 1995 — В.А.Дыбо. Акцентуационные процессы в языках группы теда-канури и проблема происхождения парадигматических акцентных систем // Московский лингвистический журнал, т. I. М., 1995.
- Дыбо 1996 — В.А.Дыбо. Новые данные по диалектологии среднеболгарских акцентных систем // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Дыбо 1987 — В.А.Дыбо. Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? Ч. I // Африканское историческое языковедение. Проблемы реконструкции. М., 1987.
- Дыбо 1997 — В.А.Дыбо. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Studia linguarum. De omnibus linguae rebus scibilibus et quibusdam aliis.* М., 1997.
- Дыбо 1998 — В.А.Дыбо. Из балто-славянской акцентологии. Проблема закона Фортунатова и поправка к закону Ф. де Соссюра // Балто-славянские исследования. 1997 (в печати).
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — В.А.Дыбо, Г.И.Замятина, С.Л.Николаев. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1993 — В.А.Дыбо, Г.И.Замятина, С.Л.Николаев. Праславянская акцентология и лингвогеография // Славянское языковедение. XI Международный съезд славистов (Братислава, сентябрь 1993 г.). Доклады российской делегации. М., 1993.
- Ев.-апр. 73364 — ст.-сербская рукопись нач. XV в. «Евангелие-апракос» / ГБЛ, ф. 178, № 7364. Расписал В. А. Дыбо
- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
- Качюшкене 1984 — Г. Й. Качюшкене. Фонологическая система северопаневежского диалекта литовского языка (просодия и вокализм). Кандидатская диссертация. Вильнюс, 1984.

- Книги Царств — ст.-сербская рукопись XV в. (1418 г.) «Книги Царств» / Одесская гос. народная б-ка. Расписал по фотокопии С. Л. Николаев.
- НБКМ № 93 — ст.-болгарская рукопись XIV в. «Апостол» / НБКМ, София, № 93 (по Цоневу). Расписал С. Л. Николаев.
- НБКМ № 889 — старосербск. рукопись нач. XV в. «Апостол и въскресни евангелия» / НБКМ, София, № 889 (по Цоневу). Расписал В. А. Дыбо.
- Николаев 1986 — С. Л. Николаев. К исторической морфонологии древнегреческого глагола. Ч. II // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986.
- Николаев 1988 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
- Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.
- Николаев 1989а — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.
- Николаев 1991 — С. Л. Николаев. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. М., 1991, № 4.
- Николаев 1991а — С. Л. Николаев. Новые данные о краткостной оттяжке в галицком диалекте // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию В. А. Дыбо. М., 1991.
- Николаев 1994 — С. Л. Николаев. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. М., 1994, № 3.
- Николаев 1995 — С. Л. Николаев. Новые данные о восточнославянском вокализме и просодии // Russian Linguistics, vol. 19, № 3, November 1995, p. 349–370.
- Николаев 1996 — С. Л. Николаев. Histoire d'O // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Николаев 1996а — С. Л. Николаев. Рефлексы праславянских интонаций в восточнополесских говорах // Полісся: мова, культура, історія. Київ, 1996.
- Николаев 1997 — С. Л. Николаев. Новые данные о фонетике русских говоров. 1. Рефлексы *и и *о // Русские диалекты. История и современность. М., 1997.
- Николаев, Старостин 1982 — С. Л. Николаев, С. А. Старостин. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.

- Новг. — ст.-русская рукопись «Псалтырь лицевая» // ГИМ, Увар. 592. Расписал А. А. Зализняк.
- Р. = Рильск. 1/26.
- Рильск. 1/26 — ср.-болг. рукопись XV в. «Сборник слов и житий» // Б-ка Рильского монастыря № 1/26. Расписал по фотокопии С. Л. Николаев.
- Сб. 151 — ср.-болг. рукопись XV в., возможно, написанная Константином Костенечским // Б-ка Зографского монастыря, № 151 (по Ильинскому). Расписал по фотокопии С. Л. Николаев.
- Седов 1982 — В. В. Седов. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Служ. Евф. — ст.-болгарская рукопись XIV в. «Служебник» / Б-ка Афонского Зографского монастыря, № 1. Цит. по изд.: П. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии. СПб., 1890, т. I, вып. II.
- Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
- DK — *Katechismas*. Vilnius, 1595 (перевод Н. Даукши, примеры приводятся по [Skardžius 1935]).
- DP — *Daukšos Postilė. Fotografsuotinis leidimas*. Kaunas, 1926. Материал приводится с указанием страницы строки.
- Dudok 1972 — D. Dudok. *Nárečie Pivnice v Báčke*. Bratislava, 1972.
- Habovštiak 1965 — A. Habovštiak. *Oravské nárečia*. Bratislava, 1965.
- Нокк — W. Hock. Рецензия на: W. Lehfeldt. *Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie*. München, 1993 // см. *Zeitschrift für slavische Philologie*, Bd. LIV, H. 1, S. 173.
- Kudz. — Cz. Kudzinowski. *Indeks-słownik do «Daukšos Postilė»*, t. I–II. Poznań, 1977.
- Lorentz Gr. Pom. — F. Lorentz. *Gramatyka pomorska*, t. I–III. 1958–1962.
- Otrębski 1934 — T. Otrębski. *Wschodniolitewskie narzecze Twereckie*. Cz. I. *Gramatyka*. Kraków, 1934.
- Siatkowski 1962 — J. Siatkowski. *Dialekt czeski okolic Kudowy*, cz. I–II. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.
- Skardžius 1935 — P. Skardžius. *Daukšos akcentologija*. Kaunas, 1935.
- SkžD — P. Skardžius. *Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius, 1943.
- Štolc 1949 — J. Štolc. *Nárečie troch slovenských ostrovov v Mad'arsku*. Bratislava, 1949.
- TLD — R. Olesch. *Thesaurus linguae dravaenopolabicae*. Köln; Wien, 1983–1987, Bd. I–IV.

А. Ф. Журавлев

К реконструкции
древнеславянского мировидения
(о категориях «доли» и «меры»
в их языковом и культурном выражении)

1. Предлагаемые соображения обращены к теме, которую, несомненно, можно отнести к самым популярным в исследованиях, касающихся реконструкции древнего славянского миропонимания с опорой на поздние языковые, фольклорные и этнографические факты. Славянский концепт доли (праслав. **dol'a*; слово известно лишь восточнославянским и части западнославянских языков), судьбы (*sqdъba), рока (*rokъ) находится в фокусе внимания мифологов, фольклористов, языковедов, культурологов, начиная — применительно к русской науке — с широко известных работ А. Н. Афанасьева и А. А. Потебни и кончая новейшими публикациями Проблемной группы «Логический анализ языка»¹. Исключительное внимание, уделяемое исследователями славянской культуры этой проблеме, находит свое объяснение в исключительной же ее значимости для воссоздания славянской архаичной картины мироздания, для реконструкции стихийной метафизики древних славян. Впрочем, говорить в подобных случаях нужно,

---

¹ См.: Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

конечно же, не только о славянах, поскольку, по характеристике Н. Д. Арутюновой, концепт судьбы составляет ядро любого национального и индивидуального сознания².

Несмотря на пристальный интерес к этой теме, некоторые важные ее аспекты остаются описанными и исследованными не исчерпывающим образом, так же как некоторые культурные и языковые факты, существенные для полноты представления данной проблемы, остаются за пределами ее рассмотрения, хотя в рамках иных проблем или сами по себе эти факты, разумеется, могли уже быть и в большинстве своем были предметом если не углубленного анализа, то по крайней мере определенного исследовательского внимания. В предлагаемом докладе мы попытаемся несколько расширить круг лингвистического и этнографического материала, привлекаемого к обрисовке затронутой темы, и подчеркнуть те ее аспекты, которые до сих пор звучали, на наш взгляд, недостаточно отчетливо.

2. С представлением о доле теснейшим образом связано понятие меры, отмеренности, наделенности тем или иным свойством в необходимом объеме.

Чаще всего это понятие анализируется в связи со славянским концептом века (праслав. **věkъ*). Век в славянской картине мира предстает как отмеренный Богом каждому срок его жизни, в протяжении которой должны быть реализованы все его потенции. В современном русском языке семантический момент отмеренности, темпоральной предельности ощутим у слова *век*, берущегося в наиболее употребительном сейчас (но позднем!) значении 'срок в сто лет; календарный период, ограниченный ста годами', однако производное прилагательное *вечный* характеризуется в этом отношении прямо противоположной семантикой: 'не имеющий темпорального предела, разворачивающийся во времени до бесконечности'. Возникновение семантического момента 'беспредельности' вполне очевидно, если принять в расчет, что изначально слово *век* применимо именно к ограниченной во времени жизни

---

² Н. Д. Арутюнова. От редактора // Понятие судьбы..., с. 3.

индивидуума; по объяснению Е. Гавловой, 'навек', т.е. «в течение моей жизни» — это для меня 'навсегда, вечно'»³.

Нагляднейшим образом семантика предела, срока, меры у слова *věkъ проявляется в других производных от него прилагательных — с привативным префиксом *без-*: рус. диал. *безвѣкий* 'вечный, бесконечный во времени', укр. *бѣзвѣк*, *бѣзвѣчний* 'вековечный, бесконечный'⁴. Ее прозрачно сохраняет и включающая в свой состав слово *век* обширная русская фразеология: *свой век, на мой (твой) век (хватит)*, *вовек не видать, дѣвеку далеко — заживет, век недолог, до скончания века, изжить век, избыть свой век* (ср. *вековать* 'изживать свой век': *вековать девкой, отвековать* и под.), *Господь веку не дал* и мн. др.; паремиология: *Два века не жить, Прежде веку не помрешь, На час ума не хватит, а навек дураком прослывешь*⁵, вплоть до знаменитого пушкинского *Я знаю: век уж мой и з мерен...*

В связи с затронутыми привативными производными от *věkъ (которое, имея соответствиями литов. *viėkas* 'сила; жизнь', др.-исл. *veig* 'сила', восходит к индоевроп. **ueik-/uoik-* 'быть сильным') уже неоднократно обращал на себя внимание словообразовательный параллелизм между привативными же прилагательными *у-вечный* и *у-богий*. Эти два слова в сущности синонимичны, и то и другое означают 'лишенный потенции, обделенный силой, не наделенный (своей) долей'; в первом случае это понятие конкретизировалось как обозначение отклонения от биологической, корпоральной нормы ('калека'), во втором — в сфере скорее имущественной ('бедный'⁶) и, позже,

³ Е. Гавлова. Славянские термины 'возраст' и 'век' на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // *Этимология*. 1967. М., 1969, с. 38.

⁴ См.: А. Ф. Журавлев. К уточнению представлений о славянских изоглоссах. Дополнения к лексическим материалам «Этимологического словаря славянских языков». Ч. I. М., 1990, с. 20–21.

⁵ Даль², т. I, с. 330.

⁶ Ср.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974, с. 132, где указывается на существование хетт. *Ašičantaš*, имя мифологического героя со значением 'бедный', определяемым аналогичной внутренней формой, — буквально 'не наделенный божественной долей'.

дианоэтической ('лишенный рассудочной потенции'). Сюда же следует отнести и слово *урод*, понимаемое как 'обделенный родовым благом (в частности, физической красотой)'.⁷

Значение тавтолексемных сочетаний корневой морфемы **bog-* с негативирующим **ne-* (рус. диал. *не-бога*, укр. *не-біжчик*, белор. *ня-божчык* и др.), 'покойник', можно трактовать, опираясь на словообразовательную конструкцию, как 'лишенный (лишившийся) жизненной силы в абсолютной мере'. Контрастирующее значение 'наделенности...' в образованиях с корнем **bog-* подчеркивается суффиксом *-at-*: **bogatъ(jь)*, ср. *волосатый*, *крылатый*, *женатый*, диал. *мужатая* 'замужняя': **bog-* в приведенных случаях обнаруживает значение не 'наделяющей причины', что является преобладающим для современного употребления слова *Бог (Vog)*, но 'того, чем наделяет(ся)', т. е. собственно 'доли'⁷.

Если затронута слово *богатый*, то невозможно обойти⁸ структурно идентичное севернорусское прилагательное *порáтый* 'сильный, дюжий, ражий', наречие *порáто* 'сильно, очень, весьма; много', 'сверх меры'⁹. Оно является непосредственным производным от *пора*, спектр значений которого значительно совпадает со смысловым пространством слова *век*, и обладает достаточно выраженной семантикой 'меры', ср. *впору* 'по мерке, как раз', вятск. *в пору* 'достаточно'¹⁰ (далее можно указать на наречный фразеологизм пермск. *порáт су порáт* 'очень хорошо, в самый раз'¹¹; ср. еще синтагматическую сопряженность слов *пора* и *мера* в не вполне прозрачном по своему синтаксическому устройству выражении яросл. *что пора не мера* 'в случае чего': «*Что пора не мера*, неустойку можно и уплатить, —

⁷ Помимо прочего, сходство в устройстве прилагательных *увечный* и *убогий*, вызванное действием тождественных семантических и деривационных механизмов, может служить дополнительным косвенным аргументом в пользу исконного, незаемного характера слав. **bogъ*, в противовес достаточно распространенному мнению о нем как о результате иранского влияния на славянский.

⁸ Ср.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования..., с. 250.

⁹ СРНГ, вып. 30, с. 51.

¹⁰ Там же, с. 29.

¹¹ Там же, с. 50.

говорит подрядчик»¹²). Существительное *пора* и дальнейшее прилагательное *поратый* (буквально 'наделенный порою, спориной', ср. вологод. *поринье* 'спорынья, в знач. крепости тела', *поренье* 'крепкое здоровье, полнота тела'¹³) обнаруживают предположительное этимологическое родство с греческими словами, значения которых удивительно органично вплетаются в семантический узел рассматриваемого славянского материала: *πορεῖν* 'дать, предоставить, отмерить; предопределить', *πέπρωτα* 'предопределено (роком)¹⁴'.

Понятия 'доля, часть' и 'сила, потенция', пересекаясь в слав. **bog-*, показывают до некоторой степени общность своего формирования, близость истоков: жизненная потенция понимается как назначенная часть, определенная доля, которую надельщик мог отмерить в большем или меньшем количестве, *сила* не абсолютна, но имеет положенные свыше пределы, может, как и *век*, быть исчерпана, что и выражается языковыми средствами: *обессилеть*, (*не*) *по силам* (кому-либо), (*не*)*посильный*, *свыше* (чьих-либо) *сил*, *через силу*, *от силы* и т. п.; *много/мало сил* (у кого-либо), *силы немеряно*, *безмерная сила*, *силы на исходе* и т. д. Понятно при этом, что физическая сила, т. е. способность к длительному или многократному мышечному напряжению¹⁵, является лишь конкретизацией понятия силы (потенции) вообще.

Подобные же представления существуют относительно иных свойств, носителями которых являются не только одушевленные создания (человек, домашнее животное), но и, например, часть тела как орудие (рука, глаз, гениталии), земля, нива, ее плоды или даже предмет хозяйственного обихода, — с той, однако, необходимой оговоркой, что в нем по самой его природе или назначению усматривается некое продуцирующее начало (скажем, мельница, квашня, ср. благопожелание гостя хозяйке, готовящей тесто: *спорина в квашню!*) или могущая быть уте-

¹² Там же, с. 32.

¹³ Даль², т. III, с. 310; СРНГ, вып. 30, с. 56–57.

¹⁴ См.: Фасмер, т. III, с. 328–329.

¹⁵ Ср.: М.Ф.Мурынов. Сила (понятие и слово) // Этимология. 1980. М., 1982, с. 50–56.

рянной способностью к повторным реализациям в соответствии с его назначением (например, охотничье ружье). Сам круг таких свойств все же категориально довольно ограничен: все они могут быть обобщены в отвлеченном понятии потенции или, более узко, применительно к органическому миру, жизненной силы, *vis vitalis*. Достаточно много писалось о *спорине* хлебной нивы как аналоге жизненной силы человека. Меньше в затрагиваемом отношении уделялось внимания плодovitости домашнего животного. В диалектах русского языка это понятие выражается лексемами *спор*, *спорина* (праслав. *sъporъ, *sъporina), *вод* (праслав. **vodъ*¹⁶), *плод* (праслав. *plodъ), *племя* (праслав. **ple(d)me* < *pled-men) и др. Впрочем, плодovitость — это лишь одна сторона; понятие *вода* включает в себя не только собственно репродуктивную способность, но и устойчивость, выживаемость приплода, приживчивость скота в новом дворе (при перемене хозяина), неподверженность напастям в виде болезней и дикого зверя. К тому же кругу свойств относится удоинность коровы, носкость курицы, производительность и «ярость» пчел и т. д.

В языковом плане важно отметить сочетаемость наименований всех этих свойств с антонимичными глаголами 'дать, предоставить; оставить, сохранить' (в частности, в заговорных формулах, адресуемых Богу) и 'отнять, лишить; взять' (в частности, как обозначение целей и результатов вредоносной магии): *дать жизнь; Бог дал долгий век; не дать веку; дай сил(ы); дай молока; дай, Боже, спор; не дал Бог ума — отнять жизнь; лишить живота; отнять силы; лишиться сил* (ср. *потерять, утратить силу, истрачены силы*); *отнять спорину* (у поля, нивы); *спорину* (*спорыню, споры*) *вынуть* (*вынимать*); *отнять урожай; отнять* (*отымать*) *молоко* 'лишить

¹⁶ Праславянская реконструкция *vodъ < *voditi se осуществляется на основе арханг. *вод* 'разведение, размножение, развод', яросл., костром., орлов. *вод* 'плодovitость, приживчивость в хозяйстве, свойство быть «ко двору» (о домашнем скоте, птице)' (см.: Архангельский областной словарь. М., 1985, вып. 4, с. 144; И. В. Костоловский. Из народных суеверий, примет и обычаев Еремейцевской волости, Рыбинского уезда // ЭО, 1901, вып. 3, с. 136; Архив Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), фонд 7 (Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева), опись 1, ед. хр. 600, 1092). См. также: А. Ф. Журавлев. Рус. *двуязыльный* // Этимология. 1985. М., 1988, с. 80–81.

корову удожности'¹⁷ (ср. *корова молоко потеряла*); *лишиться ума; отнять разум* (ср. *потерять рассудок, утратить разум*)... Наличие такой сочетаемости прямо отсылает к представлениям о доле, наделяемости (ср. *Бог дал — Бог взял*). В семантически (да пожалуй и диахронически, ретроспективно) предельном варианте многочисленных сочетаний корней **da-* и **bog-*, как гетеролексемных (апеллятивных), так и тавтолексемных (чаще, видимо, ономастических), последний, **bog-*, выступает именно в объектном значении — 'доли', 'части'¹⁸.

Любопытно отметить антитетичность компонентов русской рифмующейся пары *доля* : *воля*, нередко сопрягаемых синтагматически. Паремология с этим противопоставлением, довольно обширная, хотя содержательно и весьма одноплановая, что само по себе показательное (в сущности, ограничивающаяся актуализацией признаков 'предел, мера' : 'отсутствие предела, безграничность потенции'), оголяет метафизические понятия если и не о полной невозможности, то о чрезвычайной затруднительности человеческого воздействия на собственную участь, — понятия, в конце концов долженствующие завершиться выработкой этических нормативов фаталистического толка, преследующих исключение конфликтов между *волей* и *долей*: *Наша доля — Божья воля; Во всем доля, да воли ни в чем; И была бы*

---

¹⁷ Ср. карпатоукр. *відбрати ма́ну*, где *ма́на*, помимо прочего, имеет значения и 'молоко' (в частности, 'жирное молоко'), и 'удойность (коров, овец)' (см.: Г. П. Клепикова. Карпатская лексика в ее отношении к лексике иных зон славянского мира. 1. **man(n)a* // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 6–7). О конкретном направлении метонимического переноса ('молоко' → 'удойность' или обратное) в рассматриваемом случае говорить несколько затруднительно ввиду сложности диалектной ситуации в многоязычных Карпатах и нелегко поддающихся исследованию путей движения лексики (и семантики) в этом клокочущем лингвистическом котле: возможны оба варианта.

¹⁸ Мысль, как можно понять, не вполне очевидная; см., например, статью **dadъbogъ* в ЭССЯ (вып. 4. М., 1977, с. 182–183), где тонкости семантических отношений между компонентами сложения оставлены без надлежащего комментария. Ср. из новейшей литературы: В. Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995, с. 528–529. Там же приводятся ведийские параллели, подтверждающие изложенную догадку.

*доля, да нет воли; Своя волюшка доводит до горькой долюшки, Боле воли — хуже доля и т. п.*¹⁹.

(Более полному и адекватному очерчиванию концепта *доля* может способствовать сравнение антитетической пары *доля* : *воля* с другим противопоставлением, в которое вовлечен второй ее член: *мир* : *воля*. Понятие *мир* в этой последней паре очевидным образом реализует семантику 'порядка, регламентированности, договора'²⁰; приведенная параллелизация высвечивает несомненное присутствие тех же семантических моментов и в концепте *доли*.)

3. И тем не менее воздействие на *долю* мыслится возможным, о чем свидетельствует не только наличие в славянском словаре прозрачно мотивированных образований типа **ob-dolěti*, *преодолеь*, **sъ-dolěti*, **sъ-doliti*²¹, русск. диал. (зап.) *вздолеть*,

¹⁹ Даль₂, т. I, с. 238–239, 464.

²⁰ Ср.: В. Н. Топоров. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989, с. 49–52; Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997, с. 485–486.

²¹ В редакторских дополнениях к переводу этимологического словаря М. Фасмера О. Н. Трубачев глагол *долить* 'одолевать', в противовес довольно осторожному предположению Фасмера, трактует как продолжение *дол* 'низ': *долить* — буквально 'валить с ног, сваливать' (Фасмер, т. I, с. 525). Касательно глагола *одолеь* (Фасмер, т. III, с. 123) таких оговорок, разумеется, не дается. В ЭССЯ (вып. 5, с. 62) относительно праслав. **doliti* говорится, что здесь наблюдается «явная тенденция контаминации с **dol'a*» (с противопоставлением значений континуантов **doliti* словац. 'копать, рыть', русск. 'клонить вниз': чешск. 'бороться, драться', русск. 'одолевать'). Речь, на наш взгляд, должна идти о глагольной омонимии и, тем самым, о гетерогенности материала, формирующего эту статью ЭССЯ. Ср. позицию «Słownika prasłowiańskiego», где континуанты **doliti* со значением 'клонить вниз' относятся к продолжениям **dol'a*, без упоминания точки зрения О. Н. Трубачева (SP, t. 4, s. 63). Предположение В. Махека о связи основы **ob-dol(')*- с др.-инд. **abhi-dhara-*, которое могло означать что-нибудь вроде 'твердое противодействие чему-либо' (Mašek, s. 123), не выглядит необходимым.

В связи со сказанным выше о близости концептов 'доли' (**dol'a*), 'силы' (**sila*) и 'потенции' (**mogn'*) существенно упомянуть формальный параллелизм слов *одолеь* : *осилить* при тождестве их значений (SP, t. 4, s. 54, со ссылкой на Бодуэна де Куртена; А. Е. Аникин. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского

вздóбить 'одолеть, смочь'²², но и богатейшая народная магическая практика.

Существеннейшей чертой народных понятий о доле является представление о принципиальной отчуждаемости потенции от ее носителя. Потенция не является присущей своему носителю в обязательной мере, но, различаясь своим объемом от одного индивидуального носителя к другому изначально, может быть увеличена или уменьшена, вплоть до «нулевого уровня», вмешательством извне (чаще, разумеется, вредоносным).

Весьма распространены подобные представления применительно к домашней скотине, ее плодовитости и удожности. Так, в ритуалах купли-продажи скота *племя* 'плодовитость, спор(ина), репродуктивная способность в высокой или достаточной степени' может передаваться продавцом покупателю за отдельную плату. По сообщению Г. К. Завойко, относящемуся к обычаям крестьян Владимирской губ., при продаже коровы передача *племени* производится после специального угощения водкой, с заключением продавца: «Ну, Господь с тобой — *будь тебе и племя!*»²³. Записи, сделанные в Нижегородской губ., свидетельствуют о возможности продажи вместе со скотом его спорины не целиком, но и, по недоброй воле умеющего волхвовать продавца, лишь частично, что выражается особыми магическими терминами-словосочетаниями *совсем прод(ав)ать* и *вполовину продать*²⁴.

Сходным образом корова может быть продана *со всем молоком* 'с отпущенной Богом способностью давать молоко, реализующейся в полной мере' (Владимирская, Костромская губ.). Почти повсеместно это символизируется передачей покупателю вместе со

словаря. Вып. 1 (Пробный). А-Е. Новосибирск, 1994, с. 243, где упоминаются также «балто-славянские названия 'победы'», т. е. (пре)одоления, производные от глаголов со значением 'мочь, быть в состоянии': литов. *pérgalé*, латыш. *izvara*, прусск. *erwarisnap*, белор. *перамога*, укр. *перемога*), ср. далее синонимичность польск. *obwarować*, связанного с упомянутым прусским словом, и *obtnosić* (В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. Е-Н. М., 1979, с. 66-67).

²² СРНГ, вып. 4, с. 260.

²³ Г. К. Завойко. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО, 1914, вып. 3-4, с. 122.

²⁴ И. Мамакин. Купля-продажа скота... Как окуривают новотельных коров... (Нижегородская губерния) // ЖС, 1892, вып. 3, с. 147-148.

скотиной молочной кринки. Ср. еще: «Продае жинка корову на ярмарку, а чоловик купуе. Вин грошы выйма з-за пазухы, а другый у сторони стоить и дывытся на их; потим каже: „Не давай, чоловиче, грошей, помы вона тоби не оддасть того, що в неї в пазуси йе“. А вона одмагається: „Що в мене в пазуси? У мене ничого нема в пазуси“. А той чоловик каже: „Та выймай, выймай. Любыш грошы брать, так любы и молоко оддавать“. Вона выняла з пазухы и оддала каламарчык [небольшую бутылку]. А потим той каже покушчыку: „О, тепер давай, чоловиче, грошы за ту корову, то ты *йистымеш молоко*“, то есть 'удойность' (Лубенский уезд Полтавской губ.)²⁵.

Фразеологизм *со всем молоком* отмечается в ритуальной песне, исполняемой в весенний егорьев день и сопровождающей первый выгон коровы на пастбу: *Выгоню коровушку / Со двора голикóм* (веником), / *Приходи ко мне, коровушка, / Со всем молоком!* (Бежецкий уезд Тверской губ.). Существует примета, согласно которой удоимость коровы, в первый раз отелившейся бычком, реализуется не в полной мере, тогда как первый приплод телушкой обещает ее осуществление сполна: «Ну-у-у-косе! у них корова то отелилась да на первоёт да и принесла телушку — *полное молоко*» (Рыбинский уезд Ярославской губ.)²⁶; о праславянской древности словосочетания *полное молоко* (**rylno(je) melko*) говорит польское выражение *pełne mleko* 'неснятое, цельное молоко'²⁷.

²⁵ В. П. Милорадович. Житье-бытье лубенского крестьянина // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991, с. 285.

²⁶ См.: Г. К. Завойко. Верования..., с. 122; Поэзия крестьянских праздников / Сост. И. И. Земцовский. Л., 1970, с. 317; И. В. Костоловский. Народные поверья жителей Ярославского края // ЖС, 1916, вып. 2-3 (приложение 5), с. 42. Подробнее см.: А. Ф. Журавлев. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994, с. 43, 69.

²⁷ S. Skorupka. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1977, t. I, s. 450. К анализу семантики прилагательного **rylnъ(jь)* существенно привлечение обширной диалектной фразеологии; см., например, русск. диал. *в полном уме* 'в здравом уме, здравомыслящий' (ср.-обск.), *не с полна ума* 'не в своем уме' (томск.) (ср. *полоумный*), *полный дух иметь* 'быть смелым' (мещов. калуж.), *пойти в полный гуж* 'стать полноценным работником' (амурск.), *на полный рот есть* 'есть с аппетитом, уплетать' (тарск. омск.) и под. (СРНГ, вып. 29, с. 85).

Представления об отчуждаемости удойности от ее обладателя (обладательницы — коровы) весьма ярко обнаруживаются в хорошо известных вредоносных магических способах *отнимания молока* ведьмами. Собственно, речь здесь идет о «перекатке» удойности из чужого хлева в свой, сообщении большей удойности своим коровам за счет ее утраты чужими. Тем самым наглядно проявляется допустимость манипуляции *долей* на принципах системы сообщающихся сосудов (что ослабляет жесткость упомянутых выше представлений о неподверженности доли сознательному, волевому воздействию).

В земледельческой вредоносной магии аналогом отниманию молока являются приемы лишения чужого хлебного поля урожайности (с помощью т. н. *перезинов*) и перенесения ее на свою ниву. Ограничимся одним великорусским примером: «Иногда случается так, что хлеб, посеянный с хлебами соседей, по мнению крестьянина, при совершенно одинаковых условиях, ростом бывает лучше и чаще окружающих хлебов и соломой „буйней“, но зато умолотом оказывается несравненно хуже; так, например, у соседей из того же самого количества выйдет пять мер, а у него только полторы. Это значит, что колдун *спорину вынул* из хлеба. Такой хлеб обиженный крестьянин мелет на семена (? — А. Ж.) и везет к мельнику, с просьбой переменить ему семена, потому что у него *вынута спорина*. К мельнику всегда обращаются вследствие того, что у него хлеб сборный, и уж верно есть рожь от праведной души и *скотская доля*, т. е. та рожь, которую крестьяне мелют для пересыпки корма лошадям, — обладающие свойством восстанавливать спорину» (Орлов. губ.)²⁸.

В связи с рассматриваемым кругом народных представлений и их отражением в паремиологии заслуживают внимания некоторые магические вербальные формулы, сопровождающие вредоносные манипуляции с хлебом на чужом поле. В одной из таких формул, записанной в Рыбинском уезде Ярославской губ., довольно неожиданным образом коррелирующими понятиями оказываются *спорынья* 'удача, спорина' и *лень*: «„Будь у меня

---

²⁸ А. И. Трунов. Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1869, т. II.

спорынья, а по деревне *лень*!“ говорят, делая пережин...»²⁹. Примечательно, что здесь *лень* трактована не как категория, относящаяся к области воли (ср.: *мне лень*), но явно как одна из возможных реализаций доли, участи, лежащих за пределами волевой компетенции индивида и социума.

4. Огромный круг данных (лексика и лексико-семантическая мотивированность, прямые высказывания в «отлитых» паремнологических формах, ритуалы и их отдельные составляющие и т. д.) свидетельствует о том, что в архаической метафизике мир предстает в виде равновесной гомеостатической системы, устойчивость которой обеспечена постоянно реализующимся принципом компенсаторности: если в одном месте убыло, то в другом столько же прибудет (ср. универсальные законы сохранения вещества и энергии в поздней, «настоящей» физике): «По народным понятиям: „скільки родится людей по цілому світі, то стільки же и вмре“» (Волянь)³⁰, «Сколько мыша съест зерна, столько и прибавляется его; если мало ест, мало прибавляется — и наоборот» (Воронежская губ.)³¹; «Если в какую-либо осень появилось много той или другой дичи или зверя, то говорят, что „наш леший выиграл это у другого“, если мало — значит, проиграл» (Вологодская губ.)³² (ср.: зайцы у лешего «на полном крепостном праве, по крайней мере, он даже имеет власть проигрывать их в карты соседнему лешему. Не освобождены от такой же зависимости и беличьи стада, и если они, переселяясь несметными полчищами и забывая всякий страх перед человеком, забегают в большие сибирские города... — то дело ясное: значит, лешие целой артелью вели азартную

²⁹ Вяч. Водарский. Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губернии (Деревня Юрдино, Орехинская волость. Записаны в 1901 году) // ЖС, 1902, вып. III–IV, с. 409.

³⁰ Ив. Абрамов. Поверья, приметы и заговоры жителей Новоград-Волинского и Заславского уездов // ЖС, 1913, вып. III–IV, с. 380.

³¹ Г. Яковлев. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слобде Сагунах Острогского уезда // ЖС, 1906, вып. IV (отд. 2), с. 172.

³² А. Шустиков. Троищина Кадииковского уезда. Бытовой очерк // ЖС, 1892, вып. III, с. 122.

игру и побежденная сторона гнала проигрыш во владения счастливого соперника»³³; «...водяной ухитрится перезывать к себе рыбу из чужих рек и озер. Так объясняют простолюдины умаление и совершенное исчезание рыбы в тех или других водах»³⁴) и мн. под.

Принцип компенсаторности наочевиднейшим образом является в широко известных представлениях о не изживших своего века «заложных» покойниках³⁵, об экспроприации чужого века, — представлениях, к которым, как и к связанной с ними лексике и фразеологии (*зажитьяся, заедать чужой век, заде(ва)ть чужой век, жить не свой век, живучка напала, на том свете с фонарями ищут* и т. п.), обращались достаточно часто³⁶.

Выяснена связь с рассматриваемыми представлениями поверий о т. н. *двужилых людях и двужилых лошадях* — у п ы р я х, удлиняющих свой век за счет сокращения века других божьих тварей: по их смерти умирает еще несколько людей или, соответственно, лошадей, своего века не изживших³⁷ (прилагательное *двужилый* производно от *жило/жила* 'срок жизни' < *жить*; ср. *жилу порвать* 'помереть', а также, далее, *жилить* 'называть чужое своим'³⁸). Интересно, что в народных представлениях век может распределяться не только между особями одного вида, как в упомянутом случае, но и между представителями непересекающихся царств живого, ср. белорусские поверья, близкие представлениям о «двужилости»: «Народ вообще относится с суеверным уважением к большим старым деревьям, особенно если в них находят еще признаки,

³³ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989, с. 46–47; ср.: Афанасьев, т. II, с. 336.

³⁴ Афанасьев, т. II, с. 244.

³⁵ См.: Д. К. Зеленин. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.

³⁶ Из последних по времени работ см., например: О. А. Седякова. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990, с. 55–56.

³⁷ Подробнее см.: А. Ф. Журавлев. Рус. *двужилый*..., с. 78–81.

³⁸ Даль², т. I, с. 542.

отличающие их чем-нибудь от обыкновенного типа <...> предание, что лет 60 тому назад на том же месте было 4 дуба. Но арендатор дворца графа Завиши срубил два из них, от чего пал весь его скот. Вообще заветные дубы заколдованы: срубить такой дуб или даже взять его сучья, оторванные ветром, — непременно случится несчастье: падет лошадь, корова, овца» (Слонимский уезд Гродненской губ.)³⁹.

Замечательны в затронутой связи поверья о близнецах: жизненная потенция, рассчитанная на одного, в случае рождения близнецов распределяется между двумя, они не доживают века, один из них оказывается бесплодным и т. д.⁴⁰, ср.: «Они, двойнёвые, всегда хуже бывают», «Было девять детей, двойники были, многие умирали»⁴¹, полесские поверья: «двойнята никогда не будут жить, — один обязательно умрет», боснийское представление: *Да је среће не би се двоје родило!* (двойня не рождается к счастью)⁴². Усматривающуюся в близнецах изначальной ослабленностью производительной потенции позволяет, а в некоторых местах (в Сербии, Болгарии, Македонии, западной Белоруссии и др.) даже предписывается, их участие в ритуале опахивания селения при повальных болезнях и стихийных бедствиях, в котором обычно фигурируют лишь персонажи, для которых исключены (девочки, старухи, честные вдовы) сексуальные отношения⁴³.

Сюда же относятся поверья о негативной отмеченности лиц с нарушениями соматической нормы, в частности, с корпоральными излишествами, — шестипалых, горбунов (горб воспринимается как добавочный телесный вырост), *двоезубов* и т. п. Ср.: *двоезуб* 'человек, у которого молочные зубы при появлении коренных не выпадают': «Человек — *двоезуб*, или с волчьим

³⁹ М. Довнар-Запольский. Заметки по этнографии белорусов // ЖС, 1893, вып. III, с. 422.

⁴⁰ См.: А. Макаренко. Материалы по народной медицине. Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии // ЖС, 1897, вып. I, с. 98; И. В. Костоловский. Народное поверье о бесплодии близнецов // ЖС, 1911, вып. III-IV, с. 499.

⁴¹ СРНГ, вып. 7, с. 291, 292.

⁴² СД, т. 1, с. 191, 193.

⁴³ См.: А. Ф. Журавлев. Домашний скот..., с. 110; СД, т. 1, с. 192-193.

зубом, почитается злым, опасным и нередко знахарем»⁴⁴; в заговоре: «Я, рыба, ко всякой всячине пригождаюся... от *двоезуба*, от *блядуна*, от *блядуньи*, от всякого зла, от *лихого* человека, от *злыя* крови»⁴⁵ при показательной синтагматической близости и уравниности слов *двоезуб* и *лихой*, ср. *лихо(й)* — *лишний* с возможной проекцией в антитезу *доля*/«норма»: *лихо*/«сверхнормативное», ср. далее выражение *лихая доля*.

Впрочем, если иметь в виду персонаж русских сказок, носящий имя *Лихо Одноглазое*, и целый ряд реализаций слав. **lixo(-)* (к индоевроп. **leikʰ-so-* — осложненному **leikʰ-* 'оставлять'⁴⁶) с семантикой, прямо противоположной значению 'избыточный, лишний; сверхнормативный' (ср. *lišati 'privare', болг. диал. *лих* 'имеющий определенный существенный недостаток — хромой, слепой, косою и т. п.', русск. яросл., костром. *лихо одноглазое* — прозвище косоного человека, болг. диал. *лио мне* 'мне недостает (чего-либо), чувствую отсутствие (этого), *либ ми е бес него (неа)* 'мне чего-то не хватает без него (без нее)', ст.-слав., русск.-ц.-слав. *лихъ быти* 'быть лишенным, не иметь', *лиховати* 'отнимать, лишать', ст.-польск. *lichosć* 'ничтожность, малость, слабость', *lichota* 'нужда; кое-что, небольшое количество', *lichotny* 'незначительный, малозначительный, ничтожный', серб.-хорв. *лихорука* 'однорукий', *лихомуд* 'имеющий одно яичко' и мн. др.⁴⁷; русск. фолькл. *лихокроный*, вероятно, 'малокровный, бескровный' или 'с порченной кровью', ср. в выразительном заговорном контексте: «...от рябых, от лысоватых, от слепых..., от лихокроных, от лихоцербных»⁴⁸ со знаменательным соположением в пределах одной лексемы корней *лих-* и *щерб-*, ср. *ущерб*), то напрашивается мысль о том, что *lixo изначально понималось как количественное отклонение от нормы в любую сторону: и избыток — и недостаток, «некомплектность» (в частности, сюжет упомянутой сказки

⁴⁴ Даль2, т. I, с. 420. Близкие представления отмечены у поляков: родившийся с двумя рядами зубов становится вампиром (СД, т. I, с. 284).

⁴⁵ Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. СПб., 1994, с. 91 (в тексте заговора на с. 89 — даже *троезубый*).

⁴⁶ Pokorny, Bd. I, S. 669–670.

⁴⁷ См.: ЭССЯ, вып. 15, с. 89–91, 94–96, 99–102, 154–156; СРНГ, вып. 17, с. 76.

⁴⁸ СРНГ, вып. 17, с. 84 (статья *Лихоцербный*).

состоит в том, что герой пошел *искать себе лихо*, но, найдя его, вернулся назад без спутника и без руки), ср. выше — о сочетаемости наименований «шкалируемых» потенциалов с антонимичными глаголами 'дать; оставить' — 'взять; отнять, лишить'.

Как нежелательное корпоральное излишество в народном животноводстве может трактоваться пегость, «многомастность» лошадей (в отличие от крупного рогатого скота, у которого пестрота не считается пороком): «Пегая (рябая) масть... нелюбима... Между прочим, рябой заболевшей лошади затруднительно шептаться, так как заговаривать можно лишь известную определенную масть, а у пегой лошади две масти. Затем пегие кони реже идут в руку» (Лубенский уезд Полтавской губ.)⁴⁹.

Говоря в связи с концептом доли и категориями «свой/чужой» о семантике излишка (/недостачи), следовало бы, как кажется, привлечь заметный пласт традиционных представлений, относящихся к дарению, потере / находке и краже (а также к займу, одалживанию). Эти проявления социальной жизни, имея своим следствием перераспределение доли, вносят флуктуации в равновесное состояние мира и получают с этой точки зрения определенную оценку. Если в «обычной» этике дареное, украденное и найденное оцениваются соответственно положительно, отрицательно и нейтрально, то в магической практике, преследующей обретение большей доли, находка и покража, не переставая быть предметом этического интереса вообще, получают несколько иные трактовки. Характерно, что нередко, сообщив с помощью магической кражи (например, сена с чужого луга или хмеля с чужого хмельника, что обычно остается незамеченным) большую плодоносную силу своей земле, совершивший покражу обязан, также незаметно или, напротив, сознавшись хозяину, на следующий год вернуть похищенное в том же количестве, восстановив тем самым доленое равновесие; кража, таким образом, трактуется в качестве «одностороннего», юридически не сформулированного займа. Резкого осуждения подобная практика, разумеется, не встречает⁵⁰.

⁴⁹ В. П. Милорадович. Житье-бытье лубенского крестьянина..., с. 268.

⁵⁰ См., например: А. Пустиков. Право семейной и личной собственности среди крестьян Кадниковского уезда. (Материалы по обычному праву) // ЖС, 1909, вып. I, с. 62; С. М. Толстая. Кража // СМ, с. 232–233.

Б. Адекватный анализ славянских народных представлений о доле и, шире, об основах мирового равновесия нуждается в привлечении гораздо большего круга понятий и этнографических и языковых фактов, чем тот, которым обычно ограничиваются в исследованиях подобного рода (имея в виду главным образом темпоральные и событийные моменты, включая предопределение и отгадывание судьбы/доли, а также олицетворения несчастливой доли — мифологические образы *горя* (*Горя-Злочастия*), *злыдней* и т. д.). Мы коснулись весьма незначительного материала, относящегося к заявленной теме. Необъятность проблемы заставляет нас пока удовлетвориться этим поневоле очень беглым упоминанием некоторых, показавшихся достойными его, аспектов.

Литература

- Афанасьев — *А.Н.Афанасьев*. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. М., 1994 (репринт издания 1865–1869 гг.).
- Даль₂ — *В.И.Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. I–IV.
- ЖС — Живая старина.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995, т. 1.
- СМ — Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л. (СПб.); (М.), 1965–, вып. 1–.
- Фасмер — *М.Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973, т. I–IV.
- ЭО — Этнографическое обозрение.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–, вып. 1–.
- Machek — *V.Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Pokorny — *J.Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959, Bd. I–II.
- SP — Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; (Łódź), 1974–, t. 1–.

Н. И. Толстой, С. М. Толстая

Имя в контексте народной культуры

Будучи частью вербального (языкового) кода традиционной народной культуры, имена собственные занимают в нем особое место, образуя по существу самостоятельный ономастический код. Ономастикон культуры отличается от общезыкового уже составом именуемых объектов; личные имена могут присваиваться в народной традиции не только людям и домашнему скоту, но и персонифицированным диким животным (аист *Иван*¹, заяц *Јапек*², медведь *Михайло Иванович*, *Михаил Топтыгин* и т. п., уж *Вася*³, гад *Яков*, гадина *Яковица*⁴ и т. п.), растениям⁵ (цветок *Иван-да-Марья*, дуб *Александр*, *Лаврентий*⁶ и т. п.), мифологическим персонажам⁷, болезням (лихорадки *Трясея*, *Ломеня* и т. д.), стихиям и природным объектам (вода *Ульяна*, *Елена*, земля *Татьяна*⁸, огонь *Андрей*⁹), предметам (хлеб *Маланья* и *Василий*, камень *Иван* или *Василий*¹⁰, кочерга *пан Коцюбинский*¹¹), явлениям и концептам (смерть *Ваśка*, *Zośka*, *Kaśka*, *Jagusia*¹², *Лопатовский*¹³ и т. п.). Существуют отличия и в арсенале ономастических средств: по сравнению с общезыковым узусом, в ономастиконе традиционной культуры в большей степени используются неонамастические по происхождению элементы, т. е. апеллятивная лексика. В то

время как для языка в целом семантика имени собственного или вовсе отрицается или признается лишь условно (Толстой 1970), для языка культуры характерно явление семантизации и символизации имени, достигаемых двумя противоположными способами: вовлечением апеллятивов в ономастикон, т. е. онимизацией апеллятивов, и народной этимологизацией собственно ономастической лексики, т. е. «апеллятивизацией» ономастики¹⁴.

Однако главное отличие культурной ономастики от общезыковой лежит в сфере прагматики, т. е. касается функционирования имен собственных (прежде всего личных) в качестве знаков и символов культуры. Особенности ономастического узуса в традиционной культуре обусловлены мифологическими представлениями о природе имени — отождествлением имени и его носителя или убеждением в существовании сокровенной связи между именем и человеком, верой в способность имени «замещать» человека, в сакральность имени, в небесное заступничество одноименных патронов (святых, «героев») и т. п. Имя наделяется магическими свойствами и используется в обрядности как инструмент магии — охранительной, отгонной, продуцирующей, лечебной; имя табуируется, утаивается, дублируется, подвергается замене; выбор имени и именованье подчиняются строгой регламентации и магическим целям. Славянская народная антропонимия испытала сильнейшее влияние христианской культуры; это касается как состава имен, так и их узуса, однако она во многом сохранила почти до наших дней отношение к имени, имянаречению и именованию, свойственное дохристианской мифопоэтической традиции.

Магическое имянаречение и именованье

Согласно славянским народным представлениям, реконструируемым из языкового, обрядового и фольклорного материала, имя окончательно формирует (творит, рождает) человека (ср. укр. поговорку «Прибери пня, дай ему имя — и з него буде чоловік» — Номис 1864: 218; болг. проклятие «Да му ся не наиде имято!» — Геров 2: 327; кашуб. *mono wětazac* «умереть»; букв. «стереть имя» — Sychta 3: 174), а наречение именем — важнейший «антропogонический» (в социальном плане — инициационный) акт, придающий новорожденному статус

человека. Естественно, что в контексте христианской культуры этот акт отождествлялся с церковным обрядом крещения, во время которого новорожденный получал имя. В народном восприятии крещение и было прежде всего имянаречением, а крест приравнивался в своем значении к имени (по полесскому выражению, «То хрест человека — от, Микола чи як там шо» — ПА, с. Щедрогор Ратновск. р-на Волинской обл.; ср. еще болг. приговор при передаче ребенка матери после обряда крещения: «Без име го взех, с име ти го връщам» — Габровско, Ловешко, Кръстева 1996:122). Сакральность имянаречения, восходящая к древнейшей мифопоэтической традиции, находит, таким образом, свое продолжение в народных верованиях и обрядах, связанных с крещением (ср. Чајкановић 1994/1: 375; Кръстева 1996: 119, 121), и особенно — в мифологической трактовке некрещеных, мертворожденных и умерших до крещения, т. е. «безымянных» детей (Кабакова 1994), ср. рус. владим. *безымянный* 'мертворожденный' (СРНГ); тамбовск. *безымянка* 'умерший до крещения или мертворожденный ребенок' (Махрачева 1997); болг. *безимка* 'еще не окрещенный ребенок' (РБЕ). Отсутствие имени придает им «иномирные», демонические черты (ср. рус. «без имени ребенок чертенок», арханг. *бэзымень* «привидение, двойник; во всем будто бы походит на человека, но лица не имеет, и потому носит на голове личину» (Подвысоцкий 1885). Жители Силезии полагали, что у человека имеется две души (два духа), каждая из которых должна получить имя; если же ребенка нарекают только одним именем, то безымянная душа становится стригой, зморой и т. п. (Lehr 1984: 231–232; 1985: 99). Болгары называют детей до крещения именами животных (*щенок, улитка, птенец* и т. п.) и мифологических персонажей (*взрколак* — Видинско, Оряховско); их не целуют, ибо «в них вселился дьявол» (Самоковско, Чирпанско); в случае смерти до крещения их не отпевают, не оплакивают, погребают голыми, не хоронят на кладбище (или хоронят на «чужом» — мусульманском, цыганском и т. п. кладбище), не отмечают их могилы, не поминают (Кръстева 1996: 114–115).

По общеславянским представлениям, умершие до крещения дети превращаются в демонов (у восточных славян — в русалок), их души блуждают по свету, плачут (иногда птичьими голосами), просят «дать им имя» (или «дать им крест»; словацк. *diet'a pitalo*

krst — Chorváthová 1984: 149) и не успокаиваются до тех пор, пока их не нарекут. По полесскому обычаю, услышав их плач, надо назвать мужское и женское имя: Адам и Ева, Иван и Мария, Иван и Анна и т. п. Ср. «Шла поўз могилки, чуе дзиця плачэ на могилах, а я кажу: Як панна, то Ганна, а як пан — то Иван. Просим мя (имя), ему мя треба даць, не дали ему родители имя. И не стало плакаць» (ПА, с. Оздамичи Столинск. р-на Брест. обл.); «Если хлопчык, то нехай будэ Стэпан, если девочка — то Марыя» (ПА, с. Олтуш Малоритск. р-на Брест. обл.). Русские верили, что «накануне Троицына дня русалки и мавки бегают по засеянным полям и хлопают в ладони, приговаривая: „Бух, бух — соломенный дух, меня мати породила, некрещену положила (или: схоронила)“. Кто услышит их голос, тот должен произнести: „Крещая тебя, Иван да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа“» (Афанасьев 1996: 303). Аналогичные поверья известны западным белорусам, украинцам Закарпатья, мораванам, словакам, болгарам (Federowski 1897: 264–265; Богатырев 1971: 249; Chorváthová 1984: 152; Кръстева 1996: 116–117)¹⁵.

Подобным же образом нарекали детей до крещения, т. е. до получения настоящего имени (Кабакова 1994: 314), а также мертворожденных детей, чтобы не хоронить их безымянными: «Як нежывэ родзицца, его не закапываюць без ім’я. Як дзеўка нехрышчэна — Ева, як хлопэц — то Адам дадуць ему ім’я» (ПА, с. Оздамичи Столинск. р-на Брест. обл.); «От у мене была брацыха да родзила дзиця нежывэ. Да позвали бабу да покрпила сятою водою да казала: „Свяшчаецца раба божая Параска!“ Имя — какое баба придумает» (там же). В болгарском селе Граматиково (Странджа) мертворожденным детям клали в гроб бумажку с написанным именем, что означало, что ребенок окрещен (Странджа: 267).

Страх перед умершим некрещеным (безымянным) ребенком заставлял торопиться с крещением, особенно если ребенок родился хилым или если в семье, где он родился, «не держались» (умирали в младенчестве) дети, хотя, по некоторым сербским верованиям, некрещеный («без имени») младенец лучше растет и менее подвержен опасности со стороны демонических сил (черногорская область Зета — ГЕМБ 1936/11: 60). Чтобы ребенок не умер безымянным, принято было сразу по рождении

называть его «временным», «материнским» именем. У сербов такое имя (*привремено име, име по водици, мајчино име*) давалось обычно священником сразу после рождения вместе с освященной водой, которую использовали при купании ребенка (Требјешанин 1991: 118, 135; Тешић 1988: 49; Петровић 1948: 258–259), или матерью, родителями. Это могло быть какое-нибудь «ласковое» (*од милоште*) или, наоборот, «презрительное» имя или «нарицательное» имя-прозвище, указывающее на характерные черты внешности или обстоятельства рождения ребенка (*Кельо* ‘слабенький’, *Бельо* ‘беленький’ и т. п. — Vukapović 1986/2: 227), но нередко до крещения ребенка называли просто *мамак* и *ђевојка* или даже, не желая указывать пол, — *беба* (Тешић 1988: 53). Широко распространено у южных славян именование детей до крещения «инородцами»: сербск. *Турче, Бугарче, Влашче, Циганчица* и т. п. (Требјешанин 1991: 135), болг. *циганче, турко, еврейче* и т. п. (Вакарелски 1935: 310–311; Добруджа: 271; Пловдивски край: 216; Пирински край: 386; Кръстева 1996: 115).

На значительной территории Украины (Правобережье Днепра, включая Волынское и частично Киевское Полесье, юг Черниговщины, Харьковщина) существовал обычай имянаречения до крещения, аналогичный сербскому: сразу после родов повитуха отправлялась к попу, чтобы «получить молитву», узнать имя и договориться о дне крещения, причем это называлось «идти за именем», однако, в отличие от сербов, украинцы при крещении, как правило, имени не меняли (Гаврилюк 1981: 71–73) и, следовательно, не связывали имянаречение с церковным обрядом крещения; сходные обычаи известны у белорусов (ср. «ахрысціць дацца з вады», «хадзіць па імя» и т. п. — Кухаронак 1993: 41). О сакральности собственно имянаречения (независимо от обряда крещения) свидетельствует также записанное у крестьян Купянского уезда Харьковской губ. верование, по которому все умершие некрещеные дети становятся русалками и живут в воде, однако те, что «с именем» («именные») затем идут на небо, а «без меня» («безыменные») остаются в воде до страшного суда. Пока они вместе живут в воде, «то имени бьют безименных и прыговорюють: „У вас батько проклятий, у вас мате проклята! Вони вас родылы, а меня не дады“. С меньем русалки похожи на маленьких дивчаток, а без

меня — также дивчата, тилько страшни: безволосы» (Иванов 1893: 69).

Оставляя в стороне собственно этнографию имени, т. е. принятые в той или иной этнической или конфессиональной среде способы и правила выбора имени и именованя, обратим внимание лишь на те случаи, которые связаны с мифологической трактовкой имени и его магическими функциями. Самым распространенным и самым обычным было присваивание новорожденному календарного имени, т. е. имени христианского святого, которому посвящен ближайший ко дню рождения ребенка праздник. При этом избегали (или даже запрещали) давать ребенку имя по календарю «назад», т. е. называть его в соответствии с праздником, предшествовавшим дню рождения. По польскому поверью, названный «назад» ребенок не будет расти: «Jeżeli na chrzcie nada się dziecku imię tego świętego, którego dzień w kalendarzu już minął, to dziecko rósć nie będzie» (Świątek 1893: 604). Ту же магическую мотивировку предпочтения направления «вперед», символизирующего развитие и возрастание, перед движением вспять, ассоциирующимся с деградацией и увяданием, находим в украинских (Гринченко 1895/1: 28; Гаврилюк 1981: 73) и сербских («да не би детету ишао назад» — Вукановић 1940: 69) верованиях.

Другие принципы выбора имени применялись обычно в особых случаях — если ребенок рождался слабым и была опасность, что он не выживет, если в семье «не держались» дети, если рождались только девочки или только мальчики и родители хотели бы переменить пол будущих детей, если родители вообще хотели бы прекратить рождение детей, если ребенок рождался после смерти отца и т. п. Когда же таких особых обстоятельств не было, однако календарное имя по какой-либо причине было невозможно или нежелательно, то могло выбираться любое приятное родителям (или чаще — кумовьям) имя. Сербы, у которых вообще принцип календарного имянаречения отнюдь не был обязательным, старались дать ребенку *ублажно* («мягкое») имя — «на радость» (*Радован, Радомир, Радуле*) или «на милость» (*Милена, Милијана, Милисава, Милица*) (Vukanović 1986/2: 228).

Наречение новорожденных именами родителей, вообще широко распространенное (в частности, у русских, ср., например,

БВКЗ: 132), по-видимому, изначально практиковалось в специальных магических целях: чтобы остановить смерть детей в семье («Често отац и син — код православних — носе исто име. То је код оних којима су умирала деца» — зап. Босния, Филиповић 1967: 324; «Жена, којој деца умиру, треба новорођенчету да надене очево или материно име — да не би умрло» — Бачка, ГЕМБ 1932/7: 82; «Ако на някоја жена не траят децата, то, когато роди, ако е момче, крџцават го на името на майката, ако е момиче, крџцават го на бацата» — болгары-переселенцы из южной Фракии и Малой Азии, Вакарелски 1935: 320; «Aby deti nemreli, malo sa im dat' meno po matke» — словаки, Chorváthová 1984: 153), чтобы прекратить рождение девочек и родить в следующий раз мальчика или наоборот («Ако мајка рађа све женску децу, па жели родити мушко, последњем женском нека даде своје име и родиће мушко. Ако ли рађа све мушку децу, па ће рада имати женско, нека последњем мушком детету да мужевљево име и имаће онда женско» — Тимок, ГЕМБ 1933/8: 62; «Gde se rađaju samo ženska deca, daje se majčino ime zadnje rođenoj, da stane rođjanje devojaka» — Косово, Vukanović 1986/2: 229).

Имена родителей использовались и в качестве «временных», дававшихся младенцу сразу после рождения и употреблявшихся до крещения: «Ну, родзицца, дак природуха [повивальная бабка] ужэ його махае на руках, махае и гаворыць — як родзицца хлопчык, дак па бацьку па имью называе, а як родзицца дзевачка, дак па матке, як матка завецца. Як дзеўка, дак маці гукаиць на имя, як хлопец — дак бацька» (ПА, с. Жаховичи Мозырск. р-на Гомельск. обл.). У сербов Восточной Герцеговины ребенку мужского пола, рожденному после смерти отца, также дается имя отца, как это делается и в случае, когда в семье умирали мальчики (Филиповић 1967: 258). Так же поступали и сербы Косова, причем если после смерти отца рождалась девочка, ее не нарекали материнским именем (Vukanović 1986/2: 228).

Называние детей именами деда и бабушки, известное всем славянским традициям, регламентируется специальными правилами. У сербов и хорватов этими именами принято называть первого ребенка (особенно мальчика). В Косовском крае первому сыну дают имя деда по материнской линии, а первому ребенку-девочке — имя бабушки по материнской линии, тогда

как в районе Призрена имена даются только по родственникам отцовской линии (Vukanović 1986/2: 228). У болгар принято «подновлять» в семье имена предков старшего поколения, для чего первых детей называют по имени родителей отца, далее — по имени родителей матери или по имени кумовьев (Пловдивски край: 216–217; Добруджа: 271; Пирински край: 386; Странджа: 267; Кръстева 1996: 113). О магическом значении, приписываемом именам предков второго колена, свидетельствует и болгарский обычай, по которому ребенок, родившийся в семье, где «не живут» дети, должен обращаться к своим родителям, называя их соответственно дедом и бабой: «Когато на някога не живеят децата, то накарват това дете, което остане живо, като проговори, да казва на баща си вместо *tate* — *дядо* а на майка си вместо *nane* — *бабо*» (СБНУ 1891/6: 90). Вместе с тем в Западной Болгарии, по свидетельству Д. Маринова, «очень редко при крещении детей нарекали именами деда и бабки и еще реже — именами отца и матери» (Маринов 1984: 503).

У русских был обычай первому сыну давать имя деда с отцовской стороны, второму — имя деда с материнской стороны, третьему — имя отца; аналогично девочек нарекали именами бабушек и матери (Носова 1993: 32). Крестьяне Владимирской губ. обыкновенно называли именами дедушек и бабушек первых детей; если же дети в семье умирали, то просили священника дать новорожденному ребенку имя «похитрее», например, *Цихердон* (БВКЗ: 141). Необычные, редкие или забытые, старинные имена могли, по верованиям полешуков, предотвратить смерть новорожденного в семье, где умирали дети; для этого родители должны были еще до зачатия ребенка вспомнить и назвать «даўние, даўние имена: Ёўхим, Ёўхимья, Гордзей, Захар» (ПА, с. Оздамичи Столинск. р-на Брест. обл.). С той же целью полешуки просили священника дать новорожденному младенцу имя *Адам* или *Ева* (причем в этом случае приглашали в восприемники брата и сестру) — Петриков Мозырск. у. (Шейн 1902/3: 391; см. также Кабакова 1994: 316), а сербы Косова (район Призрена) ребенка, родившегося в семье, где умирали дети, называли именем самого старого человека во всей округе, «*da bi dete imalo dug vek*», или же именем, «которого нет в селе», «*da bi ostalo živo i dugovečno*» (Vukanović 1986/2: 229). В некоторых болгарских селах Пловдивского края при крещении ре-

бенка из семьи, где умирали дети, новый кум давал ему *ляво име* (букв. «левое имя») — имя, которое не встречается в селе (Пловдивски край: 218; ср. еще Странджа: 267).

По свидетельству Й. Миодраговича, сербы вообще избегали давать детям имена, которые были в обиходе в данном селе, считая, что повторение имени наносит ущерб его прежнему носителю; он приводит характерный рассказ на эту тему: «Когда меня назвали Станко, один наш сосед, которого звали так же, рассердился, и когда позже у него родился сын, то он назвал его Ново — именем моего отца, чтобы ему отомстить» (Миодраговић 1914: 79). Редкое (уникальное, старинное, библейское и т. п.) имя должно было, по народным представлениям, обеспечить новорожденному заступничество предков перед лицом грозящей ему смерти. Вместе с тем такие имена могли восприниматься как «чужие», тогда их магический смысл заключался в «обмане» нечистой силы, болезней, смерти и тем самым в отстранении опасности от ребенка. С той же «обманной» целью православные сербы, чтобы остановить детскую смертность, нарекали детей мусульманскими именами (ГЕМБ 1936/11: 60; Филиповић 1967: 258, 312; Барјактаровић 1962: 235–236), так же как и мусульмане — сербскими именами (Филиповић 1951: 124).

Тот же магический смысл придавался случайному имени. Во всех славянских традициях для защиты младенца, родившегося слабым или появившегося на свет после смерти предыдущих детей, прибегали к имянаречению по первому встречному, которого и приглашали в кумовья (наряду с другими магическими действиями, см. Толстая 1992): «Говораць, шоб кого стренеш, таке и имя давай: ци Ивана, Съцепана, кого стренеш. Як выйдзеш с хаты, кого первого стренеш. Старинные людзи говораць, шо так добре» (ПА, с. Оздамичи Столин. р-на Брест. обл.). Этот способ выбора имени мог применяться и превентивно: «В старину бегали за ворота и спрашивали первого встречного или встречную, смотря по полу ребенка, и как встречному лицу было имя, такое и давали новорожденному, веря, что дитя будет от того иметь счастливую будущность» (Забылин 1880: 267; см. также БВКЗ: 132).

При выборе имени для новорожденного соблюдались определенные правила и запреты (не совпадающие в разных тради-

циях) относительно повторения имени в семье или роде. Широко распространено представление о том, что «давать имя на имя», т.е. называть ребенка так же, как уже зовут кого-то из домашних, опасно, т.к. «один из тезок сживет со свету другого: дали имя на имя, вот Мария Марию и выжила» (д. Шухободь Череповецк. р-на Вологодск. обл., Брагина 1980: 93). Болгары Баната также считали, что «не е хубаво в къщата да има няколко души с едно име, защото единият ще умре» (СБНУ 1963/51: 215); того же мнения придерживались македонцы из окрестностей Охрида: «Нефела двама в една къща да носят едно име. Ако се случи да кръстят някое дете с името на някога от членове на фамилията, без друго един от двамата щял да умре. Много се стараят да не се случи това» (СБНУ 1898/15: 69, см. также Цепенков 1980/9: 59; Вукановић 1940: 57), так же как и поляки, жившие в долине Рабы: «Nie należą na chrzcie dawać jednego i tego samego imienia dwojgu dzieciom w rodzinie, boby w skutek tego jedno z nich się nie chowało» (Świątek 1893: 604). Подобные запреты очевидным образом противоречили обычаю называть младенцев именами родителей, и, возможно, это еще одно подтверждение тому, что имена родителей изначально использовались для называния детей в специальных случаях (в отличие от имен старших предков, которым приписывалось общее положительное значение). В тех же особых случаях допускалось и повторение имен вообще, т.е. не только родительских. Ср. закарпатские наблюдения П. П. Чучки: «у селі Новоселиці Міжгірського р-ну в 9-членній сім'ї Юрія Черничка, окрім матері Анни, є ще дві дочки Анни (власне, Анна та Анця). Старожили цього села переконували нас у тому, що молодшу дочку Анцею назвали з тим, щоб у сім'ї більше дівчат уже не народжувалося, а щоб народжувалися хлопці. Цікаво відзначити, що повторне надання того ж самого імені двом братам на Закарпатті спостерегається надто рідко. У багатьох селах пояснюють, що повторне надавання того ж самого імені в одній сім'ї здійснюється для того, щоб ця дитина вмерла. Ще в інших селах, навпаки, вважають, що повторне ім'я серед дітей одної родини — це засіб забезпечення міцного здоров'я цій дитині» (Чучка 1970: 47). Последнее представление, согласно которому носитель «повторного» имени наделяется вместе с именем крепким здоровьем, по-видимому, было характерно и для рус-

ских, широко практиковавших повторное имянаречение. Повторение имени, естественно, могло происходить и при строгом следовании святцам, т. е. при календарном имянаречении. Так, в Череповецком у. Новгородской губ., «если в семье было несколько сестер с одинаковыми именами, младшую прозывали *мальга* — *Анка-мальга*, а если несколько братьев, младший был *марыш*. Младенца ласково называли *мусинка*» (Герасимов 1910: 67).

Другой вопрос — можно ли новорожденному давать имя умершего прежде ребенка или другого члена семьи. По обычаю сербов из Восточной Герцеговины, личное имя должно как можно дольше сохраняться в семье, поэтому детей охотно нарекали именами умерших родственников (Филиповић 1967: 258), в том числе умерших детей тех же родителей (там же: 324). В Славонии при наречении младенцев не следовали строго календарю, а давали имена кума или кумы, деда или же имя последнего умершего члена семьи или последней вышедшей замуж, т. е. ушедшей из семьи («умершей» для семьи) девушки (Піс 1846: 26 или Ђорђевић 1941: 197). Напротив, в Полесье избегали называть детей именами умерших из опасения, что ребенок тоже умрет (ПА, с. Спорово Малоритск. р-на Брест. обл.); в особенности боялись имени утопленника (как родственника, так и чужого — ПА, с. Оздамичи Столинск. р-на Брест. обл.). Болгары в Страндже именем умершего не называли только первого ребенка в семье (Странджа: 267).

Вера в то, что носители одного имени имеют одинаковую судьбу или сходство характеров, лежит в основе известных запретов называть новорожденных именами, которые носят или носили слабоумные, воры, пьяницы и т. п.: «Кали љ селе есьць яки дурны або пьяница, або злодзей, то ни можна его имена даваць дзицяци, бо ено такое самое былоб» (Federowski 1897: № 1644). О дурном человеке говорили: «А, Боже мой, на цо ему такое име дали? Жеб ему инне дали, може былбы лепшы» (там же: № 1655). В одном из сербских народных рассказов, записанных Вуком Врчевичем, сообщается о жителях сербского села Побора, которые на своем общественном суде запретили давать новорожденным имя Лазар, т. к. носитель этого имени, их односельчанин Лазар Иванов опорочил это имя своим недостойным поведением в сражении. И с тех пор в этом селе имя Лазар исчезло из употребления (Ђорђевић 1941: 202).

Повсеместно распространенное верование в общность судьбы близнецов (см. СД I: 191–193) отражено в южнославянском обычае нарекать их близкими по звучанию и/или по смыслу (часто — этимологически родственными) именами, например, *Драго* и *Драгица*; *Драгица* и *Милорад*; *Мирко* и *Маринко*; *Ратка* и *Ранка* и т. п. (Филиповић 1967: 305, 312; Пловдивски край: 218; Родопи: 142) или хотя бы именами, начинающимися с одной буквы (Вукановић 1940: 58). В Верхнем Полимле считали, что «парные» имена (*Илија*— *Илинка*, *Станоје* — *Станојка*, *Јован* — *Јованка* и т. п.) жениха и невесты обеспечивают удачный брак и согласие между супругами, и руководствовались этим при выборе брачного партнера (ГЕМБ 1973/36: 68).

Рассмотренные выше способы имянаречения основаны на магии референциальных свойств имени, т. е. на апелляции к известным носителям выбираемого имени с целью передачи вновь нарекаемому их качеств, их жизненной силы, их судьбы или получения их заступничества, а в случае «отрицательной» коннотации — с целью обмана злых сил, укрытия ребенка от опасности. В этом отношении имена животных, используемые у славян в качестве антропонимов (особенно широко и вплоть до нашего времени у сербов: *Вук*¹⁶, *Вучко*, *Вукадин*, *Вукосав*, *Голуб*, *Видра*, *Јеж*, *Кошута* 'лань, самка оленя', *Гугутка*, *Паун*, *Пауна*, *Орао*, *Соко*, *Соколина* и т. п. — Вукановић 1940: 61–64), несут двойственный характер, т. к. сочетают в себе «положительную» магию (через «призывание» свойств соответствующих животных — силы и неуязвимости волка, кротости и благородства голубя и т. д.) и «отрицательную» (обман опасности, причисление ребенка к «дикой» природе и т. п.). То же можно сказать и о других «природных» именах, обозначающих растения (*Перун*, *Перуника*, *Ружа*, *Трендафил*, *Дренка*, *Љильана*, *Цвета* и т. д.), небесные тела и явления (*Звезда*, *Зора*, *Роса*, *Сунчица*), металлы (*Злата*, *Гвозден*, *Сребра*) (Вукановић 1940). Само имя в подобных случаях не обладает магической силой, оно лишь отсылает к референту как магическому «прецеденту», защитнику или «образцу».

Другой тип — собственно «ономастическая магия» — представлен такими способами имянаречения, когда выбор имени определяется не свойствами референта, а «семантикой» или мифопоэтическими коннотациями самого антропонима.

Наиболее яркий пример этого типа — так называемые *останавливающие* имена в антропонимии южных славян. К ним относятся имена, этимологически связанные с корнем **sta-* 'стоять, стать, остановиться': *Стана, Станка, Станица, Станимирка, Стојко, Стојан, Станислав, Станија, Стамена, Доста* (букв. 'хватит') и т.п., которые употреблялись главным образом в двух случаях — когда в семье умирали дети и необходимо было «остановить» смерть, и когда в семье рождались подряд девочки (реже — когда рождались мальчики), и родители хотели «остановить» рождение девочек или рождение детей вообще. Приведем лишь несколько из многочисленных в южнославянской этнографической литературе свидетельств о таком имянаречении. У болгар Панагюриште, «в случаи, когато на някоя майка умирали децата, обикновено кръщавали детето *Стоян, Стояна, Запрян*, за да *стои* здраво и живо, да *запре* умирането» (Вакарелски 1961: 60). Так же в сербском крае Косово «ako umiru muška deca, da oстане живо, detetu se daje neko od ovih imena: *Stojko, Stanko, Stanojko*»; «koja žena rađa žensku decu, da prestane sa njihovim rađanjem i da rodi muško dete, zadnje rođenoj devojčici daje jedno od ovih imena: *Stana, Stanislava, Stanica, Stojna*. Slično tome se običava širom kosovskih zemalja» (Vukanović 1986/2: 229). В Македонии (Долновардарско) «на тиа, що не им трайѓт, т.е. им умираат децата, кога им се роди некое дете, му клават три имијна: *Стоян да стое, Траян да трае, Стојко да стое*, от които последното му устануве обикновено. А кога е мома, и велјат: *Стојанка, Трајанка, Стојка*» (МП 1931/6/4: 96).

Тот же принцип «этимологической магии» (см. Толстые 1988) действует при наречении детей благопожелательными именами — *Живко, Здравко, Срећко* и т.п.: «Ко жели да му мушко дијете живи, и да му се не боји, ваља му нађести име *Живко*, т.ј. да живи» (Грбље, СЕЗБ 1934/50: 19); «Деци се дају следећа имена: *Живко да дуго живи, Срећко да буде срећан у животу, Гвозден, Каменко, Трњина* — да буде отпорно и јако» (ГЕМБ 1984/48: 229). Подобных свидетельств в сербской этнографической литературе немало.

К «семантическому» (или «апеллятивному») имянаречению относятся также случаи называния ребенка именами, отражающими обстоятельства его появления на свет. Так, детей, родившихся в воскресенье, сербы нередко называли *Неделько, Неда*,

родившихся в среду — *Средоје*, родившихся в пятницу — *Петко*, *Петкана*, родившихся с шестью пальцами — *Шесто*, *Шеста* (Филиповић 1967: 259). Детей, подвергшихся магическому обряду «подбрасывания» на перекресток, на дорогу (с тем, чтобы их нашел случайный прохожий, который и становился кумом ребенка) или символической «продажи» в другую, благополучную семью, называли именами *Најден*, *Најда*, *Најденко*, *Продан* и т.п. (подробнее см. Толстая 1997). Наконец, отвращающие, «некрасивые» имена, например серб. *Гадић*, *Гнуса*, *Грдоња*, давались детям с целью защитить их от нечистой силы, болезней, сглаза (Чажкановић 1923: 160).

Табуирование и сокрытие имени

В традиционной народной культуре личное имя имеет две основные функции — социальную, служащую для идентификации его носителя среди окружающих, и мифологическую, регулирующую отношения человека с природой, космосом и сверхъестественным миром. Имя становится полноправным представителем (заместителем) человека перед лицом высших, божественных, небесных защитников, но оно же открывает его опасным, демоническим, потусторонним враждебным силам. В нормальном случае обе эти функции исполняются одним, «настоящим» именем (чаще всего — данным при крещении), но при особых обстоятельствах, требующих защиты человека от грозящей ему опасности, эти функции разделяются, и каждая закрепляется за отдельным антропонимом. «Настоящее» имя табуируется и скрывается, а в повседневной жизни используется другое, «ложное», временное, магическое имя, защищающее человека и отвещающее от него опасность. Русские в старину «до некоторого времени скрывали имя младенца, заменяя его ложным чьим-либо именем, чтобы колдун не испортил или не превратил в оборотня» (Забьлин 1880: 267). По свидетельству А. Н. Афанасьева, «народ верит, что колдун, зная имя человека, может сделать его оборотнем, а потому имя, данное при крещении, надо скрывать, называясь другим» (Афанасьев 1996: 83). В Заонежье «на семейном совете принималось иногда решение о том, что новорожденный будет иметь два имени. Нареченное попом всю жизнь хранили в тайне, а ребенок носил имя, избранное на совете.

Делалось это с расчетом на возможную порчу, которую колдуны и недоброжелатели будут насылать на ложное имя, что, согласно заонежским поверьям, не сможет человеку причинить никакого вреда» (Логинов 1993: 61).

Обычай сокрытия истинного имени был широко распространен у сербов, особенно среди семей, где «не держались» дети. Данное при крещении имя скрывалось в течение определенного срока — от нескольких дней до многих лет (до поступления в школу, ухода в армию, вступления в брак), иногда имя не раскрывалось до самой смерти. В Западной Сербии, в Ужицком крае «случалось, что когда в селе умирал старый человек, никто не знал его настоящего имени, потому что те, кто его знал (кум и родители), давно умерли» (ГЕМБ 1984/48: 229–230). В Пиротской округе имя ребенка не раскрывали в течение недели: «Его надо было звать иначе, не так, как его окрестили, чтобы защитить от сглаза. Это особенно полезно тем, у кого „не держатся“ дети» (Ђорђевић 1938: 116–117). Год или несколько лет скрывали крестильное имя сербы Косова, употребляя вместо него какое-нибудь *милосно* (ласковое, нежное) имя и веря, что от этого ребенок будет долго жить (Vukanović 1986/2: 229). Напротив, в области Гружа настоящее имя заменяли «отвратительными» и тем самым отвращающими именами типа *гад, гадура, поганац, скот* и т. п., рассчитывая этим преградить путь вештицам, стремящимся в первые 40 дней навредить ребенку (Петровић 1948: 324). В районе среднего Потисья засвидетельствовано поверье, по которому в семье, где умирают дети, в случае рождения мальчика следует скрывать от матери его настоящее имя, причем сама мать старается всю жизнь не узнать его (Ђорђевић 1938: 117).

О прочности этой сербской традиции свидетельствует существование специального ритуала *казивање имена* (объявление имени), исполняемого после того, как истечет определенный обычаям срок сокрытия имени. По свидетельству С. Милосавлевича, относящемуся к началу нашего века (область Хомолье, Восточная Сербия), «от крещения может пройти несколько месяцев, а то и целый год, а в доме не знают истинного имени ребенка, данного ему при крещении, до тех пор, пока его родители не соберутся совершить ритуал *казивање имена*; до этого времени ребенка в доме называют именем, полученным от священника

(на молитви), или же сами дают ему имя *Миче, Диче, Бугарче, Влашче, Маче* и т. п.» (Милосављевић 1913: 102–103).

Во многих областях Болгарии тоже было принято скрывать имя новорожденного, но только до дня крещения, когда кум или повивальная бабка впервые называли ребенка его настоящим именем. В Пиринском крае дети-подростки, услышав в церкви на крещении имя ребенка, бежали поскорей сообщить его матери, за что первый прибежавший с этой новостью получал вознаграждение (Пирински край: 386). В Западной Болгарии имя ребенка не должен был знать никто, кроме кума, до определенного дня (обычно второго дня после крещения, когда совершался аналогичный сербскому ритуал объявления имени: *казванье името*). Если же имя становилось известно до этого, то ребенку, как и узнавшему имя, якобы грозила беда (Маринов 1984: 503). В Северной Болгарии известно поверие, по которому чем дольше скрывается имя ребенка, тем дольше он проживет (Свиштов, Никопол — Кръстева 1996: 118). В некоторых локальных традициях, где по обычаю ребенок получал имя кума или кумы (Оряхово, Разлог) и, следовательно, оно было известно, действовал запрет на называние этим именем ребенка до совершения обряда крещения (там же).

Имя ребенка подвергалось табу и в некоторых бытовых ситуациях. Его избегали сообщать чужим людям; сам по себе вопрос о том, как зовут ребенка, считался опасным для него, чреватым сглазом или порчей. На такой вопрос обычно не отвечали прямо, а пользовались специальными формулами, позволявшими избежать прямого ответа и называния имени (ср. общеизвестное табу на вопрос о том, куда человек идет, и соответствующие формулы-ответы типа «на *Кудыкину гору*», «*закудыкал — пути не будет*» и т. п.). Сербь Воеводины в таких случаях отвечали: «Сит певати, гладан плакати!» (букв. «Сыт петь, голоден плакать») (Ђорђевић 1941: 198). Даже знакомые и соседи, говоря или спрашивая о ребенке, остерегались называть его по имени, а употребляли магическое имя *Живко*, чтобы не навредить ребенку (СЕЗБ 1934/50: 32). Настоящее имя ребенка сербские матери никогда не произносили в бранных формулах и проклятиях, а заменяли его каким-нибудь «апеллятивным» именем, например, *Цръяче, Мрчане, Јадане*, чтобы проклятие не осуществилось (ГЕМБ 1936/11: 166).

Целый ряд ономастических табу и ограничений связан с институтом брака и семьи. После свадьбы женщина должна была соблюдать строгие правила именованья мужа, его родителей, братьев и сестер, исключая употребление их настоящих имен. Муж также не должен был называть жену ее личным именем. Этот обычай, имеющий, безусловно, древние корни и связанный прежде всего с представлением об опасности, исходящей от «чужого» лица (молодой жены, представляющей другой род), в той или иной степени известен всем славянам и сохраняется в некоторых особенностях взаимного именованья супругов вплоть до наших дней. В Сербии «старые женщины считали позором, если молодая жена назовет своего мужа по имени; сами они состарились, ни разу не назвав своих мужей по имени» (Милићевић 1894: 136–137). В Косовом Поле «не было принято в старину, чтобы женщина называла своего мужа по имени; вместо имени она говорила: *onaj, ovaj, starče, more, čoveku*. Если бы женщина назвала своего мужа по имени или если бы он назвал ее по имени, то, по народным верованиям, „лес бы на горах высох“ (*Gora će se osušiti*). Считалось позором и безобразием, если жена назовет мужа его настоящим именем, как и он ее. Она говорила о муже *он*, а муж о своей жене говорил *она*. Ее же спрашивали о муже: „Как твой хозяин?“, а его — „Как твоя хозяйка?“» (Vukanović 1986/2: 130).

В Гласинце один человек называл свою жену *Ђора* ‘кривая, одноглазая’ и считал, что это лучше, чем звать ее настоящим именем (Филиповић 1955: 135). По свидетельству И. С. Ястребова, «жены в Старой Сербии и Албании ни за что не произносят имена своих мужей перед мужчинами, потому что это считалось бы неприличным и безобразным. Если женщины здороваются, то о муже спрашивают так: како ти је домаћин?, т. е. как здоровье твоего хозяина, главы дома. Также и муж не произносит имени своей жены, а обозначает ее названием *домаћица*, т. е. хозяйка. Вместо этого титула слышится от мужа: *она*, т. е. его жена; и жена также вместо *домаћина* говорит *он, онај*, т. е. ее муж» (Ястребов 1886: 330).

Подобное именованье супругов в семье с использованием местоименных или близких к ним табуистических замен широко распространено у русских и других восточных славян вплоть до настоящего времени (*он, мой, мужик, хозяин, старый*, ср. укр. *чоловік* ‘муж’ и т. п.). Вместе с тем у русских крестьян,

по-видимому, не было столь строгого, как у сербов, табу на произнесение имени мужа и жены и даже, напротив, существовал обычай «величания», т. е. именованя мужа полным именем и отчеством, а жены — полным именем; гипокористические же формы исключались из употребления: «Уменьшительное имя бывшей девушки, а затем и ласкательное девушки-невесты, если она кратковременно таким положением пользовалась, в новой семейной обстановке скоро исключается из семейного обихода и заменяется более строгим обыкновенным полным именем; так, если девушка в родительском доме именовалась Аннушкой, а будучи невестой, называлась женихом Анютой или даже Нюрой, то став женой, она именуется мужем просто Анной. По имени и отчеству величать жену в крестьянской среде также не принято; женщин не величают, да и вообще жена считается „пониже мужика“. Что же касается мужа, то здесь наоборот — жену он заставляет себя „величать“, т. е. называть по полному имени и отчеству. <...> Не любит муж, когда жена называет его ласкательным именем, т. е. (по понятию крестьянина) „неполным“, как бы „детским“ именем или *полуимям*; ему „досадно от этого“ и если иной раз смелая жена продолжает называть его по-прежнему (как до замужества) ласкательным именем, то он ее „учит“, т. е. подвергает побоям, заставляя непременно „величать“. В селениях, ближе расположенных к культурным центрам, обычай этот начинает выводиться, но в глухих деревнях он соблюдается строго» (Завойко 1914: 160).

В сербской народной среде запрет на произнесение имени, соблюдаемый женщиной в семье мужа, распространяется также и на родственников мужа. В черногорском племени Кучи «ни одна женщина не станет называть кого-либо из родственников по имени, она говорит *ђевере* ('деверь'), а еще чаще — *брале* 'брат'» (Дучић 1931: 130). В области Гружа «принято, что молодая жена не называет домашних и их ближайших родственников их личными именами, а употребляет специальные «приятные» имена, называя деверей *Писар, Везир, Катан, Делибаша, Делија, Јаблан, Деспот, Господин, Голуб, Браца, Деша*; братьев отца — *Чиле, Чика*, свекра — *Дека, Бабо*; свекровь — *Мајка, Нака*; тетку — *Кека*, золовок — *Голубица, Сека, Сеја, Лепојка, Плавојка, Милостива, Сладунка, Славујка, Писарка, Бисерка, Шећерка, Руженка* и т. д.» (Петровић 1948: 285).

Табу подвергается имя покойника или умирающего: «имя покойника запрещено упоминать или во всяком случае его избегают; вместо имени говорят *покојник, јадник, веселник* и т. п.» (Чайкановић 1994/1: 174); «если же произнести настоящее имя умершего, то можно его этим вызвать» (там же: 183). В Западной Сербии (Ужице, Пожега) умирающего не смеют позвать по имени, чтобы душа его не «раздвоилась», т. е. чтобы не преградить путь выходящей из тела душе (ГЕМБ 1984/48: 280). Не произносили имя покойника и в поминальных ритуалах, а также вообще в период соблюдения траура. В Верхнем Полимле во время траура имя покойника вслух не произносилось. Его заменяли на *он (она), несчастный, бедняга, мертвец, «небило му тешко»* (чтоб ему было легко) или же просто *покойник (покойница)*. Если в каком-нибудь доме был ребенок, носивший то же имя, что и умерший сосед, то некоторое время этого ребенка называли каким-либо прозвищем, чтобы произнесением имени покойника не навредить его ближайшим родственникам (ГЕМБ 49: 190).

У черногорцев племени Кучи имя погибшего считалось опасным; чтобы его не произносить, родственника погибшего, носившего то же имя, переименовывали и в течение семи лет называли другим именем, которое обычно сохранялось за ним на всю оставшуюся жизнь (СЕЗБ 1907/8: 269; Ђорђевић 1941: 201). В Западной Белоруссии избегали на поминках называть имена умерших из опасения, что умершие могут ночью прийти (Federowski 1897: № 1242).

Сербы избегали также упоминания имен тех, кого считали обладателями «дурного глаза», веря, что одно лишь произнесение опасного имени способно нанести вред, особенно ребенку (Ђорђевић 1938: 42).

Имя в ритуале

Отношением к личному имени как заместителю человека объясняется широкое использование имени в магической практике, во-первых, в качестве объекта магических операций, посредника, с помощью которого можно воздействовать на носителя имени; во-вторых, в качестве инструмента магии, сакрализующего совершаемые действия и применяемые при этом

орудия и повышающие их эффективность. В первом случае магия направлена на носителя имени и осуществляется через его имя (операцию над именем); во втором — магия осуществляется с участием носителя имени и посредством самого имени; объектом же воздействия является другое лицо.

Болезнь, особенно болезнь ребенка, нередко объяснялась неправильно выбранным или «испорченным» именем, поэтому перемена имени (или «перекрещивание») во многих славянских традициях использовалась в народной медицине как средство «перерождения» человека, расторжения его связи с болезнью и обмана демонических сил, насылающих болезнь. В Боснии и Герцеговине часто болеющего ребенка родители нарекали новым именем ради его избавления от болезни (Ђорђевић 1941: 201). В Подринье (Западная Сербия) ребенка, страдающего падучей, переименовывали в *Вука* или *Вукосаву*, а македонцы, жившие на Охридском озере, давали больным «старозаветные» имена (Барјактаровић 1962: 236). Украинцы Закарпатья больного (*кволого*) ребенка «продавали» в семью, где дети росли здоровыми, и при этом нарекали его новым, защитным, «защитным» именем или просто переименовывали (например, с *Петрика* на *Василька*), «і з того часу як домашні, так і сусіди дитину називали вже тільки цим новим для неї іменем» (Чучка 1970: 43–44). Аналогичный обряд «продажи» больного ребенка совершался в сев.-вост. Боснии, при этом «имя по крещению» заменялось новым, «именем по болезни» (Filipović 1969: 104).

Превентивно к переименованию прибегали в семьях, где умирали дети. В Восточной Герцеговине «если у кого-нибудь не держатся дети, а один ребенок все-таки останется в живых, то его не называют именем, полученным при крещении, а меняют ему имя. <...> У православных часто имя ребенка в семье, где не держатся дети, табуируется, а ребенка называют мусульманским именем, обычно *Муџо*» (Филиповић 1967: 258). В сербском крае Гружа, «согласно народному преданию, существовал обычай повторного крещения больного, чтобы новым именем преградить путь длительной или наследственной болезни, которую народ представлял себе неким живым существом, внедряющимся в тело человека и грызущим его. Перекрещивали также детей, если у родителей „не держались“ дети. Поэтому, говорят, в старое время люди носили по два имени.

Перекрещивали и тех, кто женился в глубокой старости, или тех, кого женили в четвертый раз» (Петровић 1948: 263). В последних двух случаях перемены имени преодолевался запрет на соответствующие акты. Старый человек становился «новым», т.е. молодым, а трижды женатый — «новым», т.е. холостым.

У южных славян переименование как защитное средство применялось и во многих других случаях, в частности при переезде из одной области (края) в другую¹⁷ (в том числе и для освобождения себя от греха, который якобы оставался на старом имени), поэтому наличие двух имен у человека, «настоящего» (ср. др.-рус. *прямое имя*), т.е. крестильного, и домашнего, полученного до крещения, или — крестильного и вторичного, «по болезни» или другому случаю, было обычным делом. Столь же обычным было двойное именование (христианским и «народным» именем) в православной церковной и монастырской среде (Вукановић 1940), известное также другим народам, в частности русскому (ср. в Поучении Владимира Мономаха: «в крещеніи Василии, Русьскымъ именемъ Володимиръ»), где оно, однако, имеет свои культурно-исторические причины и объяснения (см. Успенский 1996). Ср. еще древнерусское «княже имя», присваивавшееся наряду с христианским: «родися оу Игоря снъ и нарекоша имя ему въ крщ(е)ньи Андрѣянь а княжее Ст̄славъ» (Ипатьевская летопись, 1177. См. СДРЯ IV: 361).

Переименование могло быть составной частью инициационного ритуала. Среди украинских ремесленников-гончаров был распространен обряд переименования (наделения новой фамилией или именем) при посвящении в подмастерья молодых работников (Балушок 1993: 69). Тот же смысл «перерождения» имело переименование при пострижении в монахи, при рукоположении, при крещении у русских раскольников-бегунов перед смертью или уходом из мира (На путях из Земли Пермской в Сибирь: 294) и других подобных случаях.

Переименование как магический прием, неразрывно связанный с явлением языкового табу, широко применяется и вне сферы антропонимии, в частности при именовании животных в скотоводческой магии. Так, для защиты коров от нечистой силы в купальскую ночь витебские крестьяне их переименовывали: «Выкликаю поименно чужих коров, молочные ведьмы водят по росе цедилкою... Для предупреждения такого чаровства

нужно переименовать коровьи клички при утреннем выгоне скота в поле накануне Купалы...» (Никифоровский 1897: № 1968). Переименование применялось и при лечении скота: «Станешь корову лечить, назови *Анной*, а лошадь *Гаўрилой*, а другим именем назовешь, проку никакого не будзець» (Бельский у. Смолен. губ. — Шейн 1893: 553). Подобные магические функции имеет и «оказиональная» номинация, т. е. ритуальное переименование на срок исполнения какого-нибудь обряда или в целях оберега. Ср. у сербов название полазника (первого посетителя на Рождество) именем *Радован* все то время, пока он находится в доме (ГЕИ 1971/16–18: 141), так же могут называть в течение трех рождественских дней коня и вола (Попово Поле — Marković 1940: 53). На Витебщине «вредных в хозяйственном быту животных в Рождество Христово нужно называть не их собственными именами, а другими. Так, например, воробьев следует называть *слепцами*, чтобы летом они не видели посевов; крыс и мышей — *панночками*; ворон и ястребов — *голубьями*, волков — *колядниками* и проч. В таком случае эти животные не будут вредить в свое время» (Никифоровский 1897: 228).

Еще одним видом «ономастической магии» является инвокация — речевой акт, состоящий в произнесении имени; зов, призывание, окликание по имени. У восточных славян существует обычай «окликания ребенка», если при рождении он не обнаруживает признаков жизни. На Русском Севере ребенка сначала окликали именами родственников, а затем остальными именами. Имя, при котором он оживал, оставалось его именем (ЭО 1890/1: 50). Украинцы «откликали» мертворожденного ребенка, чтобы вернуть его к жизни: повитуха кричала ему на ухо различные имена, в зависимости от пола — мужские или женские (Talko-Нгупсеwicz 1893: 93). Чаще всего выкрикивали в таких случаях имена отца или матери: «Если сейчас же после рождения ребенок задыхается, то мальчику кричат на ухо имя отца, а девочке — имя матери» (Чубинский 1877/4: 5). В южнорусских областях обычай сохранился до наших дней, ср. экспедиционную запись 1996 года: «У сестры родилась двойня. Мальчик никак в себя не приходил. Бабушка его окликала в окно. Дитя положили на лавке. Баба вышла на улицу и через окно звала по именам: *Иван*, *Фома*, разные имена. Богу молилась, а сама окликала, пока на Яшу не пошевелил пальчиками

на ручках. Так и стал Яшей» (Власкина 1998: 16). Ср. еще свидетельство из Астраханской губ.: «При разрешении ежели ребенок не подает голоса и без чувств, бабка топает ногою и взывает отцово имя, отчего малютка должен показать признаки жизни» (Зеленин 1914/1: 57).

У сербов произнесением имени отца лечили судорогу: «Если кого-нибудь схватит судорога, пусть сразу скажет: „Моего отца зовут Тодор!“ и судорога отпустит» (Милићевић 1894: 308). Сербские овцеводы окликиванием возвращают в чувство потерявшую сознание роженицу: кто-нибудь из мужчин лезет на крышу, стреляет из ружья и громко произносит имя роженицы (Антонијевић 1982: 58). У восточных славян, чтобы поскорее забыть покойного мужа, вдова громко кричит его имя в печную трубу (Гура, Кабакова 1995: 294).

Окликание применяется и в скотоводческой магии. У русских известен обычай, по которому хозяйка поутру в Великий четверг «в дымное окошко „кличет скот“ во двор свойственной каждой породе кличкой до тех пор, пока какое-нибудь животное случайно не подаст своего голоса, пока, например, корова не смычит..., что принимается за верный признак, что в наступающем году не падет ни одно животное той породы» (Забылин 1880: 50). В Вологодской губ. в тот же день «хозяйка в открытую трубу перекликает поименно всю скотину по кличкам ее, а хозяин на улице подражает голосу каждого выкликаемого животного: чтобы скотина держалась дому и не отставала от стада» (Зеленин 1914/1: 261). В Волынском Полесье окликиванием призывают пропавшую скотину: «Круз комын клычуть, одсунуть комына и клычуть, яка там, як йи называют, так и звать — Маня, чы Била, чы Раба. Гукають, клычуть» (ПА, с. Речица Ратновск. р-на Волынск. обл.).

Окликание приписывается также нечистой силе, которая, по народным представлениям, не может навести порчу на человека, если не знает его имени (ср. рус. диал. *закликуха*, *кликуха*, *выкликуха* и т. п. 'ведьма, «окликающая коров» и отбирающая у них молоко', 'колдунья' — Власова 1995: 150; бел. *кликунш* 'дух, кличущий в лесу или в доме; на его зов нельзя отзываться' — Носович 1870: 236). «По славянскому поверью, нечистый дух Мара носит свою голову под рукою и блуждает ночью под окнами изб, произнося имена хозяев и домашних:

кто из них отзовется на голос Мары, тот умрет» (Афанасьев 1996: 294). Полесская русалка «нарочно перечисляет популярные мужские имена для того, чтобы попасть на имя приведенного в лес какой-нибудь крайнею нуждой человека. Пока человек, названный по имени, не откликнется, русалка с ним ничего не поделает» (Зеленин 1995: 162). Так же и западнорусские (калужские и смоленские) русалки «нападают только на тех, кто отзовется на их зов» (там же: 228, 258). Вера в то, что для наведения порчи на человека необходимо знать и назвать его имя, лежит в основе ономастических табу и обычаев двойного именованья, перемены имени и т. п., о которых говорилось выше. Но знание имени — не только необходимое условие злокозненных действий мифологических персонажей; имя может полностью заменять человека или животное, и порча может наводиться «на имя» (см., например, Зиновьев 1987: 129; Ђорђевић 1938: 65).

Сербы верят, что молоко у чужой коровы можно отнять и на расстоянии, не приближаясь к ней. Для этого надо, доя свою корову, говорить: «Я дою такую-то корову», называя ее имя (ГЕМБ 1984/48: 355–356). В Лесковацкой Мораве на праздник Крещение (*Водици*) совершается обряд «изгнания блох» с помощью заклинания, в котором блохи отсылаются «на имя, которое в селе никто не носит» (т. е. за пределы села, в никуда) (Ђорђевић 1958а: 357). В данном случае имя полностью порывает со своим денотатом и из посредника превращается в самостоятельный объект магии.

У южных славян выкликание собственного имени, «самозов» считается эффективным оберегом от змей. Весной, когда человек впервые увидит змею, он должен громко выкрикнуть свое имя, чтобы весь год змеи держались от него на расстоянии слышимости его голоса. Имя, таким образом, становится опознавательным знаком своего, защищенного пространства. Иногда такой самозов приурочен к одному из весенних праздников — дню св. Евдокии (1. III), Тодорову дню (первой субботе Великого поста) и др. В Пожаревацком крае, недалеко от Белграда, в день св. Тодора или св. Иеремии (1. V) брали три камушка, бросали их на три стороны и трижды выкрикивали свои имена, чтобы целый год не видеть змей (Ђорђевић 1958/2: 141). В Македонии в день св. Евдокии или Сорока мучеников (9. III) девушки собирались возле змеиной норы и выкрикивали свои имена (Ђорђевић

1958/2: 170). Эта магия основана на представлении о том, что каждый человек имеет одноименную с ним змею, которую опасно убить и от которой можно защититься самозовом (там же: 160). Выкрикиванием своего имени в Метохии лечили также испуг, вызванный змеей или другим гадом (Радуновић 1988: 328).

У восточных славян известны лишь единичные свидетельства об использовании своего собственного имени в качестве оберега. Так, в свадебном обряде русских Владимирской губ. молодых по приезде из церкви «сажают на стул, закрывают сзади полотенцем и заставляют смотреть в зеркало — подарок жениха. Сваха спрашивает, кого они увидели, а молодые называют свои имена» (БВКЗ: 254).

Магическая сила приписывается в народной традиции именам умерших (особенно утопленников), посредством которых как бы испрашивается помощь и защита самих покойных предков, в том числе «нечистых», «заложных» покойников, от которых зависит земной порядок и благополучие людей. По полесским представлениям, при встрече с волком надо назвать имена трех (или девяти) умерших родственников, и тогда волк не тронет (ПЭС: 135). При встрече с русалкой также в качестве оберега следует «читать молитвы и мѣртвых вспоминать, имена называют — Виталий чи Татьяна, Маруся...» (ПА, с. Олбин Козелецк. р-на Черниговск. обл.). В случае пожара рекомендуется трижды обежать дом, выкрикивая имена двенадцати утопленников, тогда якобы огонь не распространится, а пойдет столбом вверх (ПА, с. Голубица Петриковск. р-на Гомельск. обл.). Женщина, чтобы не приспать ребенка, «спомынае тры топлѣныкы на мя, як звуца» (ПА, с. Чудель Сарненск. р-на Ровенск. обл.). К утопленникам в Полесье и у южных славян обращались по имени с заклинаниями и мольбами об отвращении от села градовой тучи; в случае засухи — о ниспослании дождя, о чем нам уже приходилось неоднократно писать (см. Толстые 1978; 1981).

Характерное для народной традиции представление о сокровенной связи между именем и человеком и, как следствие, между людьми, носящими одно и то же имя, порождает особый вид ономастической магии, основанный на тождестве имен. Лица, одинаково названные, наделяются не только общим характером и общей судьбой, но и способностью особым образом взаимодействовать друг с другом в магических операциях; они

считаются наиболее подходящими, оптимальными партнерами, обеспечивающими максимальный эффект как в случаях, когда один из них является субъектом, а другой — объектом магического действия, так и в случае, когда одноименные исполнители объединяют свои усилия, направленные на третьих лиц. В народной медицине хорватов (Доня Стубица) детская болезнь *siputi* (род астмы) лечится следующим образом: приглашается мужчина, носящий то же имя, что и ребенок; он вращает каменный жернов, а женщина обносит ребенка вокруг жерновов и трижды спрашивает: «Что ты делаешь?», на что мужчина трижды отвечает: «Мелю *siputi* этого ребенка!» (NU 1973/10: 170). Подобное условие соблюдается во врачебной магии у русских Шекснинского р-на Вологодской обл.: для лечения «могильной косточки» (опухоли на суставе) берут землю с могилы человека, имя которого совпадает с именем желающего избавиться от опухоли (Брагина 1980: 70–71).

Многие магические действия, особенно в южнославянской обрядовой традиции, для того, чтобы они были результативны, предписывалось совершать лицам с одинаковыми именами — «именякам» (одноименникам, тезкам). Болгары в Родобах считали, что уберечь новорожденного от смерти в семье, где умирали дети, можно специальным обрядом изготовления за одну ночь рубашечки и повойника, причем делать это должны женщины, удовлетворяющие определенным условиям, в том числе — «две или семь женщин с одинаковыми именами» (Родопи: 142). В селе Граматиково (Бургасский округ, Странджа) в Великий четверг совершался известный всем славянам обряд «пугания» топором неплодоносящих деревьев в саду, но исполнять его должны были два человека с одинаковыми именами (архивная запись И. Георгиевой: Архив ЕИМ, № 576–II). У сербов области Гружа опахивание села в случае эпидемии производили братья-близнецы или «чистые» парни-«именяки» (тезки) (Петровић 1948: 320). В окрестностях Белграда (Бели Поток) неженатые парни-тезки разводили «живой огонь», через который прогоняли скот, чтобы прекратить падеж (Тројановић 1930: 65). Сербской роженице, у которой не было молока, предписывалось взять воду у девяти женщин по имени *Марија* и затем каждое утро в течение девяти дней пить эту воду натошак до восхода солнца (СЕЗБ 1934/50: 9). Девушки Силезии на св. Варвару (4. XII) гадали о замужестве:

трясли забор и слушали, откуда залает собака. Забор должен быть поставлен отцом и сыном, и они должны быть одного крестного имени (Роѓрич 1987: 20).

Магической силой обладало, по верованиям южных славян, и единственное (редкое) имя. В Пиринском крае (с. Габрене) «живой огонь», через который прогоняли скот во время эпидемии, должны были разводиться два мужчины «с само име», т. е. с именами, которые в селе больше никто не носит (Пирински край: 475). В Гевгелии девушки для своей ворожбы накануне Тодоровой субботы должны были украсть пшеницы из подноса (миски) девушки или женщины, в семье которой есть «единственное», т. е. не повторяющееся в селе, имя (Тановић 1927: 43). В болгарской народной медицине совершение тех или иных магических лечебных действий (протаскивание больного через особую рубаху, мазание дегтем и др.) поручалось людям (женщинам) с «единственными» именами (БФ 1993/1: 100). В обряде Иванова дня на роль главного персонажа (Еньова буля) избиралась девочка, имя которой в селе не повторяется (Ново-Загорско).

Выше уже говорилось о магической роли «останавливающих» имен при имянаречении. Эти имена часто использовались и в ритуалах защитного характера, долженствующих остановить или предотвратить болезнь, мор, стихийное бедствие и подобные беды (см. Толстой 1994). У сербов в семьях, где «не держались» дети, не только новорожденного следовало называть «останавливающим» именем *Станоје*, *Станко* и т. п.), но и специальный ритуал такого имянаречения должны были исполнять лица с «останавливающими» именами. В окрестностях Сврлига (с. Мечи До) в доме, где дети «не держатся», ребенка сразу же по рождении «немолитвенно» (т. е. дома, а не в церкви) крестят и затем относят на *столован камен* (камень-валун), на котором ему прокалывают уши и вдевают в ухо серьгу. Этот магический ритуал производит женщина по имени *Стана* или *Станка* (Петровић 1992: 71).

В Лесковацкой Мораве также относили ребенка на *камен-станац* и звали кого-нибудь из жителей села, чтобы тот дал ребенку имя. Это лицо должно было носить *становито*, т. е. «останавливающее» имя: *Стојан*, *Станијан*, *Станко* (Ђорђевић 1958а: 406). Девушка по имени *Стана* должна была начать

тканье обыденной пеленки, которую за одну ночь изготавливали девять девушек, специально приглашенных в дом, где «не держатся» дети (Ястребов 1886: 456). Во Враньском Поморавье ребенка лечили водой, взятой с трех бродов, в которую три вдовы по имени *Стана* должны были бросить серебряную монету. Там же больного ребенка протаскивали через *Станин* и *Стојанов* рукав (СЕЗБ 1984/86: 428). В области Тимок первую пряжу, выпряденную девочкой по имени *Стана*, сохраняли как лечебное средство от болезней горла (ГЕМБ 1933/8: 62). Людям с «останавливающими» именами у сербов часто поручалось исполнение ответственных ритуалов по защите села от чумы, мора, града, бури и т. п. В западносербских заклинаниях градовой тучи призываются утопленники с такими именами: «О, Стояна-утопленица! Поверни белое стадо!», «Стой, Стоя и Остоя!» и т. п. (подробнее см. Толстые 1981: 79). В некоторых селах Лесковацкой Моравы, чтобы остановить смерть в семье, где подряд случилось две смерти, при похоронах второго покойника закалывают и кладут в могилу рядом с гробом петуха, причем делает это кто-либо из участников похорон с «останавливающим» именем — *Стојан*, *Станко*, *Стаменко* (Ђорђевић 1985б: 111). В районе Призрена для защиты села от чумы ткали обыденное полотно (в течение одной ночи пряли, сновали и ткали); для того, чтобы максимально усилить магическое действие обряда, соблюдалось сразу несколько условий: полотно ткали две сестры-близнецы, они должны были иметь созвучные имена, еще лучше — если это были «останавливающие» имена, например, *Стоја* и *Стојанка* (Филиповић 1967: 72).

Имя, особенно имя будущего мужа (жены), часто становится предметом гаданий. На Среднем Урале (Чердынский у.) девушки гадали по бердечку — дощечке для тканья поясов. Перебирали зубчики и называли буквы. На какой букве остановятся, с нее и должно начинаться имя жениха (Чагин 1993: 92; ср. популярное угадывание имени по нитке, приставшей к одежде). На Рождество рано утром, когда звонят в церкви, девушки на Сумщине «прихватятся и бегут, кого догонят, мужчину первого — так будут звать мужика» (СБФ 1995: 232). Харьковская молодежь гадала накануне Нового года: спрашивали у прохожих имя — такое имя будет иметь и муж или жена (Иванов 1907: 63). Словацкие девушки в канун Рождества

несли мусор на перекресток и по имени встреченного мужчины определяли имя будущего мужа (Hogehronie: 277). У западных славян был распространен обычай варить на Новый год галушки, в которые вкладывались бумажки с именами парней; первая всплывшая при варке галушка должна была содержать имя жениха (см. Виноградова 1981: 31).

* * *

В докладе были только обозначены главные аспекты изучения прагматики и культурных функций личного имени в народной традиции. Каждый из них мог бы стать предметом специального исследования. Этнографические и фольклорные источники содержат обильный ономастический материал, который, однако, до сих пор очень мало привлекал к себе внимание лингвистов. Между тем даже те выборочные данные, которые были приведены в докладе, убедительно свидетельствуют о том, что имя в культурном тексте имеет не только особую, отличную от общезыковой, прагматику, но и специфическую «семантику», особую соотношенность с денотатом, что ономастикон культуры более тесно взаимодействует с апеллятивной лексикой, менее жестко отделен от нее, чем собственные имена вообще¹⁸. Для него характерны те же логические механизмы этимологической магии, табуирования, мифопоэтического притяжения, что и для нарицательной лексики. Но поскольку за личным именем стоит прежде всего человек, оно наделяется особой сакральностью и трактуется как важнейший инструмент, регулирующий отношения человека с миром.

Примечания

- 1 О «человеческих» именах аиста (*Иван, Василь, Максим, Никита* и др.) в полесской и других славянских традициях см. Толстой 1984.
- 2 См. Malina 1946: 40.
- 3 ПА, с. Вышевичи Радомышльск. р-на Житомирск. обл.

- ⁴ В заговоре от змей: «Гад Яков, гадзина Яковица! Гад, гад! Возьми свой яд...» (Шейн 1893: 549). Ср. полес. обращение к ужу, угрожающему ребенку: «Чы ты Иван, чы ты Демьян, чы ты Ефим, чы ты Трофим, який ты ни есть — забирайся да иды своей дорогой!» (ПА, с. Червона Волока Лугинск. р-на Житомирск. обл.).
- ⁵ О собственных именах растений в русских заговорах см. Юдин 1992 и 1997: 170–174.
- ⁶ См. Толстой 1996; Юдин 1997: 172. Ср. полесский заговор от детской бессонницы, обращенный к дубу: «Ой, ти, -дубэ, надобору, поговоримо с тобою, посватаймоса, побратаймоса, твуй сын чи Витя, чи Митя, чи як...» (Оболенская, Топорков 1990: 172).
- ⁷ См. Черепанова 1983.
- ⁸ См. Ефименко 1874: № 68, 76, 85, 97, 106; Юдин 1997: 216.
- ⁹ «Говорят, что огни разделяются между собою и имеют свои имена, например, один называется Андрей» (Волын. губ., Ровен. у. — Зеленин 1914/1: 312).
- ¹⁰ По свидетельству Ф. Колессы, в с. Ходовичи Стрыйского повета в рождественский сочельник «на столі кладут два хліби: еден сї називае Маланка, а другий Василь. Одже кладут Маланку на Васильи, під них кладут сіме коліпне на галагані» (медной монете) (Колесса 1898: 91; ср еще чешское название горбушки *Japko* — Rірка 1981: 164). Там же «як кидають каміне в піч (каміне розпалюють у печи, щоби ним золити шмате), то треба кождий камінь перекристити і 'мйи му дати: тому Василь, тому Іван, тому ще як, кождого так поназивають, тей тогди в піч кидають; бо як йинча сї забуде, не поназивае, то як зачнут лускати, розпукати сї, аж трохи піч не розсадыт» (Колесса 1898: 78–79). В Витебской губ. именем жениха нарекают одну из булок, которые пекутся к запоинам. Если булка *Степан* или *Иван* потрескается в печи, жених не будет счастлив (Шейн 1874: 286).
- ¹¹ Пример «антропонимизации» предметов в новогодней забаве молодежи: к потолку привешивают на веревке корж или лепешку; играющий должен приблизиться к нему верхом на кочерге и без помощи рук откусить от коржа; это называется «сторожить *Коржынски*, бо едэ пан *Коцюбински*» (ПА, с. Вышевичи Радомышльск. р-на Житомирск. обл.). Ср. подобный прием онимизации апеллятивов в русской сказке о том, как солдат стащил у старухи жареного гуся; старуха задает вопрос: «Не бывал ли ты в городе *Горшанске* (горшке), не знавал ли там *Гагатея Гагатеевича* (гуся)?» (Садовников 1959: 281).

- ¹² По свидетельству Б. Барановского, в некоторых районах Мазовша и Подлясья смерть называли *Baska*, в южной Малопольше — *Zoska* или *Jagusia*, в некоторых селах на верхней Варте — *Kaska* (Baranowski 1963: 270).
- ¹³ Ср. «Ужэ мэна Лопатоўскы забэрэ на могилки» (ПА, с. Курчица Новоград-Волинск. р-на Житомирск. обл.).
- ¹⁴ Ср. «Федор *Студит* землю *студит*», «На *Евтихия* день *тихий*», сербскохорв. *Vratolomije* (← *Bartolomaeus*) и т. п.
- ¹⁵ В Мазовше в этих случаях рекомендовалось называть «парные» мужские и женские имена типа *Jan — Joanna*: «*Trafia się że dziecko umiera bez chrztu; to duszyczce (zdrobniale od dusza) takiego dziecięcia wolno latać po świecie szukając, kto by je ochrzcił. Więc gdy kto zobaczy taką duszę, czyli niechrzczeńca (meteor), to powinien go ochrzcić wymawiając imiona męskie i żeńskie, ale koniecznie od tego męskiego pochodzące, np. Janie — Joanno, Piotrze — Petronelo, Pawle — Paulino, Franciszku — Franciszko, ja ciebie chrzczę itd.*» (Kolberg 1970/42: 393–394).
- ¹⁶ У сербов такие имена называются *дивља имена*. Вук Караджич в своем словаре под словом «вук» отметил значение 'nomen viri' и сообщил, что его самого назвали Вуком ('волком') потому, что в семье «не держались» дети: «Кад се каквој жени не даду дјеца онда надјене детету име Вук, јер мисли да им дјецу вјештице једу, а на вука да не ће смјети ударити (за то су и мени овако име надјели)» (Караџић 1935. См. также Вукановић 1940).
- ¹⁷ На кладбище в Пожеге можно прочесть характерную надгробную надпись: «Здесь покоятся земные останки *Велка* и *Милицы*, чье имя по смерти оказалось: *Мијаило* и *Јевросима*. Они переселились из Турции в Пожегу, а преставились в 1868 году» (ЗРНМЧ 1971/2: 47).
- ¹⁸ Аналогичные свойства обнаруживают собственные имена в поэтическом тексте. О «размывании» противопоставления ономастики и апеллятивной лексики в творчестве Хлебникова см. Григорьев 1981.

Литература и сокращения

- Антонијевић 1982 — Д. Антонијевић. Обреди и обичаји балканских сточара. Београд, 1982.
- Архив ЕИМ — Архив на Етнографски институт и музеј при БАН. София.

- Афанасьев 1996 — *А. Н. Афанасьев*. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996.
- Балушок 1993 — *В. Балушок*. Світ середньовіччя в обрядовості українських цехових ремісників. Київ, 1993.
- Барјактаровић 1962 — *М. Барјактаровић*. Зашто се нерадо помињу нека имена код нашег народа // Зборник Филозофског факултета. Београд, 1962, књ. 6/2.
- БВКЗ — Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993.
- Богатырев 1971 — *П. Г. Богатырев*. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Брагина 1980 — *Н. А. Брагина*. Диалектная лексика обрядов семейного цикла (родинного и похоронного) Череповецкого и Шекснинского районов Вологодской обл. Дипломная работа. МГУ. 1980.
- БФ — Български фолклор. София.
- Вакарелски 1935 — Бит и език на тракийските и малоазийските българари. Ч. 1: Бит. От Х. Вакарелски. София, 1935 (Тракийски сборник, кн. 5).
- Вакарелски 1961 — *Х. Вакарелски*. Принос към проучване на семейните обичаи на Панагюрско в миналото // Панагюрище и Панагюрският край в миналото. София, 1961.
- Виноградова 1981 — *Л. Н. Виноградова*. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // СБФ, 1981, с. 13–43.
- Власкина 1998 — *Т. Ю. Власкина*. Донские былички о повитухах // Живая старина, 1998, № 2, с. 15–17.
- Власова 1995 — *М. Власова*. Новая абевега русских суеверий. СПб., 1995.
- Вукановић 1940 — *Т. Вукановић*. Лична имена код Срба // ГЕМБ, 1940, књ. 15.
- Гаврилук 1981 — *Н. К. Гаврилук*. Картографирование явлений духовной культуры. По материалам родильной обрядности украинцев. Киев, 1981.
- ГЕИ — Гласник Етнографског института САН. Београд.
- ГЕМБ — Гласник Етнографског музеја. Београд.
- Герасимов 1910 — *М. К. Герасимов*. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.
- Геров 1–6 — *Н. Геров*. Речник на българския език. Пловдив, 1895–1904, ч. 1–6.
- Григорьев 1981 — *В. П. Григорьев*. Собственные имена и связанные с ними апеллятивы в словотворчестве Хлебникова // Ономастика и грамматика. М., 1981, с. 196–222.

- Гринченко 1895 — *Б.Д.Гринченко*. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895, вып. 1.
- Гура, Кабакова 1995 — *А.В.Гура, Г.И.Кабакова*. Вдовство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И.Толстого. М., 1995, т. 1, с. 293–297.
- Добруджа. Этнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1971.
- Дучић 1931 — *С.Дучић*. Живот и обичаји племена Кучи. Београд, 1931 (СЕЗБ, књ. 48).
- Ђорђевић 1938 — *Т.Р.Ђорђевић*. Зле очи у веровању Јужних Словена. Београд, 1938 (СЕЗБ, књ. 53).
- Ђорђевић 1941 — *Т.Р.Ђорђевић*. Деца у веровањима и обичајима нашег народа. Београд, 1941.
- Ђорђевић 1958 — *Т.Р.Ђорђевић*. Природа у веровању и предању нашег народа. Београд, 1958, књ. 1, 2 (СЕЗБ, књ. 71, 72).
- Ђорђевић 1958а — *Д.М.Ђорђевић*. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958 (СЕЗБ, књ. 70).
- Ђорђевић 1985б — *Д.М.Ђорђевић*. Живот и обичаји народни у Лесковачком крају. Лесковац, 1985.
- Ефименко 1874 — *П.Ефименко*. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874.
- Забылин 1880 — *М.Забылин*. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- Завойко 1914 — *Г.К.Завойко*. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение, 1914, год 26, № 3–4.
- Зеленин 1914–1916 — *Д.К.Зеленин*. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914–1916, вып. 1–3.
- Зеленин 1995 — *Д.К.Зеленин*. Избранные труды. Очерки русской мифологии, вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
- Зиновьев 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П.Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- ЗРНМЧ — Сборник радова народног музеја Чачка. Чачак.
- Иванов 1893 — *П.В.Иванов*. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда // Сборник Харьковского Историко-филологического общества. Харьков, 1893, т. 5, вып. 1, с. 23–74.

- Иванов 1907 — *П. Иванов*. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1907.
- Кабакова 1994 — *Г. Кабакова*. Дети, умершие до крещения // Проблемы сучасної ареалогії. Київ, 1994, с. 312–317.
- Караџић 1935 — *Вук Караџић*. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1935. Изд. 4.
- Колесса 1898 — Людові вірування на Підгір'ю. В с. Ходовичах Стрийського повіту списав Філярет Колесса // Етнографічний збірник. Львів, 1898, т. 5.
- Кръстева 1996 — *Е. Кръстева*. Име и именуване в българската традиционна култура // Етнографски проблеми на народната култура. София, 1996, т. 4, с. 112–137.
- Кухаронак 1993 — *Т. І. Кухаронак*. Радзінныя звычаі і абрады беларусаў. Канец XIX–XX ст. Мінск, 1993.
- Логинов 1993 — *К. К. Логинов*. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
- Маринов 1984 — *Д. Маринов*. Избрани произведения. София, 1984, т. 2.
- Махрачева 1997 — *Т. В. Махрачева*. Лексика и структура погребально-поминального обрядового текста в говорах Тамбовской области. Канд. дисс. Тамбов, 1997.
- Милићевић 1894 — *М. Т. Милићевић*. Живот Срба селяка. Београд, 1894 (СЕЗБ, књ. 1).
- Милосављевић 1913 — *С. Милосављевић*. Српски народни обичаји из среза Хомольског // СЕЗБ. 1913, књ. 19, с. 1–442.
- Миодраговић 1914 — *Ј. Миодраговић*. Народна педагогија у Срба. Београд, 1914.
- МП — Македонски преглед. София.
- На путях из Земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. / Отв. ред. В. А. Александров. М., 1989.
- Никифоровский 1897 — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897.
- Номис 1864 — *М. Номис (М. Симонов)*. Українські приказки, прислів'я і таке інше. СПб., 1864.
- Носова 1993 — *Г. А. Носова*. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М., 1993. (Российский этнограф, вып. 6).

- Носович 1870 — *И. И. Носович*. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Оболенская, Топорков 1990 — *С. Н. Оболенская, А. Л. Топорков*. Народное православие и язычество Полесья // Язычество восточных славян. Л., 1990, с. 150–177.
- ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.
- Петровић 1948 — *П. Ж. Петровић*. Живот и обичаји народни у Грузи // СЕЗБ, 1948, књ. 58.
- Петровић 1992 — *С. Петровић*. Културна историја Сврљига, књ. 1. Митологија, магија и обичаји. Ниш–Сврљиг, 1992.
- Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвања. Софија, 1980.
- Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвања. Софија, 1986.
- Подвысоцкий 1885 — *А. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования / Отв. ред Н. И. Толстой. М., 1983.
- Радуновић 1988 — Остала је реч. Српске народне умотворине из Метохије. Скупио, записао и приредио М. Радуновић. Београд, 1988.
- РБЕ — Речник на българския език. Софија, 1977, т. 1. А–Б.
- Родопи. Традициона народна духовна и социалнонормативна култура. Софија, 1994.
- Садовников 1959 — *Д. Н. Садовников*. Загадки русского народа. М., 1959.
- СБНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. (Сборник за народни умотворения и народопис). Софија.
- СБФ — Славянский и балканский фольклор. Москва.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995, т. I.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1991, т. IV.
- СЕЗБ. — Српски етнографски зборник. Београд.
- Странджа. Материална и духовна култура. Софија, 1996.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1965–, вып. 1–.
- Тановић 1927 — *С. Тановић*. Српски народни обичаји у Ђевђелијској кази // СЕЗБ, 1927, књ. 40.
- Тешић 1988 — *М. Тешић*. Народни живот и обичаји Пожешког краја. Пожега, 1988.

- Толстая 1992 — *С. М. Толстая*. Магия против смерти // Балканские чтения. 2. Симпозиум по структуре текста. М., 1992, с. 52—58.
- Толстая 1997 — *С. М. Толстая*. Из полесской обрядовой лексики: *нашлось дитя* // Украинський діалектологічний збірник. Кн. 3. Пам'яті Тетяни Назарової. Київ, 1997.
- Толстой 1970 — *Н. И. Толстой*. Еще раз о «семантике» имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 1970, с. 200—201.
- Толстой 1984 — *Н. И. Толстой*. Иван-аист // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984, с. 115—118.
- Толстой 1994 — *Н. И. Толстой*. «Останавливающие» имена и их магические функции // Балканские чтения. 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994, с. 74.
- Толстой 1996 — *Н. И. Толстой*. Этнографический комментарий к древним славяно-русским текстам. II: Священный дуб // Русское подвижничество. М., 1996, с. 457—464.
- Толстые 1978 — *Н. И.* и *С. М. Толстые*. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье // СВФ, 1978, с. 95—130.
- Толстые 1981 — *Н. И.* и *С. М. Толстые*. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // СВФ, 1981, с. 44—120.
- Толстые 1988 — *Н. И. Толстой*, *С. М. Толстая*. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988, с. 250—254.
- Требјешанин 1991 — *Ж. Требјешанин*. Представа о детету у српској култури. Београд, 1991.
- Тројановић 1930 — *С. Тројановић*. Ватра у обичајима и животу српског народа. Београд, 1930 (СЕЗ6, књ. 45).
- Успенский 1996 — *Б. А. Успенский*. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // *Б. А. Успенский*. Избранные труды. М., 1996, т. II. Язык и культура, с. 187—202.
- Филиповић 1951 — *М. С. Филиповић*. Крштени муслимани // Зборник радова Етнографског института САНУ. Београд, 1951, књ. 14/2.
- Филиповић 1955 — *М. Филиповић*. Белешке о народном животу и обичајима на Гласинцу // Гласник Земалског музеја Босне и Херцеговине у Сарајеву. Сарајево, 1955, књ. 10, с. 117—136.
- Филиповић 1967 — *М. Филиповић*. Различита етнолошка грађа. Београд, 1967 (СЕЗ6, књ. 80).

- Цепенков 1980 — *М.К.Цепенков*. Македонски народни умотворби во десет книги. Изд. 2. Скопје, 1980. Кн. 9: Народни верувања. Детски игри.
- Чагин 1993 — *Г.Н.Чагин*. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1993.
- Чајкановић 1923 — *В.Чајкановић*. Имена од урока // Годишњица Николе Чупића. Чупићева задужбина. Београд, 1923, књ. 35, с. 152—163 [переизд. Чајкановић 1994/1: 172—185].
- Чајкановић 1994 — *В.Чајкановић*. Сабрана дела из српске религије и митологије. У пет књига. Београд, 1994, књ. 1. Студије из српске религије и фолклора, 1910—1924.
- Чубинский 1877 — Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. СПб., 1877, т. 4. Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны.
- Чучка 1970 — *П.П.Чучка*. Антропони́мія Закарпаття. Ужгород, 1970.
- Шейн 1874 — *П.В.Шейн*. Белорусские песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб., 1874.
- Шейн 1893 — *П.В.Шейн*. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893, т. 2.
- Шейн 1902 — *П.В.Шейн*. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902, т. 3.
- ЭО — Этнографическое обозрение. Москва.
- Юдин 1992 — *А.В.Юдин*. Проблемы ономастики русских заговоров. Канд. дисс. Одесса, 1992.
- Юдин, 1997 — *А.В.Юдин*. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- Ястребов 1886 — *И.С.Ястребов*. Обычай и песни турецких сербов (в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре). СПб., 1886.
- Baranowski 1963 — *В. Baranowski*. W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź, 1963.
- Chorváthová 1984 — *L'.Chorváthová*. Rodinný zvykoslovie // Národopisný informácie, 1984, č. 1, s. 94—184.
- Federowski 1897 — *М. Federowski*. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897, t. 1.
- Filipović 1969 — *М. S. Filipović*. Prilozi etnološkom poznavanju severoistočne Bosne. Sarajevo, 1969.
- Horehronie. Kultúra a spôsob života l'udu. Bratislava, 1969.
- Ilić 1846 — *L. Ilić*. Narodni slavonski obiçaji. Zagreb, 1846.

- Kolberg 1970 — *O. Kolberg*. Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1970, t. 42. Mazowsze, cz. 7.
- Lehr 1984 — *U. Lehr*. Wierzenia w istoty nadzmysłowe // *Etnografia Polska*, 1984, t. 28, z. 1, s. 223–250.
- Malina 1946 — *I. Malina*. Slovník nářečí mistrického. Praha, 1946.
- Marković 1940 — *T. Marković*. Božični običaji Hrvata u Bosni i Hercegovini // *Etnografska istraživanja i građa*. Zagreb, 1940, knj. 2, s. 5–86.
- NU — Narodna umjetnost. Zagreb.
- Pośpiech 1987 — *J. Pośpiech*. Zwyczaje i obrzędy doroczne na Śląsku. Opole, 1987.
- Ripka 1981 — *I. Ripka*. Vecný slovník dolnotrenčanských nářečí. Bratislava, 1981.
- Sychta 1–7 — *B. Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976, t. 1–7.
- Świętek 1893 — *J. Świętek*. Lud nadrabski od Gdowa po Bochnię. Kraków, 1893.
- Talko-Hryniewicz 1893 — *J. Talko-Hryniewicz*. Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków, 1893.
- Vukanović 1986 — *T. Vukanović*. Srbi na Kosovu. Vranje, 1986, t. 2.

Содержание

В. А. Дыбо, С. Л. Николаев

**Новые данные и материалы
по балто-славянской акцентологии**

5

А. Ф. Журавлев

**К реконструкции древнеславянского мировидения
(о категориях «доли» и «меры»
в их языковом и культурном выражении)**

71

Н. И. Толстой, *С. М. Толстая*

Имя в контексте народной культуры

88

Научное издание

Три доклада
к XII Международному съезду славистов
ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Утверждено к печати
Национальным комитетом славистов Российской Федерации

Корректор *Р. Агеева*
Редактор *Н. Волочаева*

